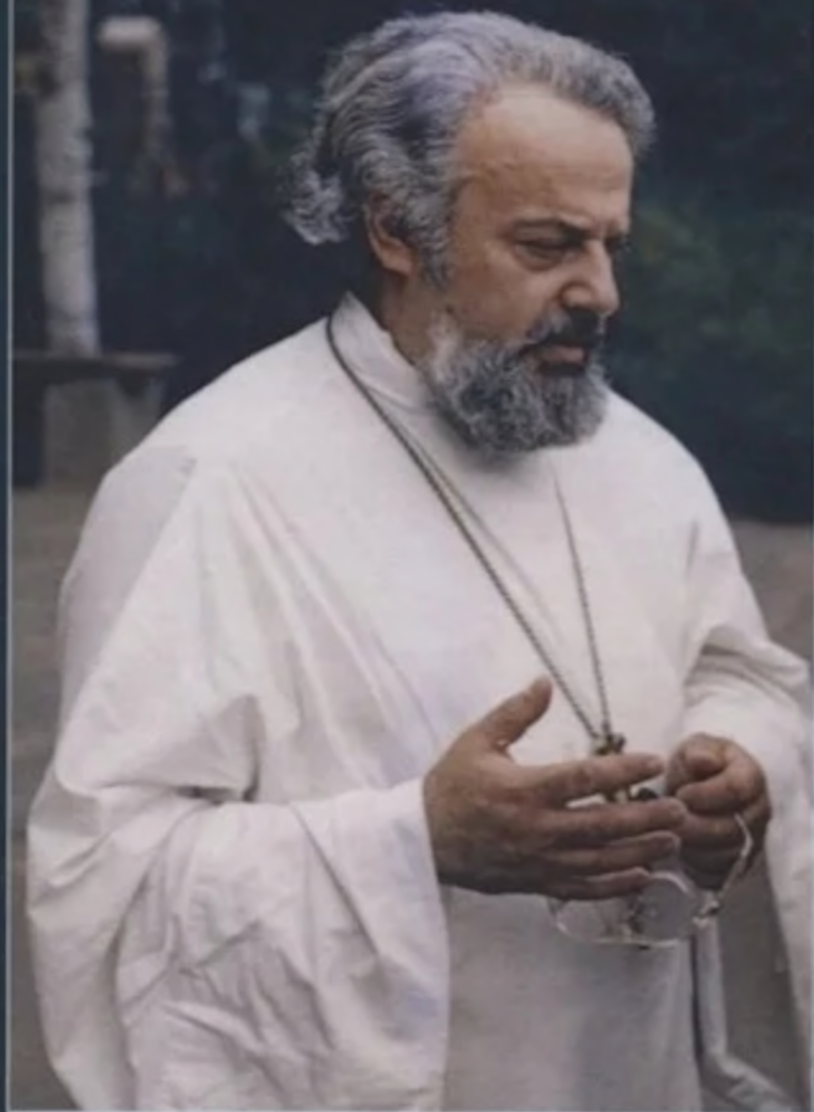

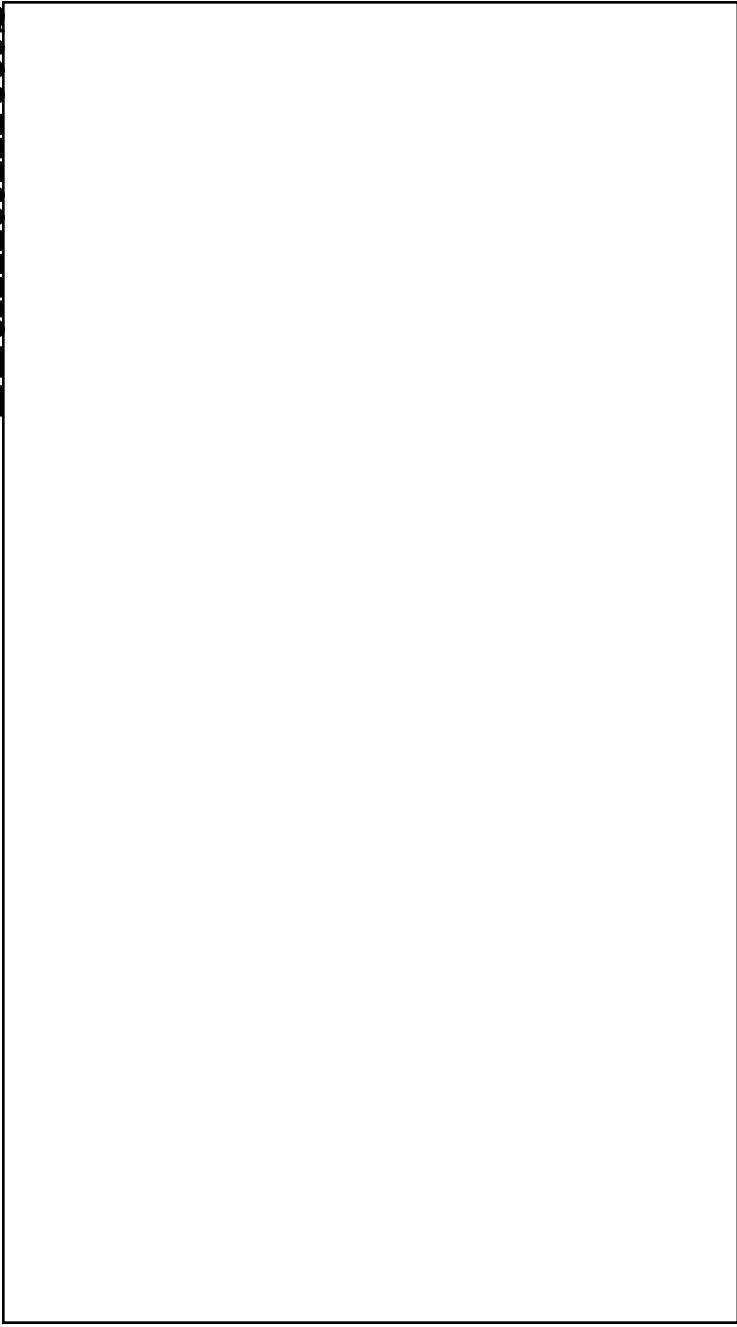
Humanitas

Александр Зорин

Ангел-чернорабочий

Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научно-информационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Александр Зорин

Ангел-чернорабочий

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2017

УДК 130.2
ББК 83.3
3 86

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденок, И.Л. Галинская,
В.Д. Губин, Б.Л. Губман, П.С. Гуревич, А.Л. Доброхотов, Г.И. Зверева,
А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина,
Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

Редактор: М.П. Крыжановская

Зорин А.

3 86 **Ангел-чернорабочий.** М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив,
2017. — 192 с. (Серия «Humanitas»).

ISBN 978-5-98712-687-5

Эта книга написана поэтом, духовным сыном отца Александра Меня — выдающегося священника, религиозного писателя. Это дневник, включающий в себя и стихи и страницы биографии отца Александра, рассказанной им самим. Это пристрастное свидетельство о его жертвенной жизни и мученической смерти.

В третье издание внесены существенные дополнения.

*В оформлении книги использованы фотографии
Софьи Руковой, Сергея Бессмертного и Виктора Андреева.*

УДК 130.2
ББК 83.3

ISBN 978-5-98712-687-5

© С.Я. Левит, составление серии, 2017
© А. Зорин, 2017
© Центр гуманитарных инициатив, 2017

Не было рядом с ним ни Епифания Премудрого, ни даже Эккермана... Но, может быть, мы, многочисленные свидетели его жизни, по клочкам соберем то, что уже стало историей – еще одной кровавой страницей в истории нашей Церкви.

Эти записи я вел от случая к случаю в течение шестнадцати лет, с тех пор как стал прихожанином Сретенского храма в Новой Деревне, где служил отец Александр. Желание записывать вытесняли разные обстоятельства, которыми всегда можно оправдаться. И все же кое-что осталось в записных книжках: его советы на исповедях, драгоценные мысли в беглом разговоре, конспекты проповедей, когда ввиду опасности их редко писали на магнитофон. Наконец, просто впечатления после целого дня, проведенного с ним в храме, на требах (часто кого-нибудь из нас брал с собой), на молитвенном собрании, потом в электричке по дороге к дому.

Он не был склонен много рассказывать о себе. И тем не менее несколько встреч отвел именно для этого. Магнитофоном я не пользовался, что-то помечал в блокноте, а вечером или на следующий день расшифровывал свои заметки. Удивительно – как точно запоминалась его речь... Хотя конечно же не буквально. И там, где он говорит от своего имени, надо все-таки делать поправку на возможный «дефект» воспроизведения.

В летние месяцы я жил в Семхозе, на той же станции, где и отец Александр, что давало возможность видеться с ним немного чаще, чем в храме.

Его гибель сродни тектоническому сдвигу. Она сместила пласты в сознании людей – и знавших его, и не знавших, – а во мне отозвалась лавиной стихотворений, которые здесь разбросаны по всему тексту.

Сведения о его жизни я не выстраивал в линейной последовательности – это задача будущих биографов. Сейчас важно донести до мира все, что мы знаем об отце Александре, важно дать представление о его личности. И, кажется, следует торопиться...

1976 год

Поездка с отцом Александром из Пушкино в Москву. На платформе долго ждем поезда. Я делюсь своими впечатлениями о Сальвадоре Дали, самый полный альбом которого недавно мне посчастливилось увидеть. Отец А. не останавливает фонтана моих впечатлений, а в конце суммирует: «Ужас Дали мистического характера. Он не отвратителен, не прекрасен. Он — факт иного измерения действительности. Измерения, которое не лежит в русле наших отношений с Богом. Мне лично Дали нравится. Не просто красота и не просто ужасная красота, но еще и новая, необъяснимая реальность». И далее он заговорил о том, что одичание современных художников произошло не так давно, уже в Новое время. Их упоение формой — следствие духовной беспочвенности. Все художники древности мыслили одухотворенно и воплощали идею боговдохновенную. Везде присутствовал реальный образ Творца.

Я подумал, что в пейзажах Рериха он тоже есть. А в тех, в которых нет, он дополняется воображением, потому что все его пейзажи — единый цикл и грани одного кристалла, отражающего идею боговдохновенную. Изобразительное искусство, не прикладное, должно быть — пусть тончайше и неуследимо — связано с сюжетом. Хотя бы, как у Рериха, спорадически.

Марк Шагал выполнил витражи для университетского храма. Но правоверные христиане забросали их кирпичами. Многого погибло.

Кто-то спросил отца Александра об оккультизме. Он ответил, что, разумеется, у людей есть сила наводить порчу, заговаривать кровь и различные болезни, но вокруг этого нарастает жуткий ком суеверной чепухи и выдумки. Трудно отделить.

И рассказал, что в Иркутске, где он учился в 50-е годы, в центре города было кладбище — старинное, богатое, с памятниками. Кладбище упразднили, разбили на этом месте ЦПКиО. Отдыхающие гуляли и спотыкались о холмики, потому что все скрыть невозможно.

Однажды по городу разнесся слух, что в одном доме летают вещи. Хозяева в страхе объявили об этом, и к ним приезжала из Москвы какая-то научная комиссия. Горожане, созерцая это зрелище, повалили забор вокруг дома. Любопытных были толпы. По дому летали стулья, книги, патефон и т.п. Хозяева не вынесли — съехали. Дом заколотили, а в газете поместили

заметку, что вещи якобы подбрасывала и ловко пускала по воздуху сестра хозяйки. И патефон, кружащийся в воздухе, в том числе...

Хозяин дома, когда крушили кладбище, уволок с него могильные плиты и памятники под фундамент. Кирпич — где достать, да когда еще повезет, — а здесь готовый фундамент. Таким образом, дом, где происходили напугавшие всех явления, стоял на могильных плитах. Если как-то объяснять эти явления, то, видимо, два обстоятельства: могильные плиты и летающие предметы имеют отношение друг к другу.

Отец А. отмечает, что парапсихолог Васильев в своей изданной книге пишет о степени научной достоверности фактов, когда смерть какого-то человека ощущалась двумя людьми, находящимися в разных и весьма отдаленных местах. Известен случай с Фомой Аквинским — хрестоматийный пример.

Сам отец А. видел однажды призрак. Он имел человеческий образ. И звук — потрескивание, как будто снимают синтетическую рубашку или кошку гладят. Ощущение потрясающей гадливости. «Напугать меня трудно, — говорит отец А., — но здесь... как если бы за воротник таракан заполз».

Мне в очередной раз вернули книгу из издательства с отрицательной рецензией. Основные аргументы: очернительство, «смакование негативных сторон нашей действительности», «копание в грязном белье» и т.д. Я, разумеется, все свои обиды и сомнения — к отцу А., на исповедь. «Может быть, издание книги — мирской соблазн? Не тщеславие ли мною движет?» — спрашивал я его. Он отвечал примерно следующее: «Вы же не для себя пишете. Резонанс нужен поэту. Нужно взглянуть на себя со стороны. Книгой. Рукопись читают избранные — доброжелатели, посвященные — узкий круг. А у книги круг шире. Больше проб на прочность, излом, изгиб — как хотите — вашего творчества». И тогда же на исповеди: «Современный биолог сказал, что ад легче изобразить, чем рай, потому что в аду живем. Краски под рукой. И это верно... Краски под рукой. А когда выше поднимаешься, вот тогда-то слов и не хватает. Неоткуда взять, потому что живем не там».

Но куда же деваться, думал я, возвращаясь домой, как быть? Конечно, идти ввысь и по мере восхождения писать теми красками, теми цветами, которые есть на той высоте. Быть верным любой высоте и писать только ее красками — это и значит быть предельно искренним. Но не забывать о восхождении. Это — главное, это — основа творчества.

Подолгу живя в Прибалтике (в Эстонии и Латвии), я возвращался в Новую Деревню «хлебнуть чистого воздуха», делился противоречивыми впечатлениями. Отец А., конечно, многое прояснял.

— В стране может быть высокая бытовая культура, — говорил он, — сервис и т.д., а духовная оставаться на периферии. Культура в широком, обобщающем смысле — это поток, русло которого по каким-то странам проходит, а какие-то не затрагивает. Путь потока неуследим.

— Не зависит ли это от численности нации? — спросил я.

— Бывают численно великие нации, а не самобытные, — ответил он. — Древние татары, например. Или турки. Татары заимствовали культуру и религиозные культы всюду, где они проходили. Турки чуть не всю Европу заняли, а своей культуры самобытной не было...

— Так значит, путь не проследишь, не предскажешь?

— Да, видимо, он прокладывается по непонятным нам законам...

Он говорил об интуиции — ученого или художника. «Скульптор Герасимов, антрополог. Он воссоздавал образы по наитию, хотя и научно обоснованно. Однако если его портреты известных лиц были фотографически точны, то портреты, которые воссоздают его ученики, только приблизительны по схожести. Хотя ученики пользуются теми же методами, научно обоснованными».

Отец Александр говорит, что каждому из нас нужен панцирь. Волевое усилие, каждодневная молитва. Слово Божие поможет обрести нам защиту в мире. Я продолжил его мысль в направлении, в котором после крещения двигался еще по инерции. «Вся жизнь уйдет на то, — думал я, — чтобы отковать самому себе панцирь. Откуешь, примеришь, а он окажется деревянным. Деревянный бушлат, как говорили зеки...»

«Я уверен, что ни один храм не был закрыт без воли Божией. Церковь всегда отнималась у недостойных. Атеизм — продукт нашего недостойства. Нужно бороться не с атеизмом в первую очередь, а с лжехристианством внутри каждого из нас». Это не буквальные его слова, хотя смысл точен.

На исповеди: «Грехи, как невидимые микробы, поедают целые народы».

«Чувственность — огонь. Но огонь должен быть лампой или свечой».

«В воде можно утонуть, а можно утолить жажду».

«Древняя икона отошла в историю не потому, что ее язык устарел, а потому, что все течет, все меняется...»

Он говорит, что современной иконографии нет. Наши кописты воспроизводят традиционный стиль, канонический образ и т.д. Это, конечно, необходимо сегодня при отсутствии современного стиля. Но это не оригинальное творчество.

К первой исповеди я готовился тщательно. Исписал чуть ли не целую ученическую тетрадь, но с собой в храм ее не взял. Батюшка слушал меня терпеливо, хотя сзади, как всегда, поджимала очередь исповедников. После каждой исповеди в те начальные годы я отходил от него, как заново рожденный, летел как на крыльях. «Ну как ваши дела?» — был его первый вопрос. Он знал дела каждого, помнил в мельчайших подробностях и включался тотчас, когда подходила твоя очередь. Первое, что ты видел, — это его улыбка и широко раскрытые глаза. Он смотрел на тебя, как на нового человека, всегда с интересом. Это был взгляд ребенка — восхищенный и ожидающий откровения. Невозможно было что-либо утаить. Не потому, что он читал твои мысли (не такие уж они сложные!), а потому, что невозможно на фоне чистого экрана оставаться незаметным черным пятном. А чистота эта — детскость и мудрость — находилась рядом. Она не исчезла и сегодня, когда его уже нет в живых. И если раньше мы чувствовали ее взыскующую правду на исповедях или в личном общении, то теперь она — повсюдна, принимая наши поступки и мысли на свой экран.

Духовные дети отца Алексея Мечева вспоминают: каждому казалось, что батюшка любит его больше всех остальных. То же самое переживали и мы. Исповедь — особое состояние близости, та благодатная атмосфера таинства, которую нельзя разделить ни с кем. Но поделиться советами духовника можно.

На той первой исповеди он говорил, что в человеческом организме есть мужские и женские гормоны. Эйфорическую любовь вызывают гормоны женские. Мужская любовь — жертвенна: брать на руки, защищать, отвечать за человека. Брать его на себя.

«Нужно беречь верность Богу. Живем-то в основном на периферии Духа. Соблюдая верность, мы перемещаемся к центру. Верность — точное понятие в общении с Богом».

«Вера — это путь, на котором спотыкаешься, испытываешь духовное очерствение. Мгновенное озарение, благодать даны вам сейчас как аванс. Дальше пойдет настоящая черная работа».

«Зло материализуется. Как выхлопные газы — скапливается в атмосфере».

16 августа 1979 года

Вчера позвонил отцу Александру, как было условлено о том несколько дней назад. Подошел кто-то из домашних, а потом он. Взял трубку и обратился сразу по имени, как будто у него в кабинете видеотелефон. Договорились встретиться утром на платформе и вместе ехать в храм — завтра его дежурный день, требы.

Я сидел на лавочке, перечитывая свои заметки о Пастернаке (предстояла лекция). Утро, платформа почти пустая, слышу шаги, твердые и неторопливые, поднимаю голову — отец Александр. Серый костюм, желтый портфель, протягивает руку.

В поезде к «моему» Пастернаку батюшка добавил несколько важных штрихов. Пастернак в юности был дружен с Дурьилиным, человеком ярким и талантливым, но эклектичным, поверхностно религиозным, как многие в то время. В сталинские же годы его, священника, посадили. В ссылке он женился и, вернувшись, уже не служил.

«Положение Церкви после 17-го года неоднозначно. Советский период вмещает в себя полемику с атеизмом, пробуждение духовного сознания, дифференциацию духовного сознания. Уже прошли самые разные направления».

На исповеди: «Не давать овладеть собой первой реакции, не всегда справедливой. Управлять маской лица». В ответ на мое «патологическая рассеянность на молитве» — он: «К молитве надо ПРОРУБАТЬСЯ!»

Июнь 1983 года

Семхоз. Мы с отцом Александром работали в саду. Кажется, пололи грядки. Во время такой механической работы в саду он, как правило, не расставался с транзистором. Не раз я заставлял его с лопатой, которой он довольно ловко орудовал, а рядом на травке — транзистор. Сейчас рядом я, и ему приходится не слушать, а говорить.

«Андрей Боголюбский убит за свой строптивый нрав. Был гордецом и деспотом. Скульптор-антрополог Герасимов, воссоздавший портрет князя, установил, что у него был поврежден позвоночник при жизни. Портрет: скуластое, с раскосыми глазами лицо — половецкая кровь. Позвоночник, неправильно сросшийся, вскинул голову. Князь так и ходил со вскинутой головой. Что

было, возможно, и причиной, и следствием его гордыни. Канонизирован...

Царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного. Эпилептик. Не раз, забавляясь маленькой железной палицей, забивал насмерть кур и гусей. Он со сверстниками играл в тычки, в ножички. В припадке, зажав нож в кулаке, упал, забился, махнул себя по горлу, задел сонную артерию. Все видели. Выбежавшая царица и слуги самосудом убили 15 человек — мамок, нянек и т.д. Учинили допрос. И дети, и взрослые дали одинаковые показания — несчастный случай, самоубийство. Борису Годунову не было нужды мифологизировать этот случай. Понадобилось Лжедмитриям.

За что этот больной и свирепый младенец причислен к святости?..

Геннадий Новгородский. Книжник, создатель так называемой геннадиевской Библии. «Журнал Московской патриархии» помещает о нем статью в двух номерах с иконами. Настаивал ввести инквизицию в России. Канонизирован...

А Нил Сорский — нет. Как он попал в святцы — непонятно. Возможно, какой-нибудь вольнодумец его вписал втихую...

Народное почитание — сомнительно. Народ чтит Илью Пророка как Бога, прикрываясь христианским праздником».

«Затворничество — путь наименьшего сопротивления. Легче уйти от мира, чем остаться в нем, преобразуя его косность. И свою притом...

Западная Церковь провела вивисекцию среди своих святых. Отчислила тех, кто почитался стихийно и не оставил по себе правдоподобных свидетельств.

Восточная же Церковь никак не решится на это. Хотя здесь нужна не вивисекция, а решительная ампутация. Это начальный и значительный путь в христианском самосознании. Есть, разумеется, бесспорные примеры, среди которых Серафим Саровский, Сергей Радонежский. Они были на виду и почитались при жизни».

В тот день я возвращался в Москву; корявыми, прыгающими буквами поспешил записать уже в электричке то, о чем он говорил. Путь долгий — было время подумать...

Действительно, кому молятся многие верующие, призывая на помощь своих патронов? Тому, кто не стоит рядом с Богом, не удостоен Его особой близости, ибо при жизни не был близок к Нему. За что же Он после смерти их приблизит? За их именами не стоит могучий нерассеянный Дух, способный при-

ти на помощь и допущенный просить помощи и заступничества у Бога.

Многие верующие молятся именам, если не сказать — идолам, и молитва их безадресна и безответна. Обозначить круг святых — дело не только богословское или научное, а сугубо жизненное, ибо в жизни опираемся на пустоту.

Декабрь 1983 года

Умер Вадим Тарасов. Не удержался; выпил, а он был «вшитый», пить ему — смертельно опасно. Вносим гроб с телом в храм. Староста Кузьма Абрамович неторопливо, шаркая ногами (ему далеко за 80), идет за гробом. Спрашивает как о чем-то обыкновенном и привычном:

— Покойник не пахнет?

— Не пахнет, — отвечаем.

— Ну, тогда снимите крышечку, становьте ее вот сюда...

Отец А. знал Вадика чуть ли не со школьной скамьи. Из-под каких коряг только его не вытаскивал! В свое время приставил его опекать пожилую женщину. Брошенная сыном, она «прилепилась» к нашему приходу, точнее, к батюшке.

— Ой, — спохватывается он, — начинаешь рассказывать, хоть мемуары пиши. А мемуары писать нынче опасно. Жаль, что я не Достоевский, — такой материал пропадает... Так вот, Вадик за ней очень трогательно ухаживал. Я говорил Вадика: если снова запьешь, погибнешь. Так и случилось; получил деньги, зашел в пивнушку, а там облава. Весь шалман загребли и его в том числе. А в милиции их, наверное, избили — сердце не выдержало.

Вадим Тарасов был фотограф, и очень хороший. После смерти у его жены Татьяны оставался большой архив — негативы, редкие батюшкины снимки: фотографировал он отца Александра довольно часто. Известен его портрет — улыбающийся, смеющийся батюшка. Серый костюм, смоляные волосы, чуть тронутая сединой борода. Недавно я попросил у Тани негативы этих снимков. Вот что она мне рассказала: году в 84-м или 85-м ее, как и многих, таскали в Лефортово по делу Н. Однажды она пришла домой и поняла, что без нее приходили «гости». Заглянула на шкаф, где в отдельной коробке хранился архив с работами Вадима. Коробка была пу-

ста... Итак, к досье отца А. в Госбезопасности прибавился солидный видеоматериал. И негатив того сияющего солнечного портрета. Я не удивлюсь, если увижу на прилавках, в широкой продаже, редкие снимки отца А. Эта организация не побрезгует таким заработком. Ведь продают же они анонимное «Письмо Александру Меню».

Ф. К-а отец Александр крестил, пестовал. А вышел из него Иуда. Идеальный антисемит.

Такие метаморфозы случались с некоторыми его питомцами. Предательство возникало чаще всего на почве зависти. Если питомцы были явно талантливы и отец А. видел в них возможности к серьезному развитию, он помогал им безоглядно, знал, что времени нет, открывался до последних пределов, что давало повод для критики, вроде бы обоснованной, а на самом деле предвзятой.

Были, наверное, поводы обвинить отца в отступничестве от православных традиций. Например, пост. Воздержание в пище. Лида Муранова рассказывала, как они с отцом Александром работали над записью фонограмм к слайд-фильмам. Батюшка заезжал к ней на работу, в филиал Литературного музея, что находится на Ленинском проспекте. Здесь была хорошая аппаратура и приличные условия для записи. Лидочка готовила кофе, бутерброды, испросив сначала у батюшки дозволения – было время поста: не грех ли кофий пить в Великий пост? На что батюшка, махнув рукой, отвечал с обезоруживающим юмором: «Ах, 70 лет постимся...»

Но эта его правдивая шутка говорит только о том, что к Лидочке он относился с доверием, не боясь ее смутить своим необычным отношением к посту, строгость которого прежде всего полагал в сфере нравственной, безусловной. И здесь он был неколебим. Кроме того, соблюдение поста назначал строго индивидуально, как врач, учитывая особенности личности каждого «пациента».

Отец Алексей Мечев рекомендовал своим чадам не вводить в соблазн соседей по столу, есть что подают, если в доме, куда они пришли, не соблюдают постов. При этом он ссылался на митрополита Филарета Дроздова, который так и поступал.

Разумеется, не все понимали такую вольность нашего батюшки. И те, в ком тлел уголек зависти, разжигались на этих примерах и в конце концов становились его врагами. Уберечься от их глаз было невозможно. Отца А. окружало огромное количество народа. Время на узнавание каждого было мизерным.

Приходилось им доверять и уповать на Господа — как Он рассудит: будет новый человек союзником, помощником или недоброжелателем.

Однажды, когда случилось такое предательство — ушел из прихода В.Н., — отец А. воскликнул сокрушенно: «О, я вывел в жизнь столько чудовищ! Его уход — это нож в спину...»

Его уход не был внезапным. Я стал замечать что В.Н. не упускает случая скомпрометировать отца А. и даже больно поддеть. Исподволь внушал, что человек, которым все восхищаются, не может пребывать в смирении, не может не возгордиться. В.Н. был умен, хорошо образован, и батюшка прислушивался к его замечаниям по поводу своих книг. То ли к «Истокам», то ли к «У врат молчания» он написал целый трактат на нескольких страницах, и батюшка (по словам самого В.Н.) во многом с ним согласился. Эрудированный, покладистый, пунктуальный, он был помощником незаменимым. Но исключительное положение в приходе сломило его. Увы, но близость к батюшке некоторых людей развращала.

Однажды была встреча у меня дома. За столом, как обычно, в центре внимания отец А. Но здесь образовалось два центра. На противоположном конце стола вокруг В.Н. составила группа из нескольких человек, В.Н. что-то громко и смешно рассказывал, привлекая всеобщее внимание, его соседи дружно реагировали на шутки, и голос отца А. терялся в этом гаме. Я подсел к нему, едва ли не разъяренный поведением веселой компании. А отец А. продолжал говорить, странно поглядывая в их сторону... В его взгляде не было укора, а только смущение и, наверное, уже зародившаяся догадка, что с В.Н. происходит неладное и это может привести к катастрофе. Его взгляд выражал и смущение, и тревогу...

Он «вывел в жизнь чудовищ»... Как это понимать? Он чувствовал ответственность и не снимал своей вины даже там, где отступничество оказывалось злонамеренным. Он считал, что в любом случае мог подать повод к соблазну, ибо как человек, близкий к святости, объективно чувствовал свою «нечистоту».

В.В. работал в храме алтарником и был не очень дисциплинирован. Попросту манкировал своими обязанностями. Постоянно опаздывал на службу, часто едва-едва поспевал к Литургии верных.

Отец А. носил ему книги — портфелями, — учись! А он заводил романы с эйфорически настроенными прихожанками, писал про это туманные стишки и в буквальном смысле сло-

ва дремал на богослужении. Нередко – в кресле, что стоит в алтаре. У нас ходила даже шутка, напоминающая армейскую: «В.В. спит, а служба идет». Батюшка все прощал, а новый настоятель о. Стефан выгнал его тотчас же, как только тот нарушил церковную дисциплину. О. Стефан был строг по части устава и, прикрываясь этим, очень скоро ожесточился против отца А. В.В. некоторое время «прокантовался» в московских приходах и был рукоположен (уж наверное, не без ходатайства отца А.) Хризостомом, в то время епископом Харьковским и Белгородским. Получил приход в Белгородской области и из одной крайности влетел в другую. Его душевная аморфность сменилась фанатическим уставничеством. Он служил обедню по три-четыре часа. Молебны, крестины, панихиды – по всем правилам монастырской традиции. От прихожан, особенно молодых, требовал абсолютного послушания и разрыва с теми условиями жизни, которые, по его мнению, мешали их действительному и полному воцерковлению. В городе он появлялся в рясе, что, конечно, вызывало на улицах такое же смятение, как если бы он въезжал в город на слоне. Люди окаменевали при виде живого попа, да еще в рясе, да еще молодого, останавливался транспорт. Все смотрели на отважного батюшку: обличье священнослужителя большинству людей было известно разве что по карикатурам в «Крокодиле».

В один из таких публичных спектаклей В.В. встретил на улице свою прихожанку, которая, естественно, должна была подойти к нему под благословение, что она, накачанная его строгостью, и сделала. Белгород – городок небольшой, все знают друг друга, и вскоре эту прихожанку – молодую поэтессу – выставили из Союза писателей, куда уже почти приняли. Дело происходило в начале 80-х годов. Жизнь ее поломалась мгновенно, в итоге ей пришлось уехать из родного города.

Такое поведение ревностного молодого батюшки было конечно же непозволительным в условиях тотальной слежки и гонений на верующих. Такие крайности поведения, увы, – плод расстроенной психики, характерный ее признак.

Отношение В.В. к отцу Александру резко изменилось. Этот новоиспеченный «апостол православия» стал обличать батюшку и анафематствовать. Написал ему километровое письмо, из которого я (батюшка дал мне прочесть) запомнил основные положения.

1. Толкуете Св. Писание неверно, не используя опыт и наследие Святых Отцов.

2. Ваш приход утонул в безнравственности. Разрешаете противозачаточные средства.
3. Прихожане не строго соблюдают пост.

И вообще подрываете основы Православия – намеренно или по недомыслию. Таков тон этих вздорных филиппик.

Его брат, тоже священник, но не разделявший позиции В.В., привез это письмо отцу Александру и просил его ответить. Отец А. обещал ответить. Говорил об этом с улыбкой – с горькой улыбкой.

Вчера его вызывали в Лефортово на допрос. Приехали в Новую Деревню и отвезли на машине. Отец А. сумел передать Марии Витальевне конверт с бумажками и записной книжкой.

Допрашивал молоденький гэбист, лет тридцати. Но за стеной, через микрофон, слушали другие. Отец А. знал это наверняка.

Относительно В.Н., которого арестовали весной, все вопросы отметил: не виделись очень давно.

«Впечатление, что дело В.Н. идет к концу, – говорит отец А., – но вся их кухня есть отражение политической ситуации в мире».

В.Н. рукоположил католический епископ. При обстоятельствах очень путаных, в каковые отец А. не вникал, когда эти сведения до него доходили, В.Н. ушел из прихода, обратился в католичество, и отец А. имел право им не интересоваться. Поэтому его ответы гэбэшникам были искренни и во многом правдивы. На вопрос о рукоположении отец А. ответил вопросом: «Как он может быть католическим священником, если женат?» «Папа разрешил», – возражали подкованные в церковной юрисдикции гэбисты.

– При удобном случае, – говорил отец А., – всегда выгодно воткнуть шпильку Римскому Папе. Инкриминировать ему вмешательство во внутренние дела... Но, между прочим, епископ, рукоположивший В. Н., не прояснил для себя всей ситуации. Другой епископ, побывавший в Москве, был против рукоположения.

О Льве Николаевиче Толстом отец А. не раз высказывался неожиданно строго. Вот и сейчас: «Удивляет глупость гениального художника. Он был человеком колоссальных знаний, а в сердце ничего не удержалось. Не понимал, не знал, что происходит. Отсюда метания».

На исповеди: «Бог, видя нашу слабость, шутя защищает нас».

Я понял смысл этой фразы много времени спустя. Отец Александр, наверное, имел в виду, что наши падения порой выглядят со стороны комично...

Я заметил, что мы не умеем слушать отца Александра. То и дело перебиваем, не даем ему договорить. Это, конечно, от робости и эфемерности нашей мысли, которую мы боимся упустить. Причем он читает наши мысли в самом зачатке. Только откроешь рот, он уже знает, что ты хочешь сказать, и, подхватывая, развивает твой замысел или мягко пресекает.

4 июня 1985 года. Семхоз

Эта запись начиналась словами, дважды подчеркнутыми: «Вечером у Лисянского». А дальше идет изложение мыслей отца Александра, которые, таким образом, я приписал Марку Лисянскому.

Лето 1985 года было тревожным. Приход здорово трясло: обыски, допросы... В те дни в метро я встретил М. Г., нашего прихожанина, который не находил в себе смелости говорить без обиняков: да, да — нет, нет, — и чекисты сумели из него что-то вытянуть. (По принципу: сунь палец, всю руку откусим.) Заметив меня в метро и показав глазами на свободное место рядом, спросил: «Ты один? Хвоста нет? Не следят за тобой?» Я со дня на день ждал обыска, поэтому записи вел осторожно. То, что в изложении известного советского поэта могло сойти за оригинальные мысли исторического содержания, в устах опального священника было явной крамолой. (Марк Самойлович Лисянский, поэт, добрейший человек, жил на даче в Семхозе, и я его иногда навещал.) Итак, вечером у Лисянского.

Он говорил о несостоятельности русского монархизма в XX веке. «Царь — помазанник Божий. Он — центр — сдерживает центробежные силы. Но он центр для православных, а для инославных — мусульман, буддистов, католиков, протестантов и т.д. — кто он? К XX веку Россия стала великой державой, включающей народы различных вероисповеданий и религий. Поэтому монарх уже не мог быть центром. Монархизм возможен на ранней стадии государственного развития. Англичане оставили его чисто декоративным атрибутом, испытывая уважение к традиции. В России уважения к традиции никогда не было. Если бы Россия оставалась в границах XIV—XV веков, она могла бы считаться православной, и тогда царь (монарх) мог бы оставаться не-

зыблемым центром. Но, завоевывая народы, монархия изнутри разрушала авторитет богопоставленной власти. В 1905 году разрушение достигло критической точки, и царь уступил так называемому конституционному правлению. Развитие государства перешло в новую фазу».

Суммируя это, я для себя сделал вывод: 17-й год имеет фундаментальную причину, связанную с естественным (последовательным) развитием русской государственности. Монархия сама расшатывала свой авторитет руками раскольников, декабристов, народников, социалистов, революционеров. Революция – естественное следствие развития России, хотя и кровавое. Кровавое – как расплата за кровь завоеванных народов.

Об этом отец Александр заговорил, вспомнив монархические взгляды В.В. Шульгина, которые хорошо усвоил и развивает сегодня его крестник, наш прихожанин.

– Антисемитский душок, – сказал батюшка, – неотъемлем от монархизма, которому не на что опереться...

В эти дни мы строили стеллаж в нижней террасе его дома. Книги в кабинете заполнили все свободное пространство, стояли на полу штабелями, загромождали стол, нависали кренящимися торосами. Надо было спасать хозяина. Тем более что он давно мечтал о большом стеллаже, куда мог бы эвакуировать второстепенную литературу, ненужную под рукой. Место определилось само собой – передняя нижняя терраса, в которой лет пять назад в летние месяцы жила Надежда Яковлевна Мандельштам. Сейчас терраса пустовала. Там висел большой фотопортрет Елены Семеновны, мамы отца Александра, и распятие.

Работа заняла у нас три дня. Благословенная, радостная работа. Человек пять прихожан, способных обращаться с рубанком и забивать гвозди, счастливы были послужить тому, кто безотказно и пожизненно служил им.

Вечером батюшка вышел нас проводить, держа высоко свечу и прикрывая ее от ветра ладонью. Впереди Леня Василенко с большим рюкзаком (вместившим весь инструмент), я, ведя в поводу велосипед, Миша Юровицкий, Гриша Зобин. И позади всех – он, высоко поднимая свечу. Свет дотягивался до нас – можно было разглядеть доски под ногами, положенные прямо в грязь. Это место всегда топкое; сколько бы ни кидали сюда кирпичей и мостков, трактор всякий раз вминал их в жижу. Тракторист жил в соседнем доме и подкатывал «ко крыльцу» на собственном транспорте – мостить его путь было бесполезно. Однако мостили, потому что иного пути не было.

Я оглянулся. Вид у батюшки вдохновенный. Сияли его глаза, борода. Лицо светилось, кажется, счастливое...

СВЕЧА

Он вышел проводить нас до калитки,
а проводил за лес...
Черным-черна
стояла ночь вплотную, как стена.
И на развернутом на звездном свитке
надмирные мерцали письма.
Высвечивала его свеча
из тьмы – сараи, груды кирпича,
мостики, канаву, месиво дороги,
буксующей сквозь времена и сроки,
немыслимое на себе влача.
Он пошутил: а дальше вас направит
вон та звезда, мерцающая далеко...
И в знак того, что вниз свечу не ставят,
над головою поднял высоко.

На исповеди: «Все начнется новое, когда внутри, в душе положитесь на волю Господа. Простор иной открывается, когда смиришь себя. Не мстить, не падать перед лицом подлости на уровень подлости».

28 августа 1985 года

После службы мы с Марией Витальевной пошли на дачу, где она снимала террасу и небольшую комнатку. Дача находилась довольно далеко от храма. Условились, что туда же придет отец Александр, как только освободится.

Приготовили завтрак, я нарезал огурцы, помидоры. Мария Витальевна сварила кочанчик цветной капусты. Вчера кончился Успенский пост. Горячее она готовит ему один раз в сутки.

Еще при о. Стефане (прежнем настоятеле) батюшку стали исподволь отстранять от стола. Когда кухней ведала тетя Маруся, а старостой была Ольга, которая выделяла маленькую сумку на кормежку второго священника, отец Александр имел минимум пищи. А ему и надо минимум. Но вот «ушли» из старост Ольгу, оттеснили от хозяйства тетю Марусю, и отец А. остался

без обеда. Иногда ему предлагали со стола о. Стефана, но чаще он довольствовался сухим пайком, который привозил с собой.

Мария Витальевна взяла на себя обязанности стряпухи. Однажды женщина, готовившая пищу настоятелю, спросила Марию Витальевну: «Есть у отца Александра что-нибудь на обед, а то у меня супу немного осталось?». Таким образом о. Стефан полностью отделил отца Александра от питания, а новый настоятель Иван Клименко и не восстанавливал элементарной этики, согласно которой еще со времен апостолов заведено в Церкви: «Трудящийся достоин пропитания».

Груженная сумками, Мария Витальевна (ей 81 год) приезжает из Москвы и часто сначала в храм, а из храма на дачу... Эта женщина нянчила его еще в детстве...

Батюшка пришел, конечно, голодный — был час дня. Не дождавшись горячего, потянулся к помидорам и, ткнув два-три раза вилкой, встал на молитву: «Благослови, Господи, питье и ястие!...»

В этот день отец А. рассказывал об Иркутске, о школьных и студенческих годах. В Иркутске он познакомился со священником, который приехал из-за границы. Молодой человек, с детства не получивший религиозного воспитания (мать — светская женщина: шляпки, маникюр). В войну, через плен, попал за границу. Там его шатало и мотало по Европам, пока наконец не попал в Руссикум — духовную семинарию в Риме, которую он не закончил по каким-то причинам. Все его рассказы о Риме, о Ватикане сводились к внешнему, к ресторанной теме: где, что и как подают. По линии «голубизны» он скомпрометировал себя уже и там, а здесь попросту «отмотал срок». В нем выразился «представитель», некий образ разжиженного западного духовенства.

— Этот человек видел и слышал отца Сергия Булгакова! — сверкая глазами, говорил отец Александр.

Кроме анекдотов из духовной и светской жизни, он ничего не вынес оттуда. Например, что Кологривов, живя в Риме, купил однажды (и дорого при этом заплатил!) шапку-ушанку и ходил в ней в осенне-зимний период. Это была дань ностальгии.

Молодой священник шеголял в широкополой шляпе, в модном плаще. Был он высок ростом, красив. В Россию вернулся в конце 40-х годов вместе с той волной священников, которых выманили из-за границы наши власти... Как известно, всех их рассовали по периферийным углам, где они испытали множество лишений. Этот оказался в Сибири.

Он был послан о. Александру промыслительно, что тогда же почувствовалось. Будучи иеромонахом, он служил по восточному обряду. В нем было заметно «понижение духовной температуры».

— К этому времени, — говорит отец Александр, — я достиг полноты в своем развитии, акмэ. Рядом с ним я мог ощутить душноватую атмосферу, о которой уже отлично знал. В это время я штудировал историю папства (несколько изданий), историю инквизиции. В библиотеке Иркутского университета, где я занимался, в то время сохранились еще уникальные книги, чем я, конечно, пользовался.

Итак, католичество повернулось к Александру не лучшей своей стороной, заставив трезво подумать о конфессиональных границах. Но и православие открывало отнюдь не идиллическую панораму.

14–15-летним юношей он работал алтарником в церкви Иоанна Крестителя на Красной Пресне. Там служил оригинальный священник. Лицо Дон Кихота, худой и мрачный. Оживлялся, только когда примет водочки где-нибудь в алтарных кулисах. Чекушка и кусок колбасы всегда были при нем.

Или диакон — все лесковские персонажи, — который совершенно «соскучился». Он если не читал и не служил, то, сидя на полу, считал деньги — огромные сотенные простыни. Разглаживая их, слюнил пальцы.

Был отец Павел (звали «Паша») — рыжий детина, всегда сонный вид, совершенно не понимавший, что происходит в храме. Когда приходила его очередь исповедовать прихожан, он доставал книжечку Кришнамурти и читал по ней правила морали. «Паша, отдайте мне эту книжечку, зачем она вам?» — попросил его юноша-алтарник (который уже всюду интересовался Востоком). «Что вы, что вы, — ответил Паша, — здесь все так просто написано!»

Однажды этот юноша читал поминальные записки, читал, видимо, быстрее принятого. Какая-то женщина обратилась к нему: «Вы что, кадровик?» Александр (а это был он) не мог понять вопроса, который подразумевал причастность к гражданской профессии. По ее мнению, так отчетливо и быстро могут справляться со своими обязанностями только вымуштрованные служащие-кадровики...

Отец Андрей Расторгуев был настоятелем Воскресенского храма в Сокольниках. По воскресеньям после вечерней службы он читал Евангелие по-русски и растолковывал его прихожанам.

«Помню, — вспоминает батюшка, — я задал ему вопрос относительно одного смущавшего меня эпизода. Иисус говорит апостолам: “Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий”». Тогда это место казалось мне смутно изложенным. Христос, очевидно, имеет в виду кару Господню за неверность избранного народа — разрушение Иерусалима, разрушение Храма и окончательное рассеяние израильтян.

Отец Андрей совершенно неожиданно ответил, что слова Христа могли быть не поняты апостолами и, соответственно, неверно изложены. Такое мнение было явным вольнодумством тогда и теперь. Да, теперь, потому что контингент священников в массе посерел. Ведь не каждый священник и Библию сегодня имеет, с чем недавно вынужден был согласиться наш епископ...

Объяснение Евангелия в храме имело место в нескольких московских приходах и не считалось религиозной пропагандой. Просто мало было священников, способных на это.

Я подумал, что отец Дмитрий Дудко, возродив эту традицию в начале 60-х годов, попал в диссидентский круг, а может быть, и сам его создавал. Чтение Евангелия с ответами на вопросы чисто политического содержания вызвало у властей соответствующую реакцию, и традиция эта в их глазах стала криминальной.

«Отец Андрей служил Новолетие 31 декабря, — продолжает батюшка. — Я был однажды. Ровно в полночь били колокола, красиво трезвонили. Открывался алтарь, и священник выходил к пастве. “С Новым годом!” — поздравлял он всех радостно.

Он был хорошим священником, но вкус, кажется, его иногда подводил. Храм Воскресения сложен из красного кирпича в стиле модерн. Четкая кладка хорошо сочеталась с серебряными луковицами куполов и строгими простыми крестами. И надо сказать, такое сочетание изящества и грубоватости — кирпичная кладка — делало храм своеобразным.

Отец Андрей заштукатурил кирпич, покрасил в синий и зеленый цвет, кресты заменил на ажурные. Получился купеческий вид».

С семьей Меня очень дружил отец Василий Серебрянников. С ним можно было говорить на разные темы. Глубоко пессимистическое состояние души выдавало в нем надломленного, большого человека, подверженного депрессиям. Последние годы он служил в Филипповском переулке на Арбате.

Идеи деятельного монашества носились в воздухе уже в конце XIX века. Они есть у Достоевского (старец Зосима). В 20-е годы, во времена страшных гонений на Церковь, Свенцицкий издавал машинописный вариант подпольного журнала «Монастырь в миру», самиздат тех лет.

* * *

Блаженны нищие духом

Пожизненный отбываем
срок – нужда да туга.
Доходим, точней, доплываем
до того берега.
Привычные к оплеухам
и лажам со всех сторон...
Ах, кабы нищие духом!
Нищий духом – силен!
Его никаким чернухам
и разрухам – не размолоть.
Воистину нищего духом
не оставляет Господь.
Он срока не отбывает,
с зоной, как все, знаком.
Он вечным себя считает
не узником – учеником.
Будет голод в России? –
незадолго до смерти спросили
отца. Ничуть не смущен,
– Будет, – ответил он. –
Но Господь вам поможет... Недугам
и нуждам Он знает счет.
Поможет вам... Нищему духом
Он только и подает...

Сентябрь 1985 года

Уже в детстве многое определило интерес отца Александра к естественным наукам. Учась в школе, он поступил в Общество охраны природы. Каждую неделю бывали экспедиции. В Воронежском заповеднике вел наблюдения за бобрами. И однажды делал доклад в университете на Моховой, в знаменитой аудитории, где в свое время выступали Владимир Соловьёв, Мережковский.

В Воронежском заповеднике простор для наблюдений... «Загадочные существа — летучие мыши, — говорит батюшка. — Ночной образ жизни, кровососы, очень близкие по эволюционному ряду к человеку. Залезешь на дерево, накроешь дупло ладонью и вытягиваешь по одной».

Руководил экспедициями Смолин (о нем есть справка в Словаре юного биолога). Юноши были разные. Брали с собой и выпивку... Любимый писатель этого времени — Бельше, «Эссе о животных». Кроме того, его книги «Любовь к природе», «Дни творения». В школе тесной дружбы не было ни с кем. В основном — внешкольное общение. Взгляды формировались там. Например, в биологическом кружке к «идеям» Лысенко у всех было критическое отношение.

«В эти же годы я увлекался, — вспоминает отец Александр, — рисованием. Любимая техника моя была акварель и темпера. Занимался у художника-анималиста Ватагина. Он не просто лепил и рисовал животных. Он передавал их душу. Я и сейчас в массе рисунков отличаю ватагинских зверей. В его работах явлен не просто стиль, хотя и это есть, но — ориентация на душевную ипостась.

Он видел в животных перевоплощенных людей. Это, конечно, чисто индуистские представления. Так или иначе, а душа в ватагинском животном чувствовалась. Впрочем, многие зоологи признают, что у зверей есть душа. Сам старик Дуров гипнотизировал животных. И таким способом добивался дрессировочного эффекта.

Очень меня занимали обезьяны. Больше половины наших проблем — обезьяньего происхождения. Известен случай с канистрами, создавший в обезьяньем стаде “революционную ситуацию”. Маленький обезьяний заморыш вдруг наткнулся на две пустые канистры. Поднял их и ударил друг о дружку. Раздался шум. Ударил еще раз — понравилось. Ударил со всей силой, стадо притихло, замерло. Потом он угрожающе стучал

этими железяками всякий раз, когда хотел заявить о своей воле и величии. Стадо признало его вождем, и он оставался им до тех пор, пока кому-то из администрации не наскучил шум и злосчастные пустые канистры были выброшены. После этого никто не стал пугаться бывшего вождя, и он опять превратился в заморыша».

Классе в пятом мальчик уже хорошо понимал, что происходит в стране. Родителей пугали его общественные и политические взгляды. Родители были люди лояльные. Отца перед войной арестовали по ложному обвинению. Но вскоре оправдали... В начале войны он оказался на Урале, где и работал инженером до окончания войны.

Учился Александр (дома его звали Аликом) посредственно. На школу смотрел как на казарму, окончанию — 1953 год — радовался как избавлению.

В школе на уроках — читал. Прodelал дырочку в крышке парты и читал. Фаррара, например. Сидел, между прочим, не на последних партах, учитель вряд ли мог не заметить его отсутствующего присутствия, однако как бы не замечал. Учителя были, конечно, разные... Математик считал его безнадежным двоечником и любил выговаривать вслух: «Садись, Мень, ты — дурочкин...» В день смерти Сталина, утром, он пришел к своей знакомой, племяннице критика Альтмана, за которой ухаживал. Она жила в Лаврушинском переулке. Открыли дверь чекисты с наганами. В доме проводился обыск по всей устрашающей форме. На звонок вышла девушка, и вместе с Александром, не задерживаясь и, главное, не будучи задержаны, они выскочили на улицу. Небывалый случай. Выпустить из квартиры, где идет обыск, кого-нибудь да еще не задержать пришедшего в эту квартиру... Возможно, чекисты были потрясены событием, только-только объявленным по радио.

Юноша и девушка шли по траурному городу. Она плакала — не могла сдержать слез. Он пошутил: «Наверное, прохожие думают, что ты оплакиваешь смерть вождя». В шутке была ирония в адрес умершего, которую мало кто мог позволить себе в этот день. Кстати, отец девушки в этот день действительно плакал по поводу смерти, затмившей его арест. Он был убежденным сталинистом, таковым и остался, когда вышел через полгода. Непоколебимый коммунист 20-х годов.

На похороны Сталина пошел. Вспоминает: «Как же — мне нужно было все это видеть. И я видел, что люди в большинстве

жили своим – говорили о своем, смеялись, были среди них и пьяные, и озабоченные, как всегда. Я прошел Трубную и где-то в переулке свернул в сторону и растворился в толпе. Было много конной милиции. Народ кричал на них: “Казаки!”

В 15 лет я уже осмысленно видел перед собой цель, которую атеисты могли бы назвать “религиозной пропагандой”. Знал весь курс духовной семинарии и академии. Но хотел получить настоящее образование. К тому же понимал, что семинария в то время была рассадником невежества.

Поступил в Пушной институт (тогда он назывался Пушно-меховой), что находится в Балашихе. Курс был интернациональным: 5 якутов, 4 калмыка, украинцы, русские, еврей – один. С третьего курса всех отправили в Иркутск. Там напротив института находилось епархиальное управление, где работал истопником. Под землей работал, а все же заметили. Меня тогда интересовали межконфессиональные проблемы. В Иркутске была сильная баптистская церковь. Я к ним ходил. В четверг, помню, специально молодежный день. Конечно, относился к ним с предубеждением, но видел: вот это Церковь, вот это жизнь! А в нашем храме архиерей один раз в месяц скажет проповедь, вроде политинформации; старушки, полумрак...

Студентами мы жили, конечно, голодно, но очень дружно. До сих пор встречаемся всем курсом, кто остался в живых... В прошлом году отмечали 25-летний юбилей окончания.

Но мне окончить не дали. Сдал госэкзамен, а к диплому не допустили. Две группы нашего курса решили в мою защиту объявить забастовку. Насилу уговорил их этого не делать. Ректор мне доверительно прошептал: “У нас есть верующие, но ты – уж ни в какие ворота!” И правда, не терялся. На лекциях “Кролиководство”, “Организация труда” всюду писал основную свою книгу “Как и чему учит Библия”. Этот труд – первоатом всего последующего 6-томного цикла “В поисках Пути, Истины и Жизни”. Основные идеи уже были здесь заложены. Зерна, из которых стали потом расти книги – одна за другой, начиная с “Сына Человеческого” и до “На пороге Нового Завета”.

Была намечена там и средневековая эпоха. До которой, если основательно братья, еще нужно дожить, сами понимаете...

Книгу “Как и чему учит Библия” я сам иллюстрировал картинками из мировой живописи. Некоторые иллюстрации вошли в печатные книги, некоторые – даже в диафильмы. В 50-х годах, в эмбрионе, был явлен весь свод.

Когда началась “оттепель” после XX съезда, в букинистические понесли старые книги. В Москве “буки” были завалены Бердяевым. В Иркутске на рынке лежали все тома Владимира Соловьёва, которые я и купил. Книг со мной в Иркутске было много. Мировую философию в основном проштудировал там, в тайге, на практике. < ... > »

Как студент Александр Мень сдавал экзамены по марксизму-ленинизму

О том, как это происходило, поведали его сокурсники.

Б.К.: «В институте знали, что Мень — верующий. Сверху поступил приказ любыми способами избавиться от верующего студента. Предстоял госэкзамен за 4-й курс. На всю жизнь запомнилось. Экзаменационный листок, на котором студент может записать тезисы своего ответа. Сверху — штамп Иркутского сельхозинститута. И каллиграфическим почерком выведено: Политическая экономия. А ниже, вместо тезисов к ответу или конспекта, во весь лист — рисунок. Замечательно исполненный. По небу летит женщина полуобнаженная, а ей в бок вцепился (вгрызается) черт. Вокруг — звезды, полумесяц, херувимчики летают. И все. Никаких тезисов. Предмет-то Мень знал великолепно. Листок этот я видел у Алика (так его звали в семейном и дружеском кругу), будучи у него в гостях. И взял его себе на память. К сожалению, листок потерялся, столько было переездов...

Экзамены по политэкономии, марксизму-ленинизму были, как правило, публичными, то есть открытыми, тем более госэкзамен. Приглашались желающие поприсутствовать, и сидела почтенная комиссия — райкомовские, обкомовские работники и люди из университета, спецы по марксистским наукам. Экзамен проходил в актовом зале.

Зал светлый, просторный. Комиссия сосредоточена. Интересно, что будет говорить Алик. Он пошел в числе первых. Все знали, что он достаточно эрудирован. Взял билет и тут же сказал: “Я готов”. Чем вызвал неудовольствие комиссии: “Садитесь, надо же подготовиться”. Он взял этот листок для подготовки, сел и начал на нем что-то рисовать. А что — мы увидели позже. Через 20 минут, отведенных на подготовку,

его спросили: “Вы готовы?” “Да, давно готов”, – и начал отвечать. Всего было три вопроса, на ответ – десять минут. Педагоги с кафедры марксизма-ленинизма крутят головой, важно обмениваются взглядами: вот, мол, каких специалистов мы выпускаем, как грамотно чешет... И нацелились ставить “отлично”, уже написали букву О. Но Алик говорит: “У меня на первый вопрос есть свое особое мнение”. Они ему: “Ну, что вы, этого достаточно, у вас прекрасные знания”. “Нет, все-таки разрешите”. “Ну, хорошо, отличник... Пожалуйста”.

Что тут началось!

Мы сидели, разинув рты. Разумеется, ничего не знали из того, что он говорил. Обычно же шпаргалками обходились. Экзаменаторы оторопели, потом побледнели, потом покраснели... Разгневались. Кто-то пытался возразить. И тут случилось самое смешное. Александр Мень сказал: “По этому вопросу в берлинском издании Ленина, страница такая-то, напечатано следующее”, – и процитировал. Возникла пауза. Никто ведь из них не читал берлинского издания... на немецком языке. Кто-то задал вопрос, вероятно, из тех, кто над этой темой работал. Задал, пытаясь оспорить мнение студента. На что Мень возразил: “В хельсинкском издании Ленина это высказывание звучит совсем по-другому. В русском оно сокращено и искажено”. Взрыв возмущения, обвинения, обсуждения оценки. Председатель комиссии сказал: “Вы, конечно, обладаете хорошими знаниями, но... за мировоззрение вы больше тройки не заслуживаете”. Двойку поставить не осмелились. В зачетке, сам видел, у него было выведено: “О. Удовлетворительно”».

В.Л.: «То же самое произошло и на экзамене по историческому материализму. Отвечает на все вопросы. Задают разное, по поводу и без повода. Ставят “неуд”. Завалил экзамен. Он говорит: “Я буду пересдавать”».

Тогда весь курс написал заявление в деканат о нежелании признать “неуд” за экзамен А. Меня, который имел блестящие знания по всем предметам. Посоветовал нам это сделать профессор Василий Николаевич Скалон, замечательный человек (его тоже потом выжили): “Немедленно пишите заявление на переекзаменацию, они обязаны принять”. Переэкзаменовку разрешили. И снова собралась комиссия: обком, партком, декан, преподаватели. Кто-то

пришел с бидончиком для молока, кто-то с авоськой для продуктов – рутинное мероприятие с заведомо известным финалом. А продовольственный магазин рядом. Студентов на сей раз не пустили. Но там была наша лаборантка.

Мень подходит к столу, спрашивает, как отвечать: беседовать или брать билет. “Берите билет”. Первый вопрос, второй, третий... Все ответы блестящие. Посыпались вопросы, в том числе провокационные. В конце концов ему поставили “удовлетворительно”. И при этом Свиридов, декан факультета, ему попенял: “Да, Мень, вы обладаете незаурядными знаниями, но вы применяете свои умственные способности не по назначению”.

Завалить, поставить “неуд” не удалось. Отвечал-то отлично, может быть, боялись повторной реакции студентов. Все-таки это было хрущевское время. Но кафедру после такого позорного провала разогнали.

А отчислили Александра “за систематические прогулы”. Насчитали ему откуда-то две недели. И в стенной газете изобразили: Мень стоит на коленях перед попом.

В общем, избавились, как говорится, без выходного пособия».

Но Бог, как известно, и зло обращает в добро. Изгнание Меня из института ускорило его рукоположение, приблизило его действительную помощь в Церкви.

* * *

«...Провожая меня на вокзал, ребята тащили тринадцать чемоданов книг. Это была процессия гномов.

Я мог оттуда же, из Иркутска, загреметь в армию. Пришел в военкомат. Объяснил, что женат, что уже родилась дочь... Усталый военком, фронтовик, посмотрел на меня понимающе и – отпустил домой, к семье. А ведь должен был вручить повестку “с вещами”.

Изгнали меня из института 6 марта 1958 года, в этот день была свадьба у нашего друга по группе. А уже 1 июня 1958 года меня рукоположили в диаконы.

В Иркутске, как я сказал, жилось голодно. Жрать было нечего. Как-то нам выделили лицензию на отстрел одного оленя. Пошли в тайгу с карабинами, все как полагается. У меня 1-й

снайперский по стрельбе. Разошлись в разные стороны. Снег глубокий, иду – восхищаюсь, шурюю на солнце. Вдруг в десяти шагах – косуля. Справа от меня... Чуть боком... Ушки остренькие, ножки втыкает в пуховой снег – грациозная, палевая... Я про ружье забыл... Хотя греха, конечно, не было бы. Есть-то надо что-нибудь. Когда сошлись в круг, друзья были с добычей, а я про свою не сказал. Я, признаюсь, за свою жизнь не убил ни одного животного. Убил однажды – шмеля. Очень мучился.

Ко мне туда уже приезжала Наташа. Познакомились мы с ней в институте, но были на разных курсах. Она осталась в Москве, а туда приезжала уже как невеста. Бывало, мы с ней уходили на ночные свидания, а мой сосед по комнате Д. переписывал книги, которых у него не было. Которых тогда вообще была капля...

Мы учились на одном факультете и жили в Иркутске вместе с Глебом Якуниным. Однажды чуть не год нам пришлось жить с ним в... свинарнике. Хозяйка, у которой мы снимали угол, женила сына, угол отошел молодым, а постояльцев не гнать же на улицу. Наскоро подновили свинарник, где ранее обитала съеденная на свадьбу свинья, и поселили нас. От института было довольно далеко. Вставали до света, или он чуть брезжил сверху в узенькое окошечко. Стояло, конечно, амбре, но куда деваться?

Глеб тогда был теософом, читал “Сверхсознание” Лодыженского. Это выяснилось уже на первом курсе, в Москве. А в Иркутске наше сближение закрепилось общностью быта.

В свое время я анонимно написал его биографию для “Вестника РСХД” (Русское студенческое христианское движение). На Западе вышла о нем книга с предисловием Краснова-Левитина, где есть неточности. Почему-то Левитин не воспользовался “моей” биографией, хотя она – исчерпывающая.

Иркутск дал мне картину абсолютной ясности того, что происходит в стране. Неподалеку находился лагерь. В колхозах не было ни одного коренного жителя – все ссыльные из России. Нет, был один, инвалид, приехавший в Сибирь во времена Столыпинской реформы.

Обычаи сибирские сначала смущали, потом привык. Собираются на праздник, садятся за стол, перед каждым – по граненому стакану. Наливают молча. Пьют. Опять наливают – молча. Опрокидывают. И здесь начинается – кто в лес, кто по дрова. Каждый говорит о своем.

– И вы тоже пили?

– Пил, а куда денешься.

– Не такой уж сибирский этот обычай. В ЦДЛ так же пьют...

– Или, например, охотник придет, сядет, сначала расскажет о том, о сем – о глубоком снеге, о завалах в лесу, а уж потом пригласит: “Пойдем, лежит там (олень или медведь)”.

Среди бурят встречал очень умных людей. Чувствовалась порода. Помню одного ламу. Работал, кажется, сторожем. Тонкого склада человек. Между прочим, среди аборигенов многие вообще не слышали о протопопе Аввакуме...

Так вот, приехав в Москву и будучи рукоположен в диаконы, начал служить в Отрадном у отца Сергия Орлова, который слыл самым строгим уставщиком. Но он-то был еще сносным. Свиристествовала его сестра, ревновала к пастве.

Отец Сергий поставил меня катехизатором. Тогда много крестилось взрослых людей – два-три человека каждое воскресенье. Передо мной стояла задача объяснить человеку с нулевыми знаниями, во что он крестится.

Храм с внешней стороны был разрисован библейскими и евангельскими картинками. Я и водил вокруг храма новообращаемых в течение 10–15 минут, а потом их крестили.

Жили мы втроем – я, жена и дочь – в маленькой комнатенке, холодной и мокрой. Зимой на стенах лед, летом – сырость. Платил о. Сергий 100 рублей (тогдашних 1000). На троих не густо. Да на свои деньги приходилось покупать дрова. Когда я захотел, будучи рукоположен, остаться в храме на больший срок, о. Сергий сказал, сожалея: «Нет, на двух священников нам не хватит зарплаты». Это была – царство ему небесное (батюшка перекрестился. – А.З.) – ложь. Сам он получал 600 рублей, хотя жил один, без семьи, в большом деревянном доме из 8 комнат. Где, кстати, живет сейчас о. Валериан. О. Валериан тогда работал инженером, я его знал, в юности ухаживал за сестрой его жены.

Антисемитских настроений в Церкви тогда не было в сегодняшних размерах.

Потом перевели меня в Алабино. Это старинное имение (точнее, руины), последними хозяевами которого были князья Мещерские. С княгиней я дружил и много общался.

Однажды – это было после 1905 года – с проходящего мимо поезда убежали три бандита. Они пришли в имение, назвали политическими, сказали, что за ними гонятся, попросили их спрятать. Княгиня была либералка и бандитов спрятала, а через несколько дней они ушли. В 17-м году имение разорили, церкви снесли, дом разграбили – словом, разнесли по атомам дворянское гнездо. Осталась только колокольня

с небольшой часовенкой, пристроенной, кстати, в конце прошлого века Мещерскими, и несколько колонн, между которыми колхозники стали складывать дрова, как между хорошо продуваемыми опорами.

Княгиню с княжной изгнали и хотели, кажется, казнить как эксплуататоров трудового народа. И вот в какой-то комиссии, перед которой предстали измученные женщины, оказался один из трех бандитов, спасенных когда-то “эксплуаторшей”. Он ее узнал. И мать с дочерью оставили в имении, выделили им комнату под лестницей, где раньше жил их дворник.

Имение раньше принадлежало Юсупову. От него осталось много произведений итальянской живописи, скульптура. Да и новые хозяева, Мещерские, не скупилась привозить из-за границы произведения искусства. Имение значилось в мировых каталогах с перечнем всех произведений, среди которых, между прочим, находилась одна из мадонн Боттичелли. (Потом было доказано, что это не подлинный Боттичелли, а художник его школы.) Тем не менее иностранные купцы предлагали княгине за эту работу большие деньги. Но она не хотела расставаться с шедевром. Недавно газеты описали этот факт, подав его под патристическим соусом.

Оставшуюся часовенку я расписал. Делал эскизы, лазал по лесам. Денег не было. Кое-как оформил одного художника – теперь он занимает видное положение. Он написал заалтарный образ Спасителя – Воскресение, первый вариант того, что сейчас в Новой Деревне. Тоже мой эскиз. Ремонт сделали всем миром.

Из разрушенного храма привезли капители, за одну ночь вмонтировали их в алтарную часть. Ну, это была детективная история. Она уже описана у Зои Афанасьевны Маслениковой.

В конце концов один из прихожан, алкаш, подвел нас и завалил дело со старинными капителями. Мне паяли разграбление архитектурных памятников. Началось следствие, за которое взялся генеральный прокурор Руденко. Только чудо спасло». < ... >

В Алабине далеко не все сразу наладилось. Никак не могли устроиться с жильем. Искали отдельный дом или полдома, но чтобы с отдельным входом. В деревне таких домов давно нет. Изба – одна большая горница, в лучшем случае есть закуток (кухонька) за перегородкой. Нужды в уединении, то есть в отдельной комнате, никто никогда не испытывал. Отдельные комнаты были только у помещиков. Это им нужно было книжки читать да

романы писать. Так что пушкинское уединение в деревне сейчас немислимо — дома такого нет в природе. В чем молодожены и убеждались, ища пристанище.

Наконец нашли. Небольшую клетуху, летнюю, конечно. Но хозяйка никак не хотела ее уступить, чтобы отделать под зимнюю. Молодой батюшка обещал бесплатно утеплить эту часть дома, поставить печь, провести трубы и т.д. Насилу ее уговорили, и молодая чета с ребенком поселилась наконец в отдельном доме. После ремонта у них было, вспоминает Наталья Федоровна, две комнаты: кабинет и спальенка; кухонька и маленький тамбурчик.

Им здесь нравилось. Перед домом много свободного места, не засеянного, не засаженного ничем. Можно было не беспокоиться, что дети что-нибудь потопчут.

Летом уезжали в отпуск, дважды — на Селигер, где жили на острове. Там отец Александр научился плавать. Раньше он боялся воды. А друзья, тоже священники, решили его отучить от водобоязни простым и испытанным способом: окунули несколько раз на глубоком месте, пока он сам не поплыл. Но совсем хорошо он стал плавать на Черном море, в Новом Афоне, куда семья, уже с двумя детишками, поехала на отдых.

Поселковое начальство в Алабине относилось к отцу Александру хорошо. Рядом с церковью, как полагается, размещался колхозный клуб, к которому примыкал огромный пустырь. Батюшка попросил кусок земли на этом пустыре — для церковного туалета. И землю дали. При храме появился свой опрятный туалет, что немаловажно для культурного человека, каковым хочется считать всякого верующего.

Начало июня 1985 года. Семхоз

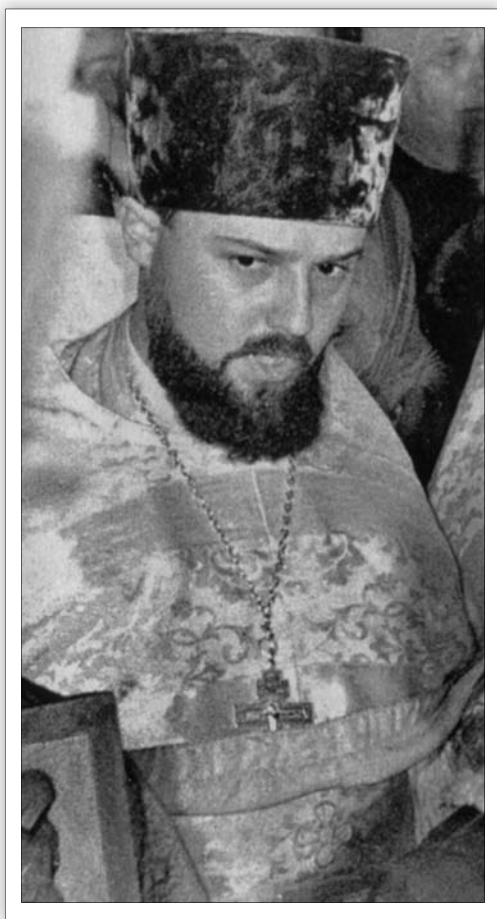
За окном в саду слышны детские голоса. Это Аля, внучка отца А., играет с соседскими детьми, по виду и поведению такими же беспризорными, как и подружки моих дочерей. Увы, среда в подавляющем большинстве однородна.

— Дочка сказала: попаси, — разводит руками отец Александр. — А как за ней уследишь! Она же ее дочь! Я вчера всю округу обшарил, в лесу, на пруду — нигде нет. К вечеру нашел. Я, знаете, решил себе не готовить. Жена в отъезде. Нет сил и времени. Решил есть всухомятку.

Мы давно собирались с ним бегать. Да, совершать получасовые пробежки в те дни, когда он не ездит на службу — там бега хватает: в храме, на требах, с людьми он как белка в колесе. И хотя организм его был крепок, хвори все равно привязывались. Он встретил меня возгласом сожаления:

— Три дня мучает артрит. Нога. Боль как зубная. Ночью не дает спать. Спасаясь только работой. Вот уже отпечатал часть словаря. Макет с фотографиями.

Я пытаюсь ободрить:

Крестный ход
и Пасхальное Богослужение
1 апреля 1963 г.

— Бег — панацея от любой болезни.

— Ну что ж, — соглашается он, — соблазн велик. К тому же я готовился к этому дню. Настроился. Рискнем. Я, к сожалению, забыл в Деревне тренировочные брюки. Но ничего, побежим в обычных.

Сейчас, за далью лет, так и вижу его, легко перемахивающего через канаву возле асфальтовой дорожки, с которой мы свернули возле трех дубов, да-да, тех самых, где теперь на февральском снегу лежат красные живые гвоздики... По лесу, по кочкам, через валежины, огибая бочаги и разбуксованную глину на дороге.

Дыхание он взял сразу же верно, попал, как говорится, в свой ритм, а я его то и дело спрашивал: «Если больно, повернем назад...» «Нет-нет, — воз-

ражал он, — так хорошо, что и останавливаться не хочется». Бежит ровно, хотя заметно явное плоскостопие. Я стараюсь занять его разговорами, не дать говорить самому, а то быстро устанет. Новостей много. Георгий Борисович (ласковая персонафикация аббревиатуры ГБ) закинул широкий бредень. Меня вызывали на секретариат Союза писателей. «Ты православный или католик?» — был задан мне первый вопрос. При обысках у многих прихожан находили фотографии Папы Иоанна Павла II в соседстве с фотографиями отца Александра. Это соседство очень интересовало следователей.

Совместных пробежек было у нас немного в то лето. Его довольно часто вызывали на допросы в Москву. Тоже своеобразный вид спорта... На одном из таких «ристалищ» его предупредили, что примут жесткие меры, если «религиозная пропаганда» коснется детских ушей. Собеседник, кажется, не стеснялся в выражениях, но в интерпретации отца А., смягченной добрым юмором, они не казались зловещими. Он шадил своих яростных оппонентов. Позже, на выступлениях перед большими аудиториями, из зала приходили иногда хамские записки. Он передавал их содержание и терпеливо отвечал на них, не замечая оскорблений.

Однажды на допрос в Лефортово его увезли из храма, сразу после службы.

НА ДОПРОСЕ

Вы, отче, одержимый Святым Духом¹,
валяйте, проповедуйте старухам,
которым, отправляясь на тот свет,
полезно знать, что можно, а что нет
с собою брать... Но если мы заметим,
что вы протягиваете руки к детям,
предупреждаю, — правда, не шучу, —
своими же — вам бошку откручу.

Угрозы следователя сегодня уже устарели. Государство, кажется, начинает понимать, что детям необходимо религиозное воспитание. Вопрос в том, из чьих рук должны принимать дети начатки духовных знаний. И кто определит чистоту этих рук, каким способом? Ударом топора по голове?..

¹ Святой Дух с заглавной буквы — это, конечно, моя редакция. — А.З.

МОЛИТВА ДОЧЕРИ

Боженька, спасибо Тебе за это утро,
что оно такое хорошее
и солнечное, как будто
ромашками сплошь заросшее.
За птиц, за дерево под окном,
за наш дом...
Помоги, чтобы мы с Настей дружили,
чтобы мама, папа и бабушка
еще долго пожили
и было не страшно жить никому..
Чтоб отца Александра не посадили в тюрьму,
чтоб я не боялась залезать в холодную воду
и чтобы папе дали работу...

Храм в Новой Деревне посвящен встрече (Сретению) чело- века с Богом. Он был перенесен сюда в 20-х годах нашего сто- летия, в самый разгар антирелигиозной кампании. Повсюду храмы закрывали, рушили, ровняли с землей. А здесь вдруг от- крыли новый...

В то время, когда поэт Маяковский, сидя на Акуловой горе, что находится неподалеку, распивал чай с самим Солнцем, Про- видение определило людям место для иной встречи. Ее будут ис- кать полвека спустя искалеченные, страждущие души. И именно здесь, на этом месте, встретит их мудрый, обаятельный, энер- гичный священник.

Жизнь прихода (настоятелем его поставили только в послед- ний год) всегда была интенсивной и находилась под обстрелом государственных и церковных властей. Мы, прихожане, стара- лись действовать незаметно. Но вряд ли что могло ускользнуть от всевидящего ока компетентных органов: они выстроили мощные редуты вокруг храма в Новой Деревне, вокруг прихо- жан отца Александра, вокруг его дома в Семхозе. И подвели все необходимые коммуникации. Его жизнь – от общественной до интимной – лежала перед ними, как доступный препарат под окуляром микроскопа.

Домашние молитвенные собрания, детские праздники, из- учение Библии и церковной истории, переводы книг и богослу- жебных текстов, подготовка к крещению и многое другое, чем жили и живут наши семьи, взлелеяно отцом Александром.

Он закладывал структуру прихода, полагаясь на «малые группы». У меня и сейчас рука дрогнула, когда я пишу об этом,

потому что еще совсем недавно за ними охотились. И небезуспешно.

Отец А. никогда не вел дневников... Впрочем, нет, начинал, когда получил первый приход. Но понял, чем чревато такое начинание, и оставил его. «Отработанные» еженедельники сжигал, часто менял телефонные книжки, возможно, потому, что разбухали от телефонов мгновенно. Почерк имел ужасный, и всегда думалось, что скоропись его намеренно непонятна.

ВЕСТЬ

Стеной отгородитесь вы,
броней... избежите едва ли
психических волн, аномалий
флюидного поля Москвы.
В клубке оголенных проблем
любой — намагниченно-взвинчен.
Стал до осязания привычен
шуршащий, свистящий Мальстрем.
Но есть же преграда ему!
Мир светлому дому сему...
Чуть брезжит окошко в тумане.
Уж за полночь. Христиане
расходятся по одному.
Как слушал апостола Рим,
теснившийся в инсулах, чтобы
спастись. Как святой Серафим
российские плавил сугробы
и Спасу цветами кадил —
так верную весть Гавриил
приносит в высотки, в хрущобы.
Приносит и через порог,
и с музыкой сквозь потолок,
и с грохотом по водостокам.
Толкает чудесный челнок —
хитон еще новый не соткан.
Тот самый, что небо и землю
покроет сияющей сенью.
И хоть сатана побежден,
а все же в агонии страшен.
Не сдаст без сражения он
своих циклопических башен.
Здесь мирного не было дня.

Здесь гибнет и гибнет живое.
Здесь самое жало огня.
Здесь самое месиво боя.
Но весть, как стрела с тетивы,
слетает под блочные своды.
Чтоб встали сквозь камни, сквозь годы,
сквозь темное поле Москвы
ее оперенные всходы.

С.М. незадолго до своего освобождения из лагеря переслал через кого-то батюшке письмо. Большое, на 20 страницах, датированное 8 ноября... А на очередном допросе отцу А. предложили с письмом – ксерокопией – ознакомиться: «Оно адресовано вам».

Оно адресовано нам, прихожанам Новой Деревни, и потому батюшка дал мне его прочитать.

Автор сначала, как формулу приличия, приносит свои покаяния и тут же переходит к «общим» ошибкам, общим его и его духовника. Осуждает «малые группы», «антисоветизм». Называет приход «нелегальной организацией» и «подпольной церковью». Все эти «плямбы» он вешал на «мы» – на себя и на адресата. Рассуждает об антиномии Духа и материи, антиномии Церкви и государства, социализме 80-х годов. Анализирует наше отношение к социализму... Словом, демагогическая инспирированная чепуха. Инспирированная собственной трусостью. В конце призыв: наложите на свою АНТИ(всякого рода) деятельность мораторий. В противном случае – идут угрозы, предупреждения.

Один из пунктов письма – попытка осмысления марксизма как передовой системы взглядов современного «рабочего» интеллекта. Системы прогрессивной и жизнетворной. Марксизм-де, усваиваясь странами «третьего мира», оздоравливает политическую атмосферу и завоевывает пространство. У нас была неверная ориентация на размножение литературы, распространение Библий, катехизацию, связь с иностранцами и т.д. Это все ослабляет внутреннюю духовную жизнь.

И в конце письма – маленькая невинная просьбушка: «Дайте это письмо прочитать Елене Владимировне». Елена Владимировна прошла сталинские лагеря и тюрьмы, почти совсем потеряла зрение, ей уже за восемьдесят. Что означает этот крючочек? Что ИМ сейчас-то от нее нужно?..

Недавно, в Фомину субботу, С.М. пожаловал к батюшке собственной персоной. И запел ту же песню: наш приход – среда

скрытого антисоветизма, в нашем приходе осели бывшие друзья Солженицына.

– Но знаете ли вы хотя бы одного друга Солженицына в нашем приходе? – спросил батюшка.

– Нет, – сознался С.М., – но в нашем приходе гуляют антисоветские тексты.

– Но где они, видели вы хотя бы один?

– Здесь не видел, но у меня дома были...

С.М. всегда казался инфантильно настроенным молодым человеком. То его тянуло к баптистам, то к пятидесятникам. Сейчас он уже перешел в мусульманство. Видимо, произошел очередной «сдвиг по фазе», т.е. он убедил себя в том, что на самом деле не является аргументом, но что может его спасти, а именно в средствах, оправданных целью...

– Можно ли мне по-прежнему считать себя вашим прихожанином? – спросил С.М.

Отец А. примирительно, но однозначно ответил:

– Видимо, я недостаточно убедителен был для вас в прошлом, это привело к печальным результатам. Вам нужен другой духовник.

– А как вы относитесь к политике Горбачева в отношении пьянства? – не унимался С.М.

– Что же в этом плохого? Как можно относиться к хорошим начинаниям?..

Последний допрос отца Александра вел некто Михайлов, автор атеистических брошюр, представившийся журналистом. 90% данных, которыми располагает ГБ, взяты из показаний Н., тоже побывавшего у них в лапах. Структура прихода, задачи, действия – так знать и сформулировать мог только он. Добавило информации и это письмо на 20 страницах с «осмыслением» работы «малых групп», в которых якобы виден прокатолический стиль.

Мы возбудим дело, лишим вас сана, угрожают компетентные товарищи.

Отец А. поясняет: «К 88-му году они хотят очистить Церковь. Одного священника выслали, одного посадили, со мной пока не знают, что делать, но вроде бы гнут на покаяние. Письмо, которое я им написал, не удовлетворило, требуют другого варианта. В пятницу еду к митрополиту с новым письмом, вместе отредактируем, поправим, и я отнесу. Просили доставить лично. Митрополит настроен доброжелательно, обещал сделать все от него зависящее. А что от него зависит?.. Все решается на других уровнях, в иных сферах...»

Предъявили ему как криминальный материал проект катехизации по «Символу веры». «Это план будущей, ненаписанной книги», – ответил отец А.

От тех «веселых» и таких близких лет остался у меня цикл стихотворений «Год Оруэлла» и... словарь ударений... Да, да, «Словарь ударений для работников радио и телевидения». Иногда, выискивая в нем какое-нибудь трудноударяемое слово, я вижу на полях, близких к корешку, адрес или телефон своих знакомых. Словарь заменял мне телефонную книжку. Я раскрываю этот секрет, полагая, что товарищам следопытам он давно известен.

ГОД ОРУЭЛЛА

I

Отпустите под честное слово.
Я писать ничего такого
впредь не буду. Бумаги сожгу,
в коих много «порочащих сплетен,
измышлений, угодных врагу»...
Отпустите, молчащий не вреден.
Отпустите отца к своим детям.
Чтобы с ними под крышей одной
ждать покорно грядущих событий.
Просто слышать их голос родной.
Просто рядом стоять тишиной.
Воспитать все равно не дадите.
Вот вам честное слово поэта,
для которого песня уж спета,
гвозди делайте, гните в дугу,
мысль, любую, по спектру проверьте,
обещаю – умолкнуть до смерти.
А потом – обещать не могу.

II

Следят, подслушивают, ждут.
Два топтуна меня пасут
повсюду – бравые ребята.
У них, наверное, зарплаты
рублей по двести пятьдесят
плюс прогрессивка, чтобы гнали
борзо. Недаром же, каналы,
так цепко на хвосте висят.
Настраивая в тени

аппаратуру, вдруг они
замешкались... Объект растаял...
Не знают, что ко мне приставлен
пожизненно
ангел-хранитель —
незримый страж мой и воитель.
Он тоже не спускает глаз.
И кто кого на этот раз!
На всякий раз!
О, страж силен...
Докладывайте своим боссам,
как ловко он оставил с носом,
вас обдурив...
Не я, а — он.

III

Запомни хорошо урок:
жить надо тише, глуше.
Не только стены — потолок
и пол имеют уши.
Умеет телеграфный столб
прислушиваться к прохожим.
Куда же от него? В сугроб!
А что мы еще можем?...
Попробуем! Перехитрим!
Честь храброму поступку.
Мы по душам поговорим
на кухне — через трубку,
которую сверну я из
обыкновенной газеты.
— Поближе, вот сюда садись.
И не соси конфеты.
Что захочу, то расскажу.
Жить, зубы стиснув, тошно!
Я — шу-шу-шу, ты —
шу-шу-шу...
Смешно? Зато надежно!

IV

Время предлагает нам
быть к себе построже.
Самиздат снести к друзьям,

рукописи — тоже.
Только классики стоят
пусть — за что страдали?..
Их давно уж, говорят,
стерилизовали.
Тишь да гладь, да Татьяна Тэсс
(у меня к ней интерес
личный) — бисер ниже.
Ни ксероксов, ни Имка-пресс,
ни телефонных книжек.
Эти я под половик
или за обои
прячу. Могут каждый миг
прискакать ковбои.

V

Я не диссидент, не экстремист,
не шпион и никакой не «ист».
У меня забот по дому много.
На детей-то не хватает сил.
Признаю: любая власть — от Бога,
если ее не перехватил,
изловчившись, этот inferнальный
тип... Но власть дается неспроста...
Признаю порядок ритуальный
в Церкви, не отрекшейся Христа.
Я свободен в главном. Да простится
мне высокопарность, может быть:
я хочу кормить семью, трудиться
и без страха верить и любить.

11 июня 1985 года

Я приехал точно в назначенное время — в 17.00. Но встретила меня Ангелина Петровна, теща отца Александра, попросила взглянуть к ней поговорить о хозяйственных проблемах: о трубах, о покосившемся заборе. У нас с Ангелиной Петровной на этой почве давно установились доверительные отношения.

В 17.30 отец Александр спустился из своего кабинета, зашел на голос.

– Вот, задержался у Ангелины Петровны, – пытался я оправдаться.

– Давно?

– В 17.00, как условились.

Он мельком взглянул на часы, добавил:

– А я решил, что дождь помешал, уже не приедете.

В кабинете он взял с места в карьер:

– С чего начнем?

– Пойдем по хронологии, – предложил я. (Как раз в эти дни я прочитал книгу В.Я. Василевской «Катакомбы XX века», где дана религиозная атмосфера, в которой воспитывался отец Александр.) – Расскажите о мечевском приходе. В «Катакомбах» он дан глазами взрослых.

– Да-да, я все помню, – и он включился, «зажег память» и стал рассказывать.

«В 45-м году, кажется, еще шла война, а может быть, в 44-м я попал в детский санаторий в Сокольниках. В тот самый, куда ездил Ленин на новогоднюю елку. Его по дороге еще ограбили... Помните, остановили машину... “Я Ленин”, – возмутился Владимир Ильич. “Какое нам дело, – рассудили бандиты, – Левин ты или кто...”

Ильича отпустили, отобрав у него пальто. Был отдан приказ банду выловить. Следователь царской школы возглавил эту операцию. Участвовала и его жена. В момент облавы она, чтобы отвлечь внимание, прыгнула с крыши дома, сломала позвоночник. Банду накрыли, а жена попала в больницу и осталась горбатой. В старости она была моей прихожанкой и показывала мне фотографии трупов тех расстрелянных бандитов. Ходила легенда, что Ленин грабителей пощадил, помиловал будто бы. Я их видел – все с дырками.

Так вот, в этом санатории работали воспитатели не простые. Например, сестра Флоренского, Татьяна Ивановна Куприянова, ученица Челпанова – философа-идеалиста. Она, потомок Липранди, имела черты разительного сходства с пушкинским современником. В свое время окончила философское отделение факультета общественных наук МГУ, была подругой Веры Яковлевны Василевской и прихожанкой отца Алексея Мечева. У нее на квартире собиралась молодежная религиозная группа. Это были 1946–1947-й годы. Она сама вела катехизаторские занятия с детьми от 7 до 14 лет. Ее муж, Борис Александрович Васильев, находился в ссылке, был ученым, но научную деятельность сломала тюрьма. Книга о духовном пути Пушкина – его. Многие

наставники моей юности были связаны с маросейским приходом отцов Мечевых и с Оптиной пустынейю.

На занятиях с Татьяной Ивановной разбирали Ветхий Завет. Но основное внимание уделяли богослужению, праздникам и т.д. Я для себя нового ничего не находил в этих занятиях, потому что жил в это время уже церковной жизнью. Татьяна Ивановна была женщина высокой культуры и широких воззрений, в юности дружила с великим князем Олегом. Советскую власть не признавала. В адрес правительства высказывалась резко. Ну что ей Гекуба!..

О приходе Мечевых говорила: “У них кастовость...” Что это была базовая община, я понял сразу. Все все друг про друга знали, шушукались. Открытость была, но как бы прикровенная. У нее же на квартире проводились систематические вечера, на которых зачитывались рефераты филологического, исторического и религиозного содержания. Я, конечно, не пропускал ни одного вечера, но всегда задавал каверзные вопросы. Например, ей – экклезиологические: “Вот вы все говорите – Церковь, Церковь. А что такое Церковь?” Она не могла ответить.

Она была, кажется, 1900 года рождения. Но общались мы с ней на равных. Она меня очень любила, и я, разумеется, ее тоже.

Чему мечевцы были открыты – это культуре. Это да. Помню реферат “Религиозность Чехова”. Притянуто за уши. Не понравилось очень. Серия рефератов “Критика мифологической теории”. Татьяна Ивановна прочитала критику на Виппера, который в очередной своей книге доказывал, что в I веке христианства не было. Будто возникло оно во II веке как теория каких-то коммерсантов... Советская наука отмалчивалась по этому поводу, но книги Виппера печатались вовсю. Так вот, Татьяна Ивановна дала отпор. Ее реферат послужил толчком к написанию моей книги “Исторические пути христианства”. Это был мой первый серьезный исследовательский труд.

Вторым человеком, оказавшим на меня влияние, был Николай Евграфович Пестов. Тоже духовный сын отца Алексея Мечева. Тип богоискателя. Обратили его, кажется, баптисты. В нем жил экуменический дух, а точнее, душок. Потом напрочь выветрился. А тогда он сразу же меня этим купил. На его столе я увидел фотографию святой Терезы. На стене иконы католических святых. Я приходил к нему за книгами раз в неделю. Конспирации ради он не знакомил своих гостей друг с другом. Случалось, приходил кто-нибудь неожиданно. Тогда он оставлял прежне-

го гостя в одной комнате, а новопришедшего вводил в другую, чтоб они разминулись. Так он сохранил и своих многих друзей, и себя. От него я многое узнал по историографии Церкви. Он был, пожалуй, самый открытый и самый свободный из мечевцев, мне тогда известных.

Далее. Владимир Дмитриевич Коншин. Биолог. Богослов. Каста в нем сказывалась. Как-то я увидел у него на столе альбом икон дореволюционного издания. Впился, разумеется. Он, недоумевая: “Что, тоже интересуетесь?” Это была область, куда вход был открыт не всем. А в отношении ко мне уже была настороженность, что ли, нет, не настороженность, а мизерная, едва уловимая нота недоверия. Я все не мог понять – почему. Возможно, потому, что в это время я пустил читать свою книгу “Исторические пути христианства”, написанную, между прочим, как бы параллельно “Историческому пути Православия” Шмемана. Невольно шла полемика. Все мои сегодняшние мысли о единстве Церкви там уже были, но – выраженные с горячностью 19-летнего юноши.

Как-то я рассказал Владимиру Дмитриевичу, что в Польше, в костеле, за неимением колоколов водрузили на колокольне репродуктор и, ставя пластинку с колокольным звоном, включали на всю громкость. Он возмутился: “В таком случае можно поставить в храме манекен, пусть крестит и причащает прихожан”. Я не стал спорить, понял, что это связано с аффектом. Его жена печатала мою книгу, и он конечно же ее знал.

Помню, Борис Александрович Васильев как-то вслух стал читать из нее главу о святых, поминутно возмущаясь: “Как плохо, как ужасно!..”

– Что же ужасно?

Не ответил. А я на слух еще более убедился, что совсем не плохо, а даже хорошо.

Так или иначе, а собирались в доме у Татьяны Ивановны специалисты высокого класса: историки, биологи, химики, антропологи. Один из них, будущий священник отец Николай Голубцов, в будущем меня благословил на священство.

Подозрительность в мой адрес была связана еще с пятым пунктом¹. Маму они принимали на 100%. Нас что-то разделяло.

Были и другие люди... Масса старичков, с которыми я гулял по бульварам, и они мне рассказывали тысячу и одну ночь. Ни имен, ни лиц не помню. Им нужна была аудитория, да и мне тоже.

¹ Графа в паспорте, анкете, в которой указывалась национальность.

Конечно, этот круг оказал на меня косвенное влияние. Я увидел и запомнил, как живет базовая община. Елки, религиозные праздники.

Им был свойствен интеллигентский традиционализм, но-стальгия по отнятой России. Великий князь Олег олицетворял для Татьяны Ивановны золотой век. Как им было объяснить, что это идеализация прошлого, в котором золота было на грош? На рынке, среди гвоздей, ботинок и замков я купил однажды том Владимира Соловьёва, потом еще том... У него я нашел то, чего не находил у них, лелеющих культ древнерусской иконы. Хотя они Соловьёва уважали.

Кроме того, там бывали разные дамы; одна из них – жена известного скульптора Мотовилова, лауреата Сталинской премии.

Когда вспыхнуло “дело врачей”, NN, помню, сказал: “Может быть, это возмездие за участие их (евреев. – А.З.) в революции?”

Тонко, разумеется, без нынешнего хамства я чувствовал к себе отношение по пятому пункту. К тому же вся окружающая меня церковная среда резко осуждала мои экуменические настрояния.

И тем не менее этот круг был моим духовным отечеством, противостоящим официальной церковности. У баптистов, между прочим, этого нет. Они блестяще знают Писание. А там все сказано, кого любить, а кого изгонять. У баптистов религия зиждется на Писании, здесь – на иконе. Это архетип культурного порядка».

Весь этот разговор происходил на кухне, где о. Александр готовил ужин (от моей помощи отказался) – чистил и жарил картошку. На нем широкие джинсы, футболка. Помешивает в сковородке деревянной ложкой.

«Влияние Оптиной пустыни на религиозную жизнь России было косвенным, – продолжает батюшка. – Церковь его не одобряла. Оптина была скорее исключением из правил. К старцам тянулась культурная Россия. Например, Нектарий, последний старец. Его духовные дети – китаевед Виноградов, востоковед Конрад, поэтесса Надежда Павлович. Бывал там и Михаил Чехов, артист, антропософ по убеждению. Его пригласил старец Варсонофий. Выслушивал его откровения. Не проклинал. И даже сам прочитал Штейнера, основателя антропософии, советовал и другим читать из него некоторые места. В тяжелые дни духовного кризиса приезжал в Оптину Сергей Булгаков.

Отец Серафим Батюков, который нас с мамой крестил, был оптинцем. А также монахиня Мария, моя добрая наставница.

Она жила в Загорске, мне казалось, в домике на курьих ножках. Маленький тайный монастырек. Когда брала меня на службу, говорила: “Постой, помолись, сколько можешь. А скучно станет – погуляй”. У нее был практический ум, но она хорошо чувствовала ауру».

«Вокруг соборности много понаписано. А что это такое – никто так и не ответил определенно. Даже Дмитрий Дудко, который, кажется, диссертацию на эту тему защитил».

«У Флоренского в “Столпе” вместо Любви – Дружба».

«Гомосексуализм – психофизическая болезнь. Я многим из этих несчастных хотел помочь. Не удалось. Они сейчас собираются у “кочерыжки” (так называют в народе памятник Марксу напротив Большого театра. – А.З.). Я понял происхождение этого порока. Он случается при зачатии. Это ошибка природы... Они все эротоманы. Потому что испытывают вечное неудовлетворение. Один такой бывает у нас в храме. Дважды уже сидел – ни за что ведь! Пьет, жизнь изломана».

В разгар беседы и затянувшегося ужина явился З.И., молодой литератор. Вторник у него – банный день в Загорске, а на обратном пути он по обыкновению заезжает к батюшке. В бане в этот день моется вся «знать» – и гражданская, и духовная. Парная отводится только для них. Он, старый прихожанин отца, по-свойски раскладывается, неторопливо пьет чай, распутывает моток своих бесконечных проблем и банных новостей.

– А помните ли вы, батюшка, первый обыск в вашем доме, связанный с делом отца? – спросил я.

– Конечно. Мама сказала, что дяди кое-что посмотрят и уйдут. «Дяди» действительно смотрели, и довольно долго – копались, как у себя дома. Помню, мне подарили на Пасху большое латунное яйцо, на котором было написано: «Христос воскрес!» Чекист неловко вертел его в руках, не мог открыть. Искали золото. Отец уехал в Свердловск. Свидания с ним так и не разрешили. Потом было доказано, что настоящие жулики подделывали его подпись... Золота, разумеется, не нашли.

Очень хорошо запомнил, как один чекист открыл деревянный шкафчик и увидел в нем иконы. Это был мамин киот. Она его закрывала от посторонних глаз. Увидев иконы, да еще блестящие – вдруг золотые! – как не поинтересоваться содержанием?.. Но чекист не притронулся ни к одной и тут же шкафчик закрыл.

З.И. регулярно привозил отцу Александру на рабочую правку свое творчество. Отец А. делал на полях замечания. Очередные

главы исторической повести были представлены на прошлой неделе, и сегодня отец должен дать на них отзыв. Что он и делает, еле разбирая свои каракули на полях текста. А иногда, так и не разобрав, вертя и перелистывая рукопись.

Неожиданный звонок с улицы.

– Кто там? – спрашивает в форточку отец Александр.

Это М.Ю. с семьей – проездом из Загорска, решили навестить батюшку. Только впустил их, поднялся на второй этаж, опять звонок. На этот раз какая-то дама, с которой долго разговаривал в саду.

Плачет грудной младенец – чадо новоприбывших гостей, молодой писатель выдает новости архиерейской жизни (он близок к этим кругам), я глазею на книжные полки. А отец А. не унывает, лицо сияющее и приветливое.

Я, смущенный маленьким столпотворением, вздыхаю, сочувствуя ему: «Да, взяли вас в оборот...»

А он – сияет.

Между прочим, точно так же, как на школьной фотографии 40-х годов, которую я видел сегодня в его семейном альбоме: дети, плотная скорбная масса. Среди которой – пятнышко – сияющее лицо черноглазого мальчика. Мальчика, который уже знает Данте и святоотеческую литературу.

ФОТОСНИМОК 40-х ГОДОВ

Вот детских лиц стена.
Фон беспощадно черный.
Отштукатурена
угрюмостью сплоченной.
Провалы глаз и ртов
застыли для порядка.
Сороковых годов
обугленная кладка.
На гребне ли, на дне
тех катастроф, кто знает,
возведена... В стене
слепой
окно сияет.
Возвышенно светясь...
Малыш... Его улыбка
из бездны поднялась,
как золотая рыбка.
Острижен и одет

как все.
Во взгляде взрослом
восторг!
Нездешний свет
через него ниспослан.
Булыгами зажат,
в камнедробильню годен.
Чему, чему он рад?!
Он — ангельски свободен.
А за окном зима...
И бед сулит немало.
В нем луч,
который тьма
доселе не объяла.

Младенец умолк, припав к груди кормящей матери, молодой писатель продолжает делиться впечатлениями. Я спешу подать пример, откланиваюсь.

— Мы еще с вами побегаем, — прощается батюшка, подбадривая меня. — Да-да, сейчас грязно, а в следующий раз, как приедете, побегаем.

Лето 1985 года

Вот главные события минувших лет его жизни в хронологическом порядке.

— Мне сейчас прошлое ближе и памятнее последних лет, — говорит отец А., — так бывает обыкновенно к старости...

«1954 год. Увлечение антропологией. Идеями антропогенеза. Новый толчок в этом году дала лекция Я. Рогинского в Политехническом музее.

1956 год. Учусь йоговским упражнениям у одной женщины.

1954—1958 гг., Пушкин институт. Сначала в Балашихе, под Москвой, потом, с третьего курса, в Иркутске.

1958—1960 гг. Заочная духовная семинария в Ленинграде.

1964—1968 гг. Московская духовная академия в Загорске.

Кандидатская работа «Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии».

1959 год. Был написан второй вариант «Сына Человеческого». Первый — в 1949 году.

1960 год. Написаны «Истоки религии».

1961–1963 гг. «Магизм и Единобожие».

1964 год. «У врат молчания». Последние страницы этой книги писал буквально после обыска 3 июня 1964 г. (Алабинское дело).

1 сентября того же года переведен в храм на станции Тарасовка по нашей дороге.

1965 год. Дописываю для «Магизма и Единобожия» главы, посвященные античной цивилизации и религии.

По совету отца Сергия Желудкова сокращаю «Магизм и Единобожие».

В этом же году еще одна редакция «Сына Человеческого».

В то время – интенсивная переписка с отцом Сергием Желудковым. Желудков выпускал машинописный журнал «В пути» (1962–1963 гг.). Получал корреспонденции, печатал их на машинке и аккуратно по почте рассылал адресатам.

1967 год. Пишу «Дионис, Логос, Судьба». Учу греческий язык. Первая попытка напечатать за рубежом что-либо из книг...

1968 год. Вышел в Брюсселе, в издательстве «Жизнь с Богом», «Сын Человеческий». Заканчиваю общую редакцию 4 томов. Собираю материалы по Оптиной пустыни. Беседы об Оптиной с Надеждой Павлович, которая работала там в последние годы библиотекарем. Учу иврит. В этот же год начал «Пророков» («Вестники Царства Божия». – А.З.).

1969 год. Выходит в том же издательстве «Небо на земле».

1970 год. Пишу «Пророков». Выходят «Истоки религии».

1970 год. Редакция шеститомника. Выходит «Магизм и Единобожие».

1972 год. Выходит «У врат молчания». Заканчиваю «Пророков».

1975 год. Пишу «Как читать Библию».

1975 год. Пишу комментарии к Ветхому Завету

С 1974 года – переписка с отцом Всеволодом Рожко. Примерно в это же время – «Памятка о молитве».

А также три детские книги: «Откуда явилось все это?», «Свет миру», «Соль земли».

1978 год. Комментарии к Евангелиям и новый вариант «Сына Человеческого».

– За эти годы в качестве негра написал «кандидатки» об эпохе Иисуса Навина, о ранних Отцах Церкви, еще что-то, забыл. Это к вашему вопросу, – улыбается он, – как зарабатывать на жизнь. Надо было семью подкормить. Так что я уже пятирежды кандидат наук.

– Были и докторские?

– Нет, кандидатского уровня. Предмета можешь ты не знать, но кандидатом быть обязан.

– Не Грузия ли заказывала?

– Украина.

*Из письма
о. Александра
З.А. Маслениковой*

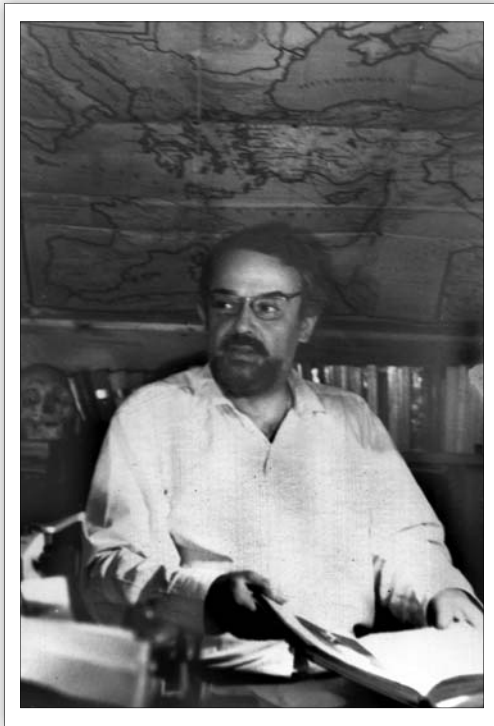
Хотя я всегда дорожил ровным светом и боялся всякой экзальтации и аффектации, в какой-то момент пришло и то, что можно назвать «обращением». Это случилось где-то на рубеже детства и юности, когда я очень остро пережил бессмысленность и разрушимость

мира. Тогда я исписывал тетрадки мрачайшими стихами, которые диктовались и пессимизмом характера, и открытием «правды жизни», какой она предстает, если вынести высший смысл жизни «за скобки». И тогда явился Христос. Явился внутренне, но с той силой, какую не назовешь иначе, чем силой спасения.

Тогда же – это было больше 30 лет назад – я услышал зов, призывающий на служение, и дал обет верности этому призванию. С тех пор оно определяло все мои интересы, контакты и занятия. Вместе с этим пришло и решение стать священником. Это самое большее, что я могу рассказать.

Неисчислимо количество раз я узнавал Руку, ведущую меня. Ее действие проявлялось даже в мелочах. Это напоминало камни мозаики, лежащие на заранее приготовленном рисунке. А над всем – если выразиться выпрненным языком – светила звезда призвания.

Харизмы обличительства у меня никогда не было.

о. Александр Мень в своём кабинете.
Семхоз. 1986 г.

Было бы ошибкой думать, что меня миновал соблазн «закрытого» самоуспокоительного христианства, обитающего в келье под елью, что мои установки целиком продиктованы характером. Напротив, мне не раз приходилось преодолевать себя, повинуюсь внутреннему зову.

Осень 1985 года

Кто-то из близких к семье отца Александра рассказал мне, что толчком к его священству послужило наставление отца Николая Голубцова. Когда Александр не был допущен в институте до сдачи экзамена и вернулся в Москву, якобы на путь священства его направил отец Николай. Убедил, что на ином пути проповедовать веру в наших условиях невозможно.

Отец Александр развеял этот апокриф: «Стремление к священству у меня возникло давно, в 14–15 лет, когда я прислуживал алтарником.

Приезжая из Иркутска на каникулы в Москву, я уже договорился с Анатолием Васильевичем Ведерниковым, работавшим в издательском отделе Московской патриархии, относительно будущего рукоположения. И он дал согласие, несмотря на предполагаемый диплом, то есть обязательную отработку в течение 3 лет и прочие условия. Позже он всюду сам звонил и договаривался.

Итак, я был полон желаний обращаться, но куда девать обращенных, не знал. Девать было некуда. Не было общины, как, впрочем, и сейчас. Некуда ввести человека. Микросоциум не сформировался до сих пор. Мы – начальные разрозненные элементы. Многих по этой причине я не поддерживал.

Например, один мой родственник приехал из Новосибирска, крестился в 50-е годы. Но потом, уехав к себе, заглох, затерялся, интерес к духовной жизни иссяк. Батарейки сели. А как поддерживать, когда нет среды, нет общины?».

«Национальные предрассудки развиваются в устойчивом крепком быту – в буржуазном укладе жизни. Я, разговаривая с французами, например, слышал от них пренебрежительное мнение о соседях: бургундцы скептически отзывались о жителях Прованса и наоборот, и т. д. То же и в древней истории. Пока иудеи кочевали, в них не было законнического духа. Как только

осели, обстроились, окопались, пустили глубокие корни – законнические установления сцементировали их спонтанные или свободные изъятия любви».

Эта мысль хорошо проиллюстрирована в его «Магизме и Единобожии» историческими подробностями. Напрашивается вывод, что устойчивый быт и притягателен, и опасен для массы. Как к нему относиться?.. Христианин считает себя странником в этой жизни, поэтому понятие устойчивости быта для него всегда относительно.

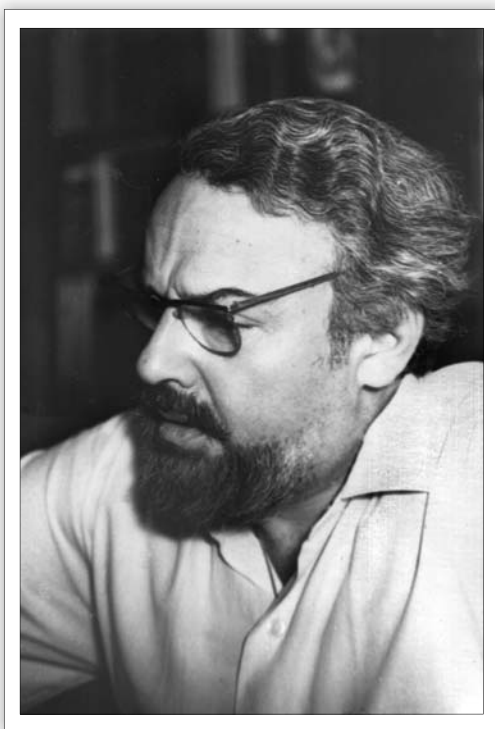
Мы шли на вечернюю службу от станции, заходя в продовольственные магазины – надо было купить коньяк для инженера, который планировал теплоцентраль в поселке. Назавтра к нему назначен прием, и батюшку попросили купить «гостинец». «Нельзя же к нему с пустыми руками явиться», – полусхотел заметил отец А.

Магазинов с вином в городе Пушкино заметно поубавилось: раз-два и обчелся. Наконец нашли что искали. Коньяк был в продаже, но очень дорогой. Маленькие бутылочки.

– Есть мерзавчики! Возьмем 4 штуки, – обрадовался батюшка.

Книжный, конечно, не миновали. С недавних пор прихожанка о. А. стала продавщицей в книжном магазине. «Сбылась моя давняя мечта, – говорит о. Александр, – быть допущенным за прилавок, в святая святых! Мне теперь кое-что здесь оставляют».

В тот год заканчивали строительство коттеджей в его поселке. Напротив их дома уже стоял трехэтажный малогабаритный куб с чердачным окошком. Как-

о. Александр Мень. 1986 г.

то, провожая меня до калитки, отец А., простодушно смеясь, показал на окошечко: «Удобный наблюдательный пункт — мы с вами как на ладони».

Между прочим, в поселке не сломали только дом Меня и соседний, впритык к нему расположенный. Не по этой ли причине дом не сломали, что он был на виду: подход, крыльцо, второй этаж — все как на ладони? Система контроля налажена. Зачем же ее ломать?..

По дороге я заговорил о Сереже Е. Судьба его нас очень беспокоила. Он молод, красив, умен, недавно вышел из тюрьмы, куда попал 18-летним юношей, отсидев 4 года за инакомыслие. Не женат. Душевное состояние очень неустойчиво. Тяготится внебрачными связями, хотя не понимает, что в них греховного. Он же никому не вредит — женщина сознательно, ничего не требуя, идет на это, ни с чьей стороны нет обмана. С этим вопросом я и обратился к отцу А., описав внешность Сережи, — вдруг отец А. вспомнит; в храме он был несколько раз.

— А, помню, он похож на Есенина, — точно завершил мое описание батюшка и начал издали: — Ученые провели однажды опыт. Крысам впяяли в мозг «электрод удовольствия». Крысы перестали есть и пить, только совокуплялись. Разумеется, очень скоро они погибли. «Принцип удовольствия» в жизни ведет к гибели.

Любовь — это не удовольствие, это радость, индивидуально окрашенная и все возрастающая. На уровне удовольствия все пары похожи, действует механический метод: влюбленность, элементарные ощущения — у мужчины простые, у женщины сложнее.

В любви происходит бесконечное узнавание друг друга, самопожертвование, инстинкт деторождения — много чего. В случайной связи все похоже на предыдущее. Вот почему Дон Жуан не ощущал новизны, не находил идеала.

С уголовной точки зрения он (Сережа), конечно, никому вреда не приносит. Но, нарушая заповедь Бога, он вредит и себе, и своей партнерше. Ни одна женщина не хочет, чтобы ее бросили. Только потаскуха, сделавшая из секса профессию. Женщина может в этом не признаваться, но втайне страдать от такого временного использования.

26 октября 1987 года

На исповеди: «Любить врагов — видеть в них человеческое, желать им добра и, если возможно, повернуть их к Богу. Но не впадать в компромисс».

Я: Страх перед завтрашним днем — ни работы, ни денег...

Он: «Это вам дано как регулятор жизни. Если бы у вас все было благополучно, вы были бы похожи на розу из крема. Материальную неопределенность завтрашнего дня надо терпеть. У вас две проблемы: неведомое завтра и творчество. Первое нужно терпеть, за второе — бороться...»

Он вспомнил о своей маме, цитируя Евангелие: «“Не заботьтесь о завтрашнем дне...” Ей ведь не сладко жилось, нужда наступала на пятки. Бывало, скажет: “Завтра нечего есть... Ну, Бог пошлет чего-нибудь...” Всегда была спокойна на этот счет».

Я: О тщеславии, об ущемленности со стороны издательств.

Он: «Вы, главное, пишите, делайте свое дело. Большинство писателей, настоящих, не были ни членами Союзов, не имели ни признания, ни денег... Творчество должно само пробить себе дорогу».

Я: Мало занимаюсь детьми. Времени на детей не остается.

Он: «У детей встреча с Богом — личная. Вы им сколько угодно можете рассказывать о Боге, а откроют они Его самостоятельно. Надо стремиться к невозможному, но ставить перед собой реальные цели».

6 ноября 1987 года

Вчера у бабушки. Застал его и Алю за телевизором. Шел фильм по какому-то сюжету Куприна. Но отвлекся сразу, потащил на кухню, усадил в красный угол, засуетился около плиты. Уже скворчит сковорода, терпко пахнет мясным блюдом, со вкусом кокает над сковородкой яйца. Время ужина. Должна вот-вот приехать с работы Наталья Федоровна. Ну вот наконец все за столом. Кроме бабушки. Он летает, подносит тарелки, разливает виноградный сок: «Попробуйте безалкогольную горбачевскую». Он и здесь ухаживает за всеми,

сам ест на ходу, на лету — здесь клюнет, здесь отломает кусочек, там ущипнет.

После ужина спустились посмотреть новую кухонную мебель. Батюшка неистощим на шутки: «Передвинул мебель — как в другую квартиру переехал».

В воскресенье, на общей исповеди: «Иной грешник думает, что наказание должно последовать за прегрешением, как будто он в трансформаторную будку залез и его сейчас током убьет. На самом деле это не так. Грех оскорбляет любящего Бога и любящее существо. Греша, мы Его и кого-то обижаем».

«Закоренелых грешников бывает трудно отпевать, очень тяжело...»

27 июня 1988 года. Семхоз

У батюшки ремонт. Он назначил мне встречу от 7 до 8 вечера. Я — на велосипеде — завернул к молочнице, которая еще не подоила козу, пришлось ждать, к батюшке приехал в 8. Собаки — в вольере, он — в плавках, с внуком на руках. Не видя меня, но услышав стук калитки, спрятался за угол дома и оттуда выглядывает.

— Свои, батюшка, свои.

— Подождите, сейчас оденусь, — откликается он.

Солнышко ему полезно. На юг не поехал, а псориаз захватил не только руки, но и большую часть спины.

Дочь с мужем отдыхают в Крыму. Ангелина Петровна — на грядках в огороде, Наталья Федоровна на работе. Кому пасти внука? Разумеется, отцу Александру. А внук беспокойный. Только спустишь с рук, сразу — под куст и тянет в рот все круглое. Так и разговариваем втроем. Отец А. его держит на руках, как болонку. Но, кроме пастьбы, еще готовит пищу рабочим. На пятерых, а вместе с семьей — на восьмерых.

— Пойдемте ужинать, — приглашает он.

Половина дома, в которой находился его кабинет, снесена. Осталась только лестница в кухню, по которой он сейчас неловко спускается с кастрюлей в руках. Тряпка ли коротка, или слишком горяча кастрюля, он ее перехватывает из одной руки в другую и похож на кока, спускающегося по корабельному трапу во время крепкого шторма.

— А что у вас с отпуском? Когда и куда едете? — спрашиваю его.

— Какой отпуск? Куда я могу!.. — показывает он на развал стройки.

Рабочие, так называемые шабашники, — из интеллигентных. Кажется, все аспиранты. Балагурят за столом — про жратву, про водку, про перестройку. Отец А. подшучивает, поддерживает разговор.

Я угрюмо отмалчиваюсь.

— А мне нравится, — говорит он, когда мы идем по двору, перешагивая через горы стружки, поваленную мебель. — Я рад ремонту.

«Вот что я вам сейчас скажу... Вы подумайте над этим. Когда мы что-то критикуем, возмущаемся чем-то, то мы опираемся на некую моральную платформу. Должны опираться.

Если у нас нет платформы, то наши отрицания рефлексивно-го свойства. Они ни на чем не основаны и похожи на утверждения молодых людей: фашизм прав и т.д.

Надо укреплять и формировать моральную базу. Это главное».

20 октября 1988 года

Сегодня обещал заехать к бабушке, завезти паклю. Конопатчикам опять не хватило. А у меня осталось от летних работ. Я набил плотно дерюжный мешок, еле-еле стянул устье и перевязал, водрузил на тачку, уже в сумерках пошагал с Богом...

Собаки меня впустили без особых волнений, на крыльце горит лампочка, на первом этаже — свет, а на втором зыбко-зыбко теплится одно окошко.

— Кто там? — отозвалась на стук Ангелина Петровна. И я понял, что она дома одна.

— А я жду плотника, с которым сговорились о крыльце — строить новое. Обещал вчера приехать вечером в 6 часов, не приехал, ждала как дура. Вот и сейчас уже 8 часов, а его все нет. Что за народ! И о цене договорились. Запросил 10 рублей за вечер...

Те строители, интеллигенты-шабашники, крыльцо сделать уже не успевали. Кончились отпуска, в которые они рассчитывали вписаться с главным строительством. «А крыльцо — семечки. И без крыльца живут» — такова их возможная логика.

— Дай Бог, с отделкой к зиме поспеют, — сокрушается Ангелина Петровна. — Привезли из Москвы двух пацанов, которые за отдельную плату взялись проконопатить дом. Делают они это впервые. Ни умения, ни навыка. Наталья Федоровна только успевает указывать на недоделки. Их главный возмущается: «Вы ничего не понимаете». На что Наташа ему ответила: «А вы специалистом назвались, а фронтоны пришили без каркаса».

— Отец Александр ни во что не вмешивается, — не без сожаления говорит Ангелина Петровна. — Мелочи жизни... Хотя разве это мелочи? Сегодня ушел в 6 утра, свет у себя не погасил, я только заметила, подняться на второй этаж не могу. Так весь день свет и горел.

Это неправда, что он не вникает в мелочи. Вникает, и еще как. Но строительство — дело Натальи Федоровны. Здесь он ей полностью доверяет и попросту не мешает.

Я вспомнил, что сегодня у него выступление в клубе медиков. Приедет наверняка к ночи.

Вчера я тоже заходил к ним оставить записку, что выступление в «Юности» по просьбе редакции откладывается на неопределенный срок.

На втором этаже, прямо на ступеньках, — пишущая машинка, рядом табуретка, что-то вроде столешницы, на которой Библия, словарь, исписанная бумага...

— Что, он здесь работает? — спросил я у Ангелины Петровны.

— Да, он без разбору, приткнется где-нибудь и стучит.

Я вспомнил его горячие слова на исповеди, обращенные ко мне: «Надо работать в любой обстановке. Только тогда и ощущаешь, что пашешь — преодолеваешь развал и рутину».

Шеститомник свой он так и писал — на виду у домашних, на виду и на слуху.

Помню его фотографию студенческих лет. Группа студентов в тайге, на практике. Батюшка запечатлен с кружкой чая — вышагивает к своему пеньку. Вокруг народ, гитара, костер, а он на пенечке, точнее, за: со своими мыслями, со своими книжками.

Анатолий Васильевич Ведерников, редактор ЖМП, давал отцу Александру регулярный заработок в журнале. За 1959—1963 годы он напечатал около 40 его статей. Владыка Питирим, заменивший Ведерникова, повел себя иначе. Внешне любезный, он прятал статьи Меня в стол и вскоре пресек его контакты с редакцией.

В № 11 за 1961 год ЖМП поместил статью о. Александра «Последние дни и мученическая кончина Иоанна Крестителя». Недоброжелатель написал донос Патриарху, в котором указывал на неправославное толкование факта. Православное якобы состоит в том, что усомнились в Христе-Мессии ученики Иоанна, а не сам Иоанн. Автору пришлось писать подробную объяснительную записку, к которой Анатолий Васильевич как редактор приписал объяснения и от себя.

В доносе отца Серафима Голубцова на молодого священника (Меня) среди прочих обвинений было главное — будто его (Меня) взгляды не стоят на прочном материалистическом фундаменте, лишены марксистской основы. Примерно так или еще грубее сформулировал свои показания о. Серафим, который в итоге кончил психиатрической больницей.

БРАТСКОЕ ПОСЛАНИЕ
ЭФИОПСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
АВТОКЕФАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ
ОТ МНИХА ФИЛОФЕЯ
ИЗ СЕРГИЕВА ПОСАДА

Брат мой эфиоп,
стало нам известно,
ты свой темный лоб
крестишь одноперстно.
Слышал от людей,
даже обрезанье
чтишь, как иудей.
Это ж истязанье.
Это же экстаз!
Правда ль, нет, судачат,
в храмах, мол, у вас
и поют и скачут.
В барабаны бьют,
в разные жестянки.
В платье не блюдут
скромность прихожанки.
По всему видать,
с ними у вас не строго.
Где ж тут созерцать!
Как — услышать Бога!
Мы из разных стран.

Но одним отличны
против латинян:
оба кафоличны.
Оба — ты да я,
брате эфиопе,
православныя!
И видали в гробе
их святейшества!!!
На засохшей смокке
нет плодов. Шиш с два
ихней филиокве!

13 мая 1989 года

Позавчера почти весь день в Семхозе у бабушки. Приехал за семенной картошкой к Ангелине Петровне, а он усадил за чай, потом увлек с собой по платным конторам: платить за свет, телефон, взять талоны на молоко, за сахарным песком в птицеводхоз, на почту, в сельсовет.

Пейзаж вокруг сталкеровский — развал бесконечной всеобщей стройки. Он мягко иронизирует: «Здесь птицеводхоз; зачем птицам такие бетонные сооружения, похожие на ангары?»

Искоруженные железные фермы, цементные плиты и т.п., беспорядок, свойственный малым и большим советским хозяйствам, весной особенно бросается в глаза. Ни снег, ни листья сейчас их не прикрывают.

— Каково детям, — сокрушаюсь я, — жить среди такого пейзажа. Как можно привить им чувство гармонии?..

— Их (эти формы. — А.З.) надо пропускать через себя. (Я подумал: как пишу.) И обращать внимание на красивое — в любом ужасном пейзаже есть чем восхититься.

Он при мне однажды восхитился речушкой в Пушкино, с одной стороны которой — рошица, а с другой — дачный поселок. Я, помню, пошутил:

— Особенно украшают водоем сваленные в него шины и ржавые кровати...

— Не смотрите на кровати, смотрите на березняк под горой, глазу для отдохновения нужно очень немного, — посоветовал он тогда.

Буйно поднимается зелень. Скоро она скроет разбросанную рухлядь. А в июне будут видны только эти бетонные плиты... «Если оставить землю хотя бы на год без человеческой заботы, — фантазирует батюшка, — она станет неузнаваемой...»

Все, кого мы встречаем по дороге, здороваются. Он же их всех крестил, их детей, их внуков, отпевал родителей, венчал... Вот женщина, работает в конторе. Мы, кажется, идем сейчас к ней. Отец А. убыстряет шаг, окликает ее по имени. Скольких же людей имена он помнит!!! Нет, это не только феноменальная память. Я спросил его как-то, не пользуется ли он механизмом запоминания, каким-нибудь приемом? Он ответил, что нет никакого приема...

Сегодня я вернул ему книги, которые вечность назад взяла у него Евгения Павловна, женщина, редко бывающая в храме.

— Евгения Павловна, Евгения Павловна... — припоминает он. — А, вспомнил! Взглянул на книги и вспомнил.

Он недавно вернулся из ФРГ. Выступал на каком-то конгрессе. Немцы обещают помочь организовать издательство на паритетных началах. В бумаге недостатка не будет. Не удастся зарегистрировать «Культурное возрождение»¹ и при нем издательство? Тогда откроем издательство, а при нем сами же учредим общество «Культурное возрождение».

Мудрость — это не блок информации. Мудрость — постижение сути вещей, мудрость неотделима от доброты, открытости. Мудрость скромна. И она обладает духом, отличающим человека от животных.

*Я боюсь смерти. У меня ощущение, что я еще не все сделал здесь.
Общество церковных людей — не безупречное общество.*

В русской сказке о Ерше Ершовиче есть рыба налим, которую зовут Мень.

На почте ожидало несколько бандеролей. Он распечатал одну: православные молитвенники в мягкой красной обложке — в нашей группе мало у кого они есть. Протянул мне пачку, и я взял несколько. А потом мне стало стыдно, что воспользовался его

¹ «Культурное возрождение» — общество, им основанное. Власти чинили препятствия в его регистрации.

щедростью. Нужно было взять одну-две книжки. Нужда в них общая, а не только в нашей группе.

И была еще одна бестактность в этот день с моей стороны, за которую я себя потом корил. Я ходил с ним по всем хозяйственным службам, таская корзину с семенной картошкой. Почта – последний пункт нашего маршрута. Здесь я должен был с ним попрощаться, выбирая путь покороче к своему дому. Мог бы, конечно, сделать небольшой крюк и проводить батюшку. Но корзина с картошкой подсказывала удобный для меня вариант. И я предложил батюшке идти до перекрестка по моему пути, то есть там, где мне было короче. Он, разумеется, согласился.

* * *

Неоспоримы слова отца Александра,
напоминающего нам не очень-то строго
о том, что Библия – письмо Господа Бога.
И бывает досадно,
что письмо подолгу валяется нераскрытым,
придавленное общественными делами и бытом.
И правда – посланное ныне и присно,
разве оно останавливает
сиюминутные трень-брень...
И разве долгожданные письма
от любимых – мы не перечитываем
по сто раз в день?..
Пудрим мозги себе и доверчивым людям...
Доказываем, что Жизнь не лотерея
и не лакомое эскимо.
А между тем, как вчитываемся, так и любим
Того, кто послал нам письмо.

9 ноября 1989 года

Почему не все люди, далеко не все задерживаются в нашем приходе? Батюшка называет это обстоятельство проблемой решета. «Льешь, льешь воду...» Текучка кадров, как на тяжелом производстве, где мало платят. Можно, конечно, найти причину в отдаленности храма – многим не под силу так рано вставать. Мож-

но учесть сверхзагруженность отца А. и невозможность вести с каждым долгие беседы, в чем большинство людей нуждается. Смущает, возможно, многих и налет светскости. Все это, возможно, влияет на текучесть людей в приходе. Но мне кажется, есть причина первостепенная. А именно: отец А. ставит перед каждым прихожанином самые высокие условия веры. Ставит не насильно, не навязчиво и даже не явно. Ставит своим примером. Ибо давно и бесповоротно принял эти условия сам, и быть рядом с ним – значит, эти условия принять. Они конечно же тяжелы и, по земному рассуждению, невыгодны. Потому и течет народ через Новую Деревню, как река через мережу. Но кое-кто остается. Оседают на дно, как тяжелая фракция в лотке золотоискателя. Ил, муть смываются, а она остается. Улов все-таки есть.

Мою паству, – шутит батюшка, – составляют «пациенты», «бегущие по волнам» и «соратники». Россию может спасти только чудо. Но я верю в чудо.

Однажды обмолвился горячо и отчаянно: «Рано Христос пришел на землю. Не готово еще человечество...» Что у него было на душе?.. Какой обвал сомнений?..

ИСХОД

Пустыню питает источник Мерра.
Чарует и в полдень, и в полночь.
И завтра он будет журчать, как вчера.
И в сердце накапливать горечь.
Мы, сонно блуждая, к нему припадем,
прельстясь мимолетной прохладой.
Но честно отпрянем и мир проклянем,
отравленный горькою правдой.
«Зачем самозванцу вослед от судьбы
уходим?! Чего-то да стоит
треклятое рабство. Там были гробы,
а здесь как собаку зароят.
Там были и скот, и родительский дом,
и варева с верхом в корчаге.
Зачем нам такая свобода?! Кругом
одни миражи... За песчаным холмом
глоток обжигающей влаги...»
Пустынна свобода. Абсурдна. Пьяна.
Нисколько не радужней хлеба.

Покуда не примет ее глубина
тяжелое крестное древо,
растущее возле погибельных мест...
В поток погрузился неузнанный крест.
Вобрал, оставаясь глубоко,
всю горечь в себя из потока.
И двинулись дальше — уже не рабы,
но все еще жертвы пустыни, — дабы
осилить гряду за грядою.
Прочищены глотки и смочены лбы
той самой — крещальной водою.

Более всего ему доставалось от настоятелей, его непосредственных начальников. Но были исключения. Отец Григорий Крыжановский служил в Новой Деревне, когда в 1970 году перевели сюда батюшку. Это было относительно спокойное время; настоятель его любил, называл «нашим Златоустом», всегда приходил слушать его проповеди, бывало, что только к проповеди и приходил. Он был старенький, служить стало тяжело, и отец А., конечно, трудился за двоих. Но зато он не вмешивался в приходскую жизнь. Мы после службы собирались в сторожке, пили чай, и батюшка по одному выуживал нас к себе в кабинет на беседу.

Однажды после службы впервые оказался в сторожке и я. Отец А. меня сразу заметил, спросил:

— А вы кто?

Я назвал свое имя и добавил, что меня хорошо знает алтарник В.В. Позже, когда мы уже разговаривали в его каморке тет-а-тет, я признался, что прочитал все его книги, которые приходили ко мне через Ф.Б. Лицо его просияло, как будто я упомянул о самом дорогом ему человеке, и он смущенно засмеялся. Этот его характерный обезоруживающий смех, в котором не было ничего скрытного! Я ожидал иной реакции, потому что Ф.Б. совсем недавно перешла из православия к пятидесятникам.

Скажу два слова о том, как отец А. до крещения подбрасывал мне всякие мелкие испытания, которые мелкими мне тогда не казались. Тяжко было ждать его после службы в пустеющем храме, когда все приложились к кресту, вышли на улицу, а у него еще дел полно: молебен, крестины. А ты стой на виду как дурак. К тому же старухи двигают меня с места на место: то купель тащат — мешаешь, то гроб вносят — посторонись. Но я понимал, что «муки» эти посылаются мне для смирения, и отец А., навер-

ное, мое понимание замечал. Потому что мгновенно, как только освобождался от треб, подходил, брал за руку и вел на левый клирос.

Обнимет, усадит на лавку, сунет какую-нибудь книжку, наверняка заранее приготовленную и припрятанную в его широких, красиво волнующихся одеждах.

Отец Григорий был хорошим прикрытием от церковных властей. Именно в это время, в середине 70-х, и закладывалась структура прихода — малые группы. Но отцу Григорию шел едва ли не девятый десяток... Однажды я встретил его в метро. Сажу, уткнулся в молитвослов и вдруг слышу над собой: «Молодой человек, подвиньтесь, пожалуйста». Это был он. Я обрадовался встрече, счел ее за доброе предзнаменование — ехал в издательство со своей рукописью. А отец Григорий поведал мне: «А я еду на Новодевичье кладбище присмотреть себе местечко...» Однако местечка ему на Новодевичьем кладбище, когда подошел срок, не выделили. И мы похоронили его на новодеревенском погосте.

Отец Иоанн Клименко, последний настоятель, своей неприязни к нам не скрывал. Отца Александра и его паству называл не иначе как «Али-Баба и сорок разбойников». Перед проповедью батюшки он выходил из алтаря и подробно глазами обшныривал каждого, кто стоял впереди. Искал магнитофон — криминальный материал для своих донесений наверх. Но мы приспособились: магнитофон прятали в сумку, а микрофончик за чью-нибудь спину. Записи теряли, конечно, в качестве. Я и сейчас узнаю приглушенный фон тех проповедей, воздвигнутый бдительным оком настоятеля.

Он был важный, неторопливый, передвигался по храму плавающей походкой. Тотчас, как заступил на приход, наладил правый хор, водрузив туда свою дородную жену, а сноху поставив регентшей. На каждую воскресную обедню жена приносила младенца в пеленах, сказывали — внучонка, и он благочестиво внимал слаженному пению — своего голоса не подавал.

Прошел слух, что о. Иоанн хочет взять вторым священником своего сына, и это было похоже на правду. По тому широкому хозяйственному развороту, который он осуществлял, было видно, что он приехал надолго и всерьез. Приехал из Егорьевска, сразу же был прописан, купил дом.

Приходская касса сельского храма небогатая. А он заставлял платить всем хористам по десятке за службу. Тогда это была непозволительно большая плата. Службу о. Иоанн вел не очень

аккуратно. Бывало, что и сокращал против правила. Старухи его недолюбливали. И окрестили за его котоватый вальяжный вид КОТОМ. В конце концов он чем-то им крепко досадил. Они жаловались на него епископу, но реакции не последовало. Тогда чуть было не расправились самосудом, да вступился наш батюшка — спас бедолагу.

Было это на Светлой неделе. Я приехал раненько, поспел к проскомидии, чтобы одному из первых исповедаться у батюшки. А застал картину весьма удручающую. Храм был полон разъяренных женщин, которые не хотели, чтобы о. Иоанн служил обедню. Они возмущались, двигались плотной массой туда и сюда и были похожи на стаю стрижей в небе, дружно атакующую коршуна. А коршун мечется: то спрячется в алтарь, то опять выйдет с увещеванием, что еще сильнее разжигает атакующую сторону. И никуда бы коршуну не деться, того и гляди посыплются перышки, как вдруг из левого притвора появился отец Александр и густым умиротворяющим голосом запел: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» Смолкли крики. Сначала робко, потом дружнее подхватили рассерженные женщины живительный пасхальный тропарь, и вскоре служба пошла своим чередом.

Другой настоятель, отец Стефан, казался человеком положительным, но отцу А. с ним, как я уже говорил, было очень трудно по той причине, что единственно важным для о. Стефана был обряд, ритуал. На девушек с непокрытой головой смотрел, как на нераскаявшихся магдалин, а на тех, которые в брюках, вообще не смотрел, к причастию не допускал и отцу Александру ставил на вид такое непотребство. Распустил, мол, совсем своих духовных чад. Отец А., конечно, соглашался, призывал их к порядку, но какая-нибудь залетная неофиточка в легкомысленном костюме являлась посмотреть на знаменитого отца Александра, и конфликт возникал снова.

И скоро отец Стефан поддался оппозиционным настроениям, поверил, что его коллега — масон, и с лицами славянской наружности делился своими опасениями, которые черпал из солидной (том или два) «антименьевской апологетики», распространяемой в ксерокопиях анонимными доброхотами. «Открытое письмо Александру Меню» — фрагмент из этого манускрипта, состряпанного в недрах Госбезопасности.

Отец Стефан тоже намеревался служить в этом приходе до победного — поставил вместительный гараж для легковой ма-

шины, планировал перестройку дома с отдельным для себя входом. Обновил храм — отделал его в древнерусском стиле, отчасти по батюшкиному проекту. И между тем организовывал письма с подписями и доносы на своего подчиненного.

Нет, решительно отец Стефан был хозяйственный мужик. Но мы явно подливали масла в огонь. Мы невольно сравнивали двух священников. И результаты наших сравнений были неосторожны, если не сказать — бестактны. Например, проповеди отца Стефана мало кто слушал из москвичей, разговаривали, ходили по храму. Это обстоятельство не могло не уязвить оратора, который был старше чином и совершенно неконкурентоспособен. Или, например, в большие праздники выносили причастникам две чаши. Из одной окормлял отец Стефан, из второй — отец Александр. Почти весь приход тянулся ко второй чаше. И трудно, и стыдно было потом убеждать своих духовных сестер и братьев, что Христос в обеих чашах и что своим выбором мы вводим в соблазн настоятеля, а может быть, и ожесточаем его...

УСПЕНСКИЙ СОБОР

Когда на сердце спазм
и страхом удушенья зажат,
собор — соблазн,
соборность — искушенье.
Откуда — благодать?
И где она ютится?
Ни на колени встать,
ни так перекреститься.
Когда старухи злы,
их шиканья облыжны,
а возгласы из мглы
алтарной еле слышны.
Зато спасает хор.
Осанна на простор
взмывает антифонно.
И свет струит икона.
Завязанный узлом,
зажатый отовсюду
в тиски — и поделом! —
но, верою ведом, —
езде причастен чуду.
Тем паче на краю

у смерти: или — или...
Известно, мы свою
зажатость заслужили.
Тень все еще парит
видений иллюзорных...
Не зря собор набит,
как зернами подсолнух.

Июнь 1990 года

После службы в домике народ, как всегда, толчая, ждут отца Александра. Мария Витальевна у плиты. Мы достаем свои кулечки, кто принес; за кипятком тянемся к плите.

— Мария Витальевна, вы еще не завтракали? — спрашиваю я, намереваясь пригласить ее к столу.

— Я ничего не ем, пока не накормлю отца, — отвечает она, — ни крошки в рот не лезет.

— Так ведь он в разное время ест...

— Ну и я в разное...

Вчера на исповеди: я ему — о скверном моральном состоянии на любой другой работе, кроме литературной. Кажется, будто делаю что-то не свое. И дергаюсь. А как распознать — свое или не свое? Он: «Надо эту работу, которая сейчас в руках, ПРИНЯТЬ — целиком, как данность, как посыл свыше. Есть такое понятие — ПРИНЯТЬ. И тогда перестаешь дергаться...»

Из проповеди об Александре Невском: «Бодрствуйте! Страшный суд не только внушает страх, но и радость. Недаром Христос называет Господа грядущего — Женихом. Жених будет и судить, и миловать, и награждать».

Таня (жена моя) делилась с отцом А. своими трудностями, нехваткой времени и пр. «Время надо лепить, — ответил он. — Как скульптор из вязкой глины лепит задуманную форму, так и время поддается обработке: уплотнению, усековению — лепке».

Однажды Таня встретила его на автобусной остановке в Семхозе, где он, экономя минуты, ждал автобуса: электричка в Загорск шла несколько позже. Таня с сумками — тяжелыми, конечно, — тащится на дачу, и у перекрестка с хотьковской дорогой — тут же и остановка — одна сумка у нее обрывается — не

выдержала ляжка — и все содержимое сыплется на землю. Подъехал автобус. Отец А., видя Таню, бросается на помощь. Оба они подбирают просыпанное. Автобус ушел. И следующий будет не скоро... Отец А., считавший минуты, как будто забывал о времени, когда внезапно возникал призыв о помощи. Сколько таких призывов оттаскивало его от письменного стола, где он безупречно точным словом тоже помогал людям. Непосредственная контактная помощь оттесняла помощь заочную. И время растягивалось. Под рукой мастера время не только сжимается, но и растягивается.

1 сентября 1990 года Семхоз

Вчера вечером у бабушки. Я позвонил ему часов в 11 утра. «Приходите сегодня, только попозже, — сказал он, — мне предстоит поездка в Москву. Но к 9 часам я вернусь. Вот к 9 и приходите». Я приехал на велосипеде в 8.30. Уже стемнело, собаки не лают или меня узнают. Постучал в окошко. Открыла Наталья Федорова. «Ой, а мы испугались». (Стуку в окошко. Почему не звонок?) Зашел на кухню и за разговорами, поглядывая на часы, просидел не менее часа.

Отец А. вернулся около 10. Говорит, что постоял у ворот, побрякал замком, собаки молчат. Тогда (его слова) «полаял немножко, и они выпрыгнули из беседки». Непонятно, шутит он или нет. Скорее всего, шутит. Но из этих собак никогда не удастся сделать свирепых и сторожевых, потому что постоянен поток новых людей к дому. И все свои. Всех нельзя трогать, тем более укусить. Поди разбери, который свой, а который чужой...

Вошел отец А., и сразу все зашевелилось, задвигалось. Включил телевизор — должна быть его передача, — поставил чайник. Главная цель моего визита — показать ему текст бесед на «Символ веры», которые намеревалась напечатать одна газета. Это его проповеди из книги «Таинство, Слово и Образ». Я осмелился (с его, конечно, благословения) текст чуть-чуть сократить. Подробно вникает, замерев у плиты, где чайник уже кипит, выпуская шумную струю пара. Я: «Не можете сейчас вникнуть, сосредоточиться?» Он: «Напротив, так вникаю, что хочется переделывать, переписывать заново». И продолжает: «Я понимаю Андрея Белого, который переписывал все свои письма». Соображая текст

с изданием (все же газета), спрашиваю: «Может быть, слово “аминь” снять?» Задумался... Ничего не ответил.

НИИ, занимающийся медицинскими проблемами, заказал ему статью о христианском браке и современной семье для анти-спидовского издания, которое должно называться «Модуль профилактики СПИД». «Что значит слово “модуль?”» — спрашивает он меня. Я теряюсь, подбирая слова. Он улыбается: «Пойдем заглянем в словарь». Бежит легко вниз по крутым ступеням и в кабинете, ловко встав на стул, достает нужный том.

Я показываю программу издания. Читает, смеется: «Грустную улыбку вызывает 8-й пункт, грустную: “Памятка. Как правильно пользоваться презервативом”. Пользоваться тем, — шутит он, — чего нет. Их ведь нет в продаже. Лихие ребята за полторы тысячи рублей (стоимость модуля. — А.З.) хотят загнать то, чего нет». Задумался, перечисляя свои текущие работы: статьи, книгу о московских храмах, фильм о матери Марии, фильм «Жизнь после жизни» и т.д. «Писать специально для “модуля” нет возможности», — заключил он. Но ни у редактора, ни у меня не было таких намерений, чтобы он писал специально. Я полагал, что он выберет что-нибудь из имеющегося или даст выбрать мне. Решили просить отца Александра Борисова. Он человек ученый, писать умеет. Давняя тактика батюшки: втягивать в духовное просвещение как можно больше способных проповедников.

Он, разговаривая, непрерывно что-то делает: роется в бумагах, которые лежат на столе, перекладывает папки... Такое отвлеченное присутствие порой смущало людей, мало с ним знакомых. Оно на самом деле не мешает беседе: он способен вести несколько дел одновременно. Эта способность выручает его в многолюдной обстановке. А может быть, и выработалась благодаря тому, что постоянно на людях. В поезде, например, я замечал, как он отвечает на вопросы сразу нескольким людям. Только успевает поворачивать голову... Он редко возвращался домой один — из Пушкино ли, из Москвы. И еще я заметил, как изредка, когда случалась пауза в разговоре, он на несколько секунд закрывал глаза — исчезал из видимости, погружался в молитву. Это было то мгновенное соприкосновение с Господом, о котором он нам всегда напоминал: «Не упускайте возможности молиться при любых обстоятельствах».

В его кабинете два стола. На втором, письменном, довольно высокая кипа его опубликованных работ — газеты, журналы, книги. Среди них «Советская молодежь» (Рига) от 6 июня 1990 г.

Статья о нем. Ее сразу же перепечатали несколько газет Союза. «Имя, которое было под запретом». Было... Надолго ли реабилитировали?..

Я взглянул на часы, почти 11. Завтра ему служить, встать в 5.30. У него хронический недосып. Хотя именно сон, как ничто другое, восстанавливает его физические силы. (Здесь кончается моя запись, которую я продолжил уже после его смерти.) Он, бывало, скажет: «Мне лучше не поесть, чем недоспать». Домашние вспоминают, что он, встававший по обыкновению (когда оставался дома) рано, позволял себе иногда поспать до 10 часов. Это значит, что силы его, физические, были на пределе — поздно приехал, поздно лег... Как часто, возвращаясь к ночи, еще стучал на машинке: выхватывал из потока жизни ту обязательную страницу, без которой, как профессиональный писатель, не мог дня прожить.

Неотступный псориаз... Повреждена рука, заметно хуже владеет ею. Особенно она давала о себе знать на причастии. Держа чашу в левой руке, правой — больной — причащал. Приходилось далеко тянуть лжицу с причастием, что и вызывало наверняка боль, потому что получалось у него неловко. Я старался как можно ближе приблизить лицо к чаше, чтобы сократить движение больной руки. Однажды, у креста, сказал ему: «Почему бы не обратиться к хирургу?» Рука-то правая, наверняка еще пригодится. Но было что-то главное, что не давало это сделать, как будто уже решившее за него: руке служить осталось недолго...

Болезнь свою последнюю — то ли грипп, то ли ангину с высокой температурой — перенес на ногах. Впрочем, все болезни он переносил на ногах, ни разу не взял больничного, если не считать операции, которая отлучила его от храма на две или три недели.

Однажды грипп перешел в воспаление легких. И жена настаивала: «Отлежись! В кои-то веки, хоть раз вызови врача». Но утром он встал как обычно, подобрал у крыльца палку и неверным слабым шагом побрел за калитку, к асфальтовой дорожке. Ступил на нее, почувствовал, что палка не нужна, отбросил палку и твердо зашагал к электричке. Ангелина Петровна стояла у окна и, не осмелев вернуть его, только удивлялась: откуда берутся силы!..

Ему было некогда собой заниматься. Вчера мне, как зеленый глазок светофора, мигнула метафора, в которую он, может быть, вписывается: поезд. Экспресс. Летит на большой скорости. А в душе — стабильность, покой.

* * *

То мглою, то стеною леса
зажат. То – распахнулась бездна
расхристанностью степной –
полубезумною страной,
в которой ангела от беса
не отличить...
Он был стрелой
летающею...
Стрела экспресса
на линии сверхскоростной.
Где сплывались одновременно
и свет и тьма, и путь и дом.
Стремительность! Но – сокровенно
спокойствие при всем при том.
Отпущенное время кратко.
Войдя извне, из мутной мглы,
вы сразу ощутить могли
ритм внутреннего порядка.
Ничто не закрывало фона,
мелькающего в окне.
Но в углубленной тишине
жизнь радостна была – вполне
устойчива, даже – комфортна.
Тьма внешняя, грызня, разруха
не сокрушают сферу духа
открытую – куда войти
возможно, с совестью не ссорясь,
любому,
набирая скорость
на том же, на прямом пути.

Газета, которая собирается печатать его проповеди на «Символ веры», предполагает распределить их на несколько номеров.

– Они могут печататься по частям, – говорю я, – по одной проповеди на каждый... – я не нахожу слова, как назвать параграфы Символа: пункт, номер, символ – Символа веры?

– Есть название, – отвечает отец Александр, сверкая глазами, – но оно не подходит для печати, нет-нет, никак не подходит.

– Какое же?

– Член.

Этот несколько грубоватый юмор был уместен, ибо попал в тон только что упомянутого пункта антиспидовской памятки. Но вообще-то мне стало стыдно, что я забыл обиходное для верующего человека выражение — член Символа веры. Что отец А. обо мне, о бедняге, мог подумать?.. Но в его глазах не было укоризны. Он ее вытеснил юмором.

В тот вечер, в пятницу, мы говорили также о предстоящем собрании общества «Культурное возрождение».

— Да, а какова программа, — спросил он, — как вы думаете? Впрочем, вам, наверное, это не нужно.

Я опешил.

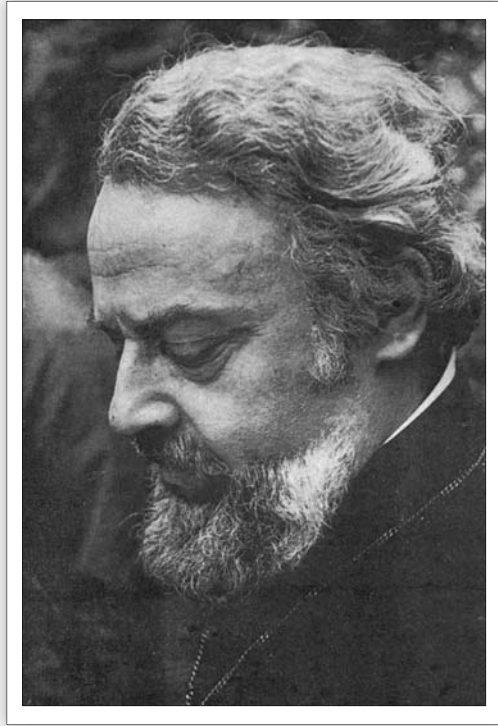
— Как не нужно? Когда я вхожу в совет. Один из главных пунктов — избрание нового председателя общества.

— Да, — пошутил он, — который тут временный, слазь...

— Но я совершенно не представляю, как это организовать, — сказал я. — Формально председателем у нас числится Вячеслав Всеволодович Иванов.

— Это организовать невозможно, — ответил батюшка, — само как-нибудь организуется.

«Культурному возрождению» не помешала бы громкая акция, которая привлекла бы внимание общественности. Акция культурная... На Тверском бульваре, во дворике библиотеки им. Гоголя, запрятан памятник Николаю Васильевичу, замечательная работа скульптора Андреева. Сидит он там, бедный, скучает с давних времен, в отличие от своего двойника, стоящего во весь рост неподалеку, — торжественного и

о. Александр Мень. Лето 1988 г.

холодного. У отца был план, видимо, обговоренный с городскими властями: перенести андреевского Гоголя на бульвар, поближе к народу — отец ценил этот памятник, достойный большего внимания. «Надо поменять их местами, — озорно посверкивая взглядом, говорил батюшка, — технику мне обещали, в один день можно управиться».

Сумка моя оставалась у него в кабинете. Я простился с женщинами, и он готов был благословить меня, как бы отрубая малейшее промедление. Но я пошел в кабинет за сумкой, пошел и он, на ходу что-то договаривая, идя к столу, уже включаясь в новое мелкое дело, которое можно совместить с беседой.

— Договариваться ли мне о воскресной школе в Москве? Сколько мы можем платить за помещение? Кто будет вести предметы, и какие предметы? — Все это я выпалил, уже стоя на пороге, уже прощаясь...

— Разумеется, платить будем, — ответил он. — Школа платная. С ученика 10 рублей в месяц. Пока будем дублировать программу новодеревенской школы...

Я прошу его не провожать меня до калитки: «Сам закрою, собаки меня знают». Вышла проститься Наталья Федоровна. Он обнял ее нежно, сказал что-то ласковое. Так нежно, что я отвел глаза. И кажется, охотно не идет меня провожать.

А передачи все не было и не было. Телевизор вещал, слышен голос, но не батюшкин. Он немного раздосадован, думая, что интервью с ним в эфир не прошло.

— Больше я с ними связываться не буду. Потратил много времени, а мог бы чем-нибудь другим заняться.

Мешковато сидит на нем пиджак. Лицо усталое.

Ездил в Москву, потратил 6 (!) часов свободного дня. Вызвали покрестить младенца...

— Крестины крестинами, но в этот дом должен был приехать один человек, да опоздал. В итоге я не попал на восьмичасовую электричку. И вам пришлось меня так долго ждать, — оправдывается батюшка.

А я целый час благодумствовал в теплой кухне, поддерживая разговор с его домашними, и мне в голову не приходило пойти ему навстречу. Ведь в эту пору вряд ли кто возвращается с поезда. Наверняка шел один... В темноте... Фонари разбиты. Когда я возвращался на велосипеде, подумал, помнится, как жутковато ему было идти...

А фонари разбили они. Готовились к убийству тщательно.

В тот вечер по телевизору все же прошла его передача. Но в самом конце программы, он ее не дождался. На следующий день я спросил свою соседку по даче, неприветливую, всегда угрюмую женщину:

– Вчера по телевизору должна была быть передача с отцом Александром. Не заметили, была ли?

– Да, что-то мелькало, – припомнила женщина.

* * *

Ваш будничный пиджак
торжественной фелони
не затенит. Он знак
на будущей иконе.
Рубашка ли апаш,
болонья или ряса
в деталях образ Ваш
запечатлят прекрасно.
И все же предпочту
из фотографий – кстати
или некстати – ту,
где Вы в цивильном платье.
Мир пляшет на огне
мерцающей снежинкой.
Я вижу Вас в окне
за пишущей машинкой,
И бастионы книг...
И во главе агапы...
И рассеченный нимб
широкополой шляпы.
Да, надо бы сейчас
смириться, не отчаясь...
Но, форме подчинясь,
Вы в ней не помешались.
С сияющим лицом,
не смешивая стили,
для нас Вы и отцом
и батюшкой были.

10 сентября 1990 года

Вчера, 9 сентября, в 6 часов 30 минут был зарублен топором ба-тюшка — отец Александр. (Годы спустя выяснится, что зарублен был не топором, а саперной лопаткой.) Это случилось на дороге между домом и станцией. На асфальтовой дорожке, где я так часто видел его — с сумками, с портфелем, всегда торопящегося... И при всей грузности его комплекции — легкого в походке. Запросто мог сигануть через канаву...

Удар был нанесен в затылок. Отец А., наверное, упал, хотя неизвестно. После удара он прошел довольно далеко, чуть ли не до спуска на платформу, затем повернул, теряя силы или поняв, что потерял портфель. Он стал искать его, ступив на обочину, блуждая вокруг, а может, это следы возни, когда убийцы (убийца) пытались прикончить его наверняка.

Залитого кровью, с рассеченной головой, его встретили две женщины. Одна спросила: «Не надо ли помочь?» (Вариант: «Отец Александр, кто это Вас?»)

— Нет, — ответил он, — я сам.

Каковы же люди, чтобы, увидев такое, усомниться в необходимости помочь! Рванись они к дому, к телефону за «скорой помощью», может быть, может быть, может быть, удалось бы его спасти.

Он подошел к калитке и упал, цепляясь за доски, сляясь поднаться, и застонал. Наверное, громко, потому что стон, возможно, и не первый, услышала Наталья Федоровна — у нее было открыто окно. Она спала еще в это время. Только-только начало развидняться. Втроем они — Ангелина Петровна, ее сын Александр Федорович и Наталья Федоровна — подошли к воротам и не узнали человека, лежащего снаружи. Оттуда уже натекла лужа крови. Серый костюм казался черным — от крови и прилипшей грязи. Наталья Федоровна первая сообразила, что от них требуется, и бросилась звонить в «скорую». Нормальная человеческая реакция — вызвать «скорую» и сообщить в милицию. Убийства и другие страшные преступления в их поселке не редкость. Однажды лежал на этом же месте человек, и тоже окровавленный. Первое, что сделали, — вызвали «скорую». Наталья Федоровна поняла, что предстоит объяснения, и задержалась в доме — переодеться, выскочила-то в одном халате.

И «скорая», и милиция приехали довольно быстро. Минут через 10. Лежал человек — маленький, грязный, залитый кровью,

худое лицо. Милиционеры принесли шляпу с дороги. Разрубленную. И стало ясно, кто лежит перед ними. Правда, за минуту перед этим Наталья Федоровна, уже чуя недоброе, спросила: «А муж мой доехал до церкви?..»

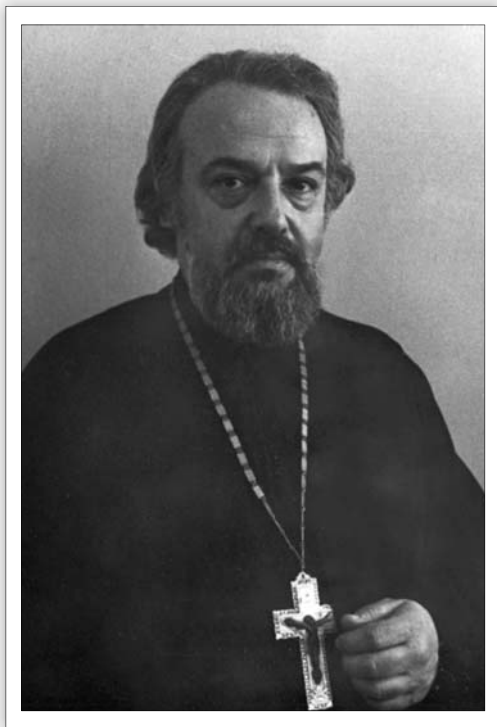
Кому-то отец А. говорил, что хотел бы умереть в одиночестве. Так и умер. Пытаясь встать и цепляясь за доски ворот, ничком упал — лицом в асфальт.

Говорят, что эта рана не причиняет боли. Смерть наступает от потери крови. Знал ли батюшка, что уходит от нас?.. Знал, конечно. И последним стоном — хрипом, может быть, послал знак об этом. И этот знак был услышан его женой.

Советская власть уже не страшна. Но она вырастила породу людей, готовых на самые страшные злодеяния, с которыми будет иметь дело все человечество. Будет пытаться справиться с ними...

Вчера, 9 сентября, были у меня гости — приехали помочь на участке: работы всегда невпроворот. Мои давние друзья — Слава и Лена. И поэтому, несмотря на воскресенье, в храм я не поехал, полагая к тому же, что через три дня — 12 сентября — буду в храме на батюшкиных именинах. День выдался солнечный — редкость в это дождливое лето. И мы, не теряя времени, с раннего утра взялись за дело.

Слава попросил меня включить проигрыватель, поставить пластинку с каким-нибудь романсом, чтобы облагородить физическую работу или, как он выразился, чтобы не было скучно возить тачку. Я перебирал пластинки, искал романс, но попался под руку «Реквием» Моцарта. И я решил поставить «Реквием».

о.Александр Мень. 1990 г.

Прослушали три части, и Слава пошел за транзистором, приспособил его рядом с кучей кирпичей, которую разбирал, и поймал последние известия. А я, посетовав на него в душе, остановил пластинку и затворил окно, откуда лилась на нас эта прощальная музыка. Позже я узнал, что моцартовский «Реквием» — одна из любимых вещей отца Александра.

К вечеру уехали мои гости. Пришла соседка, пожилая женщина. Как-то тихо вошла в калитку, странно. Я даже чуть-чуть испугался. Спросила: «Вы ночуете?» «Да», — ответил я. «Мне будет спокойнее, — сказала. — А то, знаете, как-то жутковато одной».

Вдруг подлетает машина — я узнал ее сразу. «Что-то случилось», — говорю я себе. Из машины выскочили, в буквальном смысле, Аля и Володя, ее отец, — оба бледные. «Что-то случилось, — говорю я себе, — но не у меня дома... Впрочем, может быть, и у меня...»

— Что такое?!

— Убили отца Александра.

— Какие у тебя планы? — задает Володя идиотский вопрос, впрочем, машинально, не вникая в то, что говорит.

В машине, на заднем сиденье, Наталья Федоровна. Черное платье, черный платок. Спокойное тихое лицо. Едем в морг, где может лежать тело. Выясняется, что морг, принимающий убитых, находится при больнице на Кировской улице, то есть у меня под боком. Целый день тело отца Александра лежало рядом. И душа его, ввиду близкого расстояния, прилетала ко мне сегодня, и я, наверное, почувствовал это, выбрав «Реквием».

Я говорю «наверное», потому что в действительности я ничего не чувствовал. В действительности я — обыкновенное, бесчувственное существо, неспособное в такие минуты распознать потусторонние сигналы. А может быть, они были еще посюсторонние.

ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ

Бежать от них, бежать,
чья правота свирепа.
Кому вольно стяжать
мертвящий дух совдепа.

От их подручных средств
прочь — прописей уставных.
Бубнит брадатый жрец
о догмах православных.

От сладостных вериг,
от вечных третьих римов,
услужливых владык —
шустрящих шестеримов!

Доносы на него
которые клепали...
Зане — читать его
книг не благословляли.

Но, мраком искони
и завистью влекомы,
уж было так — они
благословят погромы.

Что им Антоний Блюм,
все зрящий издалека!
На полземли самум
ползет опять с Востока.

Но разве Церковь — ад?!
У Церкви нет изнанки!
Они себя съедят,
которые сидят
и копошатся в банке.

Бежать от них, раскол
лелеющих... Не пленник
ничей!.. Один престол.
Один Первосвященник.

Морг, конечно, закрыт.

Тут же играют детишки, снуют возле темных, наполовину закрашенных окон. У дома батюшки, в Семхозе, милиции — как солдат на передовой. Как будто ждут повторного нападения. У калитки — песок, влажный, ржавый... Мы собрали этот песок, пропитанный кровью, в большой целлофановый мешок и на следующий день высыпали в могилу. Кое-кто из прихожан не одобрил наш поступок. Но так подсказало мне сердце — по простому рассуждению: Бог есть Дух. Все, что осталось от батюшки, является духовной сущностью, а не телесной. Если мы — верные его ученики, то должны хранить его дух, который

нельзя потрогать руками и смешать с песком. Разве от Христа осталась какая-нибудь вещь? Кровь – особая часть тела. Она – физический носитель души, как считали древние народы. Якуты и по сей день уверены: там, где пролита кровь, обитает душа. Но ведь мы не язычники; злодеяние совершилось не только на лесной тропинке, но и в наших сердцах, тоже, впрочем, довольно дремучих. Так что душа его осталась в нашем сердце, и где она окажется, если мы горсть этого песка потеряем, как потеряли сейчас его земную жизнь? Где? Вне нашего сердца... И мы – без нее – пребудем пусты и немощны. Нет, так не должно быть...

Вот почему, минуя эти рассуждения, сердце подсказало предать кровь земле.

Отец Александр лежал около своего дома более получаса. Лежал, не признанный родными. И когда они стояли по ту сторону ворот, он, может быть, был еще в сознании, может быть, слышал и чувствовал их, но уже ничего не мог сказать.

«Восточная традиция» воздвигла между священником и его паствой те же ворота, которые называются царскими. И часто родные (и мы в том числе) не знали, не узнавали его. Он и умер один – наедине с Богом.

* * *

И умер он под забором...
Будто бродяга какой...
Уголовным законом
уравнены – вор и святой.
Подвижничество подцензурно.
И подозрительно оттого,
что святость – безумна,
опаснее, чем воровство.

Христос и разбойник рядом.
Чему правосудье учить?..
Но их посторонним взглядом
не различить.

Надвигалась первая ночь – без него...

Мы зашли в дом. Наталья Федоровна открыла кабинет. Неубранная постель... Видимо, торопился на электричку. Пись-

менный стол, гора книг, рукописи, бутылка с минеральной водой, стеклянное блюдо. Я решил помыть его. Когда же вошел в кабинет, чтобы поставить на место, вдруг увидел на полу капли крови — свежие, только что упавшие. Кровь сочилась из моего пальца — порезался в ванной. Капли крови, яркие на светлом линолеуме, просигналили еще раз, что сегодня произошло.

ЦАРЬ-КОЛОКОЛ

Был склеен и поднят уже
на колокольню законно
Царь-колокол из картона —
из палехского папье-маше.

И был у него язык
всамделишный, многопудный.
Прислушивался мужик.
Присматривался город людный.

Надраивал прохаря...
Дивяся, от водки пухнул...
Ишь, вспомнили про царя!..
Всамделишный-то зазря...
Покудова сентября
в девятый день он не рухнул.
Расписанную обнажив
пасть. Полость. Еще один миф
болтается безъязыко.
Дробится небесный зов
на тысячу голосов
от рыка до скорбного мыка.

Картонному исполать!
Теперь он выше Царь-пушки.
Будет ветер его раздувать,
как наволочку от подушки.

Милиция сразу же взяла ложный след. Скорее всего, по указке сверху. Несколько часов, а потом и дней допрашивали брата Натальи Федоровны, приехавшего из Уфы как раз накануне. Изъяли из дома, из кухни Ангелины Петровны, «вещдоки» — топор и тесак. «Но они же мне нужны каждый день, не зря же они

под рукой», — возмушалась хозяйка. «Вернем вам их и даже приложим новых пару», — весело балагурили следователи.

Утро. У морга много машин, людей, большинство — прихожане. Судебный эксперт, патологоанатом, готовился к вскрытию тела, а его помощник, санитар, заверил нас, что все будет закончено к 12.30. Далее мы поехали в прокуратуру, затем — в похоронное бюро, где заказали гроб; ленту (рюш) на гроб искали по всему городу... Настояли, чтобы гроб обивали белой тканью, которой тоже вроде бы нет, а есть голубая или розовая. «Нет, — объясняли мы, — этому человеку соответствует только белый, незапятнанный цвет».

Тело священника, по существующей традиции, должны облачать и класть во гроб только священники. На лицо покойного накладывается покров (воздух). Но в морге, когда он уже был положен во гроб, лицо было еще открыто. И все, кто находился там, простились с ним — приложились к его большому белому лбу. Когда я подошел, то лицо его — умирать буду, вспомню — улыбалось. Улыбкой были чуть тронуты губы. Выражение лица ясное, такое знакомое и мудрое в улыбке. Я сказал кому-то рядом стоящему: «Мне кажется, он улыбается...» Нет, у соседа впечатление другое... Но мне он улыбался, я не мог ошибиться...

* * *

Пригрезилось, что ли? Когда
Я лба воскового коснулся,
он мне улыбнулся... Да, да,
я видел, он мне улыбнулся.

Как будто обрушенный мрак
Он с прежнею мудростью встретил.
И подал условленный знак,
который никто не заметил.
Видать, уже там, на краю,
где наши придвинулись лица,
он вспомнил угрюмость мою,
он знал, как со мною проститься.

Вместо катафалка — они в Загорске редкость — милиция предоставила нам военную бронированную машину. Сподобился батюшка после смерти пуленепробиваемой защиты... При жиз-

ни бы такую — от дома до храма... Ах, глупые мысли! Была у него защита, была, и надежнее БТРа. В самые опасные годы он говорил: «Если Богу угодно, он удержит нас на ниточке». А теперь та опасность позади. И Бог призвал его, видя, может быть, нашу готовность к иным испытаниям. Может быть, мы уже выросли, сколько же ему возиться с нами? Не настало ли время, когда младенцам пора давать грубую пищу?..

А может быть, он взят от нас из-за нашего недостойнства?.. Потеряла же Россия тысячи храмов из-за того, что не молилась в них, а отстаивала службу ногами.

Мы с Володей заехали в прокуратуру за ключами, которые были изъяты из кармана пиджака убитого. Возвращая под расписку ключи, прокурор, ласково глядя мне в глаза, спросил: «А как у него было в семье? Со стороны родственников никто не угрожал?..» «Нет, — ответил я, ошарашенный вопросом, — такого быть не могло...»

Как же резко они пошли в направлении этой версии! Странная последовательность и поспешность... А между тем скосили траву и уж потом привезли собаку на место преступления. И первую, и вторую ночь ходили толпами вокруг дома и по округе, в первый же день вытоптали все кусты и кочки.

* * *

Мечена жижа дорожная палым огнем.
Грязь светозарна.
Чавкает, хлюпает, всхлипывает под сапогом
кровь Александра.

Эка — багряных и черных натолкано в след
траурных кружев.
Это она под ногами у нас вопиет,
плавится в лужах.

По колее безнадежной сольется с зарей
утренней завтра.
Не затоптали, а просто смешили с землей
кровь Александра.

Нам эта жертва досталась опять задарма.
За ним не угнаться.
Мечены наши блуждания, наши дома
кровию агнца.

В эту же ночь на платформе Семхоз нашли убитую девушку. И утром дежурил там отряд милиции. Два или три милиционера... Женщина, встретившая окровавленного батюшку, спешила к поезду и на платформе наткнулась на милиционеров. «Там священника избили, он истекает кровью», — сказала она им. Там — это в двух шагах, подняться по лестнице. А они ей ответили: «Мы здесь по другому делу» — и с места не двинулись. Странна, если не страшна, эта неукоснительная исполнительность в столь ранний час. Ведь поднимись они по зову женщины тотчас же, могли бы и убийцу увидеть, мелькающего в кустах, но «другое дело» развернуло их в другом направлении — прямо противоположном.

Пришли сведения от ясновидцев, от экстрасенсов, как их сейчас называют. Помощь экстрасенсов в криминалистике широко используется на Западе. Они помогли раскрыть немалое количество дел. Они «видят» внешность преступника, обстоятельства убийства и другие подробности. В Германии недавно проходил съезд таких специалистов.

От экстрасенсов поступило следующее: убийц двое. Один вдохновитель, другой исполнитель. Исполнитель психически нездоров. Они различаются внешне, напоминая пару Дон Кихот — Санчо Панса. Какие-то люди передали им после совершенного злодеяния толстую пачку купюр. Толщина пачки — 5 или 6 см. Сколько это тысяч? Не менее 20. Жизнь отца Александра — жизнь святого — по расчету тех, кто расплачивался, стоила не менее 20 тысяч наших деревянных рублей. Если, конечно, верить экстрасенсам.

В тот день, 9 сентября, отец Александр предполагал обсудить со светскими властями ряд церковных проблем и встретиться — кто-то утверждал — с представителями катакомбной церкви. КЦ оспаривает у советской власти ныне действующие храмы, считая, что они принадлежат ей. В какой роли был приглашен на встречу батюшка — непонятно, но его позиция всегда — миротворческая.

Многие считают, что телевидение ускорило трагический конец отца Александра. Ведь телевидение — это власть, возможность управлять людьми, влиять на их мировоззрение, формировать общественную жизнь. Не зря в Вильнюсе в январе 1991-го вспыхнули бои вокруг телебашни. ОМОН орудовал там, как отряды большевиков, занимавшие почту и телеграф по приказу Ленина.

Отцу Александру телевидение предлагало еженедельный эфир. Его проповеди, записанные на видеопленку, произвели бы переворот — хочется думать! — в общественном сознании. Святой Дух, благоволивший ему, проявлялся особенно в живом слове, в выразительном лице.

Первую беседу мы с ним «ловили» у него дома в пятницу, 31 августа. Я ушел в 11 часов вечера, ее еще не было. И он ее не дождался, лег спать: завтра служба. Вроде бы интереса к ней особенного не проявлял, кивнул на женщин — «пусть они смотрят». Но в разговоре со мной, за чаем, из кухни, нет-нет да прислушется к ящику: что там, чей голос?

А вскоре из телестудии пропали записи бесед с отцом Александром. Он знал об этом. На кого подумал? На жуликов, решивших заработать на его имени? Вряд ли...

Кому он более всего теперь мешал?! Не политикам, не националистам, а изуверам, влияние которых может быть распространено и на тех, и на других. На исполнение такого злодейства убийца получает самые высокие санкции.

Чтобы ответить на вопрос: «Кто убил?» — надо понимать, кого убили.

Наталья Федоровна говорит, что в последнее время отец Александр проявлял признаки беспокойства. Настаивал, чтобы она заказала решетки на окна первого этажа. А совсем недавно, возвратясь вечером домой и даже не поздоровавшись — такого никогда не было, — прошел к себе в кабинет, зажег все лампы, настольные и верхний свет, а также лампочку на крыльце, при этом рассерженно ворчал: «Вечно вы сидите без света, весь дом в темноте...»

Неделю назад, в пятницу, когда я ждал его в теплой кухне, благодушно беседуя с женщинами, он, стоя за калиткой, конечно же, проверял собак... Видно, убийцы как-то себя выдали, что вызвало в батюшке настороженность.

Советская власть, выкорчевывая Церковь, поработала на этом поприще основательнее, чем на каком-нибудь другом. Вспомнить хотя бы секретное письмо Ленина Молотову в связи с изъятием церковных ценностей. Команда подавалась надолго. Вождь революции инструктировал: «...провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаться перед подавлением какого угодно сопротивления» («Известия ЦК КПСС», № 4, 1990 г.).

Было не только физически уничтожено лучшее священство, но и поставлены мощные фильтры где только возможно, дабы

культура не соприкасалась с духовностью. За этим осуществленным и всепроникающим действием узнается замысел князя мира сего: «Разделяй и властвуй». «Россия крещена, но не просвещена», — говорила Анна Ахматова, наверняка зная, что по этому поводу писал Лесков... А он писал, что в России Евангелие еще не проповедано. Это в прошлом-то веке... Куда до него нашему, каннибальскому, усвоившему четвероевангелие Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина! Языческим православием называл веру на Руси религиозный философ Евгений Трубецкой. 17-й год и все, что посыпалось за ним, есть следствие извращенной веры. Ведь убивали священников те, кто в детстве был крещен, у кого в графе «вероисповедание» стояло — православный. Они могли быть обмануты, втянуты в революционный вихрь, но предпосылки в них заронила извращенная вера. Христианство, отсеченное от культуры, от религиозного просвещения, чревато вырождением и обособленностью и похоже на замкнутый сосуд Пандоры, в котором зреют социальные катаклизмы.

Фанатики, называющие себя борцами за чистоту православия, обретают легионы неопитов, невежественных и самоуверенных, и вместе с крещением получают как бы моральные права от высшей инстанции. И тогда беззаконию их нет предела.

* * *

Не вышло фельетонами —
оглоблями огульными.
Допросами,
угрозами,
уловками акульими.
Не вышло — закидонами
паскудными, посконными.

Мозгами малохольными,
статьями — как ни гавкали...
Намеками окольными,
державными удавками.

Уж как его не дрючили,
уж как не колошматили

вроде свои же — лучшие,
из посвященной братии.

Не одолели искуса
мужи иосифлянские:
ученый жид протиснулся,
пролез в ряды христьянские!

Не вышло! Зависть блазнится
поныне, зубом клацая, —
одна и та ж, без разницы,
чужая или братская.

В тень отступил, стал добреньким
партийный дуrolом.
Не шельмовством, не окриком,
а вышло — топором.

Топорная, ребятушки,
работа вам с руки...
Кто вы, зассанной матушки
сынки иль пасынки?..

Но поздно, поздно, поздно...
Что знал, уже поведал он
о главном, заповеданном...
Старуха-смерть склерозна,

топор ей память стесывал
недаром. Мечь бессильна.
О Господе он все сказал,
что знал. Учись, Россия.

И, может быть, успеют здесь,
научатся счастливыцы.
И, может быть, сподобитесь
того ж и вы, убивцы.

Стоит ли сегодня удивляться, что некоторые архиереи обвиняют Папу Иоанна Павла II в организации католической экспансии на Восток. Что священник, приглашенный преподавать азы религиозной грамоты в Московский универ-

ситет, доказывает доверчивым студентам, что Франциск Ассизский¹ не имел благодати и никакой не святой. Стоит ли удивляться тому, что диакон N-ского храма в г. Коломне, узнав о гибели Александра Меня, сказал: «Одним жиденком меньше стало».

В течение многих лет коммунисты зорко следили за контингентом учащихся в духовной семинарии. Молодые люди из больших городов туда не принимались. В больших городах народ и посмелее, и покультурней, точнее, поначитанней. С такими справляться хлопотно. Обещал же Ленин научить грамоте русский народ только для того, чтобы умел разбирать декреты и указы властей предрежущих. А сверх того читать не положено. И если в досье абитуриента, собранном Госбезопасностью, значилось, что он из неблагонадежного прихода или как-то связан с крамольным батюшкой, считай — путь ему к священству заказан. Так, несколько человек из нашего прихода тщетно в течение многих лет подавали документы в духовную семинарию. Путем такого жесткого отбора удалось вывести целую генерацию служителей культа, при помощи которых Церковь сливается с государством, въезжает в него, как легковая машина в гараж.

Ночь на 11 сентября — Усекновение главы Иоанна Предтечи — мы провели в Пушкино. Не спали, конечно. В 6 часов я вышел из дома. Пасмурное, серое советское утро. На дороге автобус — ждет рабочих. Подбросили меня до перекрестка. Сонные серые лица. Водитель только что проснулся, помочился у заднего колеса, подтянул штаны, влез в кабину, врубил рок на всю мощь и — поехали... Автобус с музыкой... Угрюмый, тяжелейший рок.

А накануне вечером была панихида. Незнакомый диакон — с жутким, душу раздирающим голосом.

ЛИТИЯ ЗЕМЛИ

Сначала нас всех напугал
откуда-то присланный дьякон,
который не пел, а орал,
как будто посаженный на кол.
(Прости меня, Господи, мягче
сравнения не подобрал.)

¹ Франциск Ассизский — святой (1182–1226), учредитель названного его именем нищенствующего ордена. — Большая российская энциклопедия. М., 1995.

Видать по всему, паралич
след на бедолаге оставил.
Гортанный молитвенный клич
мне трезвости только прибавил.

Ну что ж — такова лития
по праведнику... Завыла
земля скособоченная —
обугленная Сивилла.

Заклепанный вопль ектеньи
из недр вырывался, из ребер.
Убийственно подлинен и
болотному мраку подобен.

О Русь, горький плод естества!
И кто тебя только не лапал...
Искавшие святость слова
валились и вкось, и обапал.

Ничем не исчислить потерь
в старушечьем всхлипе и стоне.
Куда ж без тебя нам теперь!
Куда ж мне, бескрылой вороне!

Клейменная мукой земля
покорно аукнулась в дыяке.
И свечи трещали во мраке,
надгробную благодать лия.
Безмерная рана сия
залижется, как на собаке.

И вот утро похорон. У гроба — еще не было семи часов — знакомый священник. Он долго молился, потом снял покров с лица батюшки (священникам дозволено), поцеловал его лоб и руку и пошел к выходу. Его ждало такси, он служил в этот день в своем храме. Я подошел к нему. «Ты же знаешь наших владык, — сказал он, — сделают все, чтобы развеять приход».

Ждали владыку. Как всегда, суета. Староста маячит с хлебом-солью (знак почтения и в такой момент), с венком когорта «афганцев», которых батюшка крестил нынешней Пасхой, — все в военной форме, много милиции. Наконец кортеж

прибыл. Давка, цепь сдерживающих рук... Я стоял у дверей паперти, которые мы решили прикрыть — они решетчатые, через них все видно — на случай внезапного напора толпы. Я стоял первый у этих дверей, и через меня шел поток денег на свечи и на храм. Подавали свернутыми пачками, комками, отдельными бумажками, а также плотно набитыми целлофановыми пакетами. По тому количеству свечей, которые через меня же отправлялись назад, я догадывался о количестве людей на улице. Народу действительно было — море. Заполнено все пространство за оградой, вплоть до шоссе. Деревья, заборы, крыши сараев облеплены людьми. Корреспонденты (и как стало известно потом, оперативники) с кино- и фотоаппаратурой взгромоздились на железную крышу храма, и она погромохивала под их ногами, заглушая печальный и одинокий заупокойный благовест.

ВЗГЛЯД

Портрет, точнейший, — траурная рама —
приподнят над крыльцом,
напротив храма.

Ему оттуда видно всех и вся...
Любимые заплаканные лица...
Пришла интеллигенция проститься
с учителем — прощения прося...
Священников золотая колесница...
Их облачение слепит глаза.

Полно милиции, и журналисты
описывают, что описать нельзя...
Киношники, гэбэшники, нацисты —
демонстративно семечки грызя...
Неомраченный наклонивши лоб,
оттуда он спокойно смотрит в гроб,
в лицо, сокрытое под белым платом.
И кажется мне благовест
НАБАТОМ.

Митрополит Ювеналий сказал речь, зачитал послание Патриарха, в котором тот нашел уместным отметить: «Не все его суждения полностью разделялись православными богословами, но ни одно из них не противоречило сути Священного Писания».

ПЛАЧ В ОТДАЛЕНИИ

Вышел, сверкая трубою, Олег за ворота.
Встал поодаль от храма.
Кончилась панихида.
И полилась серебряным горлом горькая нота,
взятая у псалмопевца Давида.
Будем же славить достойного голосом трубным.
Будем хвалу ему петь – на псалтири и гусях.
Место найдем за церковной оградой – хоть бубнам!
Даже органам электрофоническим – пусть их!
Пусть продлятся стенания скорбного Иеремии –
нынче убит в доме Господнем пророк и священник.
Чувствую, топчутся здесь и те, что убили.
Знают прекрасно, на них не натравят ищеек.
Но вы промахнулись и нынче, дужие хлопцы!
Духа Святаго
исполнена жизнь
возле погоста.
Если теперь – плачет труба – и рассеются овцы,
то лишь затем, чтобы жить средь волков
мудро и просто.

Смушал резкий и повелительный голос, который командовал в мегафон: «Пойте все! Пойте все!» Тот же голос потребовал от милиционеров снять шапки. Но им неловко было держать шапки в одной руке, и они голоса не послушались. Позже я выяснил, это командовал некий Гермоген, монах, место служения которого никто не знает. Видели его не раз в компании монархистов и «патриотов» – так называют сейчас членов «Памяти». Это повелительное «Пойте все!» не из церковного обихода, и интонация неподходящая. Слышали, как он говорил на стороне, что убили отца Александра сионисты.

Ужасом пахнуло от отца Иоанна Клименко, нашего бывшего настоятеля. Он по-хозяйски двигался в храме, расчищая путь для владыки, который должен был проследовать из алтаря в трапезную – на поминки...

Последние слова батюшки «Я сам» говорят о великой ответственности перед Господом, которую он никогда с себя не снимал. Не совсем, правда, понятно, что – «сам»: справится и дойдет без посторонней помощи до дома или сам навлек на себя удар, сам виноват?..

Его самостоятельность я не раз подмечал в мелочах. Идем по городу, у него страшно болит нога: обострение артрита, чуть даже прихрамывает. Впереди – снежный спуск, скользкий, конечно. Я беру его под руку, он мягко высвобождается и бегом, бегом вниз по склону, балансируя с пухлым портфелем в руках. Портфель, кстати, никогда никому не доверял, как бы ни был тяжел. Портфель в дороге был продолжением его руки. Потерять портфель – то же, что потерять руку. Рукописи, деловые бумаги, письма – все находилось в портфеле, который, кроме того, мог служить столешницей в электричке. Вагон электрички был его рабочим кабинетом. Помню, как мы втиснулись однажды в переполненный тамбур, он умудрился достать из портфеля машинописные листки и буквально на весу стал править текст, передавая мне прочитанное: «Посмотрите тоже, не смутит ли что...» Это была, кажется, статья для «Советской культуры».

В портфеле, и это главное, находились Святые Дары, которые могут понадобиться священнику в любую минуту.

И еще один случай. Год, дай Бог памяти, 1980-й. Мы в сторожке разбираем вдвоем экземпляры ксерокопированного «Магизма». Раскладываем по стопкам, стопок много... Работать приходится полусогнувшись, а то и на коленях.

Затекает спина, а ему, при осязательной грузности, и совсем неудобно. Поэтому я пытаюсь спровадить его в кабинет, мол, до вечерней службы еще далеко, сам управлюсь: «А у вас дела есть поважней». Но бесполезны мои увещания.

Когда работа была почти закончена, кто-то постучал в дверь, и батюшка вышел из сторожки. Вернулся он минут через сорок, и одновременно с его возвращением с улицы грянуло дружное пионерское: «Спа-си-бо!» Я посмотрел в окошко: от ворот отъезжал автобус с детишками. Как он здесь оказался? Оказывается, они, проезжая в Загорск на экскурсию, увидели красивый храм – его только что отреставрировали к Олимпиаде. Учительница – отважная, видать, женщина – попросила шофера развернуть к памятнику русского зодчества. Разыскала священника, который оказался тоже не робкого десятка: не может ли поводить по храму? Пионерам, дескать, надо знать... русскую историю. 40 минут он их водил от иконы к иконе, и мне было искренне жаль, что я не присутствовал на этом рискованном уроке отечественной истории...

* * *

Не вырваться, которым вляпаться
С рожденья суждено в болото.
Редчайшей фауны плантация
И полигон для полиглота.
Которые продрогли-вымокли,
просушатся на карусели.
Теперь нас, неизвестно, примут ли
Лос-Анджелесы и Марсели...
Прилипчива идея русская...
Недаром ценятся иконы...
Опомнились — страна зулусская
аж выставила кордоны.
Сподобились, казалось, выезда.
Разжались ржавые ворота.
Но вирусоопасность выросла.
Везде цветут свои болота.
Давай назад под печки-лавочки!
Катись назад домой — под кочки!
Туда, где раньше все до лампочки,
теперь все сузилось до точки.
Домой, где ведьмы и кикиморы
вольтотно оседлали Спаса.
Постом скоромное отрунули,
вкушая человечье мясо.
Накормлены тщетою и засухой,
прицеливаемся далече
постигнуть: у Христа за пазухой
живущему — нигде не легче.

«Но ведь я не поэт», — уточнял он, когда приходилось высказывать мнение о стихах очередного стихотворца, доверившего ему свое творчество. Штабеля папок: и стихов, и прозы, — ждали своей очереди у него в кабинете. Он все прочитывал и для каждого автора находил главные слова.

Был ли он поэтом? Был, конечно, и даже умел писать стихи, но таковым себя не считал. Он был совершенным инструментом, полнозвучным органом, через который гармония являет себя миру. Ведь поэт, по выражению Блока, — это сын гармонии. В семье Черняков, духовных чад отца Александра, хранится его поэтический экспромт, которому, на мой взгляд, позавидовал бы и профессиональный поэт.

Он называл свои книги из цикла «В поисках Пути, Истины и Жизни» повестями и даже поэмами. Поэмами, потому что в них помимо познавательной ценности запечатлен восторг перед открывающимся миром древних цивилизаций, через которые Бог прокладывает путь Христу. Восторг первооткрывателя и очарованного художника.

Поэзия — экономное искусство: в малом объеме вмещает безмерное. В пределах строфы — космос мыслей и ассоциаций, которые могут взаимодействовать, минуя логические связи. А строфы — как плоды на ветках, соединенные не видимой последовательностью, а общностью кроны, опорой ствола. Таково расположение частей — больших и малых — в поэтическом пространстве.

Откроем вторую книгу цикла «Магизм и Единобожие». Она состоит из четырех частей, в каждой по несколько глав, но и главы дробятся как бы строфами — в одну-две страницы. Они задают естественный ритм повествованию. А зерна соединяющего смысла в них хочется сравнить с семечками в спелых плодах.

И конечно, дарование поэта помогло отцу Александру перевести библейских пророков для «Вестников Царства Божия».

Перевод Библии, который мы читаем, осуществлен более ста лет назад. И нуждается в адаптации к современному уровню языка и культуры. Лучше, чем кто-нибудь другой, понимал это отец Александр. Под его присмотром работали несколько переводчиков. Но и у самого, как говорится, руки чесались. Очень давно в разговоре с ним я восхитился переводом Псалтири. «Да, да, — поддержал он, — но по-славянски многое звучит красочнее и точнее. Стучится, давно стучится новый перевод псалмов!..» Он сказал об этом так решительно, что представилось: вот-вот засучит рукава и сам возьмется за дело. Ведь псалмы — это стихи, и нужно иметь не только знание о подлиннике, но и дерзость поэта, без чего художественный перевод неосуществим. А у батюшки и того и другого — в избытке.

Чуть ли не в юбилейный год тысячелетия Крещения Руси отец Александр взялся за перевод поэмы Григория Богослова «Моя жизнь». Автор посвящает ее единоверцам, пастырям Церкви. Начало поэмы окрашено тоном раскаяния и смирения. Этого тона не было, кстати, в юбилейных речах наших иерархов. А могли бы многое вспомнить — повод подходящий, — хотя бы то, что русская Церковь веками душила свободу слова.

Но переводу поэмы не суждено было осуществиться, и батюшка подарил мне несколько страничек единственного экземпляра. Вот образец этого перевода, машинописный и почти не правленный.

МОЯ ЖИЗНЬ

Мой замысел таков — пересказать в поэме
Свой долгий путь лишений иль удач —
По-разному одно ведь называют люди:
Все дело в том, к чему их склонен дух,
Хотя настрой души — неверное мерило.

Стих развлекает нас и лечит от печали:
Улада для мужей, урок для молодых.
Стих равно нужен всем, он — назиданья мед.

Моя поэма — к вам, кто был со мною рядом,
А стал теперь чужим. Единоверцы — к вам.
И к вам, кто изменил, предавшись ложной вере.
Для вас я как бы мертв, уста свои закрывший;
Того ж, кто замолчал, готовы слушать все.

Вы, славные мужи, империи светила,
Ваш новый мир великолепьем блещет
Земли и вод, Второй являя Рим.

Его соделав, в нем вы новой стали знатью.
Послушайте слова неложнейшего мужа
И многотрудного, прошедшего сквозь бури,
В которых человек находит опыт жизни.

Ветшает в мире все, проходит все с годами,
Прекрасное умчал поток бурлящий лет;
Так ливень проливной, размыв, уносит землю,
Лишь камни мелкие на почве остаются.

Понятно, если б речь вел о толпе я грубой,
Ведь добродетель ей всегда была чужда.
Подобная скоту, толпа не смотрит в небо.
Но не о ней мой плач — я говорю о нас.

Мы сами — тот поток, несущий разрушенье:
Народные вожди, учителя добра;
Мы призваны людей питать духовной пищей,
А сами голодны. Мы призваны лечить,
А сами, словно труп, — источники заразы.

Готовы мы вести тропой, нам не знакомой.
Но лучше для людей за нами не идти.
Стоим пред алтарем. Алтарь – нас обличенье.
Не праведность, но спесь ограда отделяет.

Вот что меня томит и вынуждает к слову,
Хоть лучше промолчать, чем говорить на ветер.
Мой стих дойдет до всех – пусть рано или поздно.
О жизненном пути своем я расскажу.

Пространен будет стих, но в этом долг свой вижу:
Долг – заградить уста клеветущим на нас.
Припомните – лжецы всего сильнее любят
Свалить вину свою на жертву клеветы,
Умножив тем безвинное страданье.
Я замысел открыл, могу начать рассказ свой.

(На этом текст обрывается. Разделение на главы и строфы принадлежит переводчику.)

Некоторые тома шеститомника, вышедшие в Брюсселе, датированы годом издания более ранним, чем они вышли на самом деле. Это была маленькая хитрость издателей. С выходом каждого тома Госбезопасность скрежетала зубами. А измененная дата отодвигала событие, делала его за давностью лет неактуальным. «Гэбуша» проглатывала эту пилюлю вместе с очередным томом, а когда вышел последний, «На пороге Нового Завета», свирепо объявила автору: еще одна книга – и в тюрьму или за штат. Точных слов я не знаю, но смысл предупреждения был таков.

Не работать отец А., естественно, не мог. И тогда он написал учебник в двух томах «Курс по изучению Священного Писания» по договоренности с академией. Учебник загорские мужи не издавали, а только перепечатали в нескольких экземплярах и в таком виде употребляли для внутреннего пользования. Мне рассказывали, что кто-то из предприимчивых «богословов» воспользовался им как материалом для своей диссертации.

Следующей безопасной работой был Словарь. Библиологический многотомный словарь, куда вошли сотни статей, фотографий выдающихся и малоизвестных религиозных деятелей, колоссальная библиография. Этот циклопический труд под силу титанам эпохи Возрождения. Хочется сравнить его по гранди-

озности замысла с Сикстинской капеллой, детищем Микеланджело. Но у того были богатые заказчики. А у этого – никаких. К тому же Словарь – второй многотомный труд, за который батюшка взялся с прежним бесстрашием. Первый – «В поисках Пути, Истины и Жизни» – был завершен и опубликован, благословенный свод религиозной истории, написанный богатым русским языком. Этот замысел вынашивал, так и не осуществив, еще Владимир Соловьёв. Ему и посвятил батюшка свой труд.

Итак, он начал работать над Словарем. Кое-кто из прихожан ему, конечно, помогал. Изготовление фотографий, редакцию отдельных статей он доверял специалистам. Но доверие это было вызвано не столько практической необходимостью, сколько воспитательным приемом: таким образом отец А. подключал способных людей к приходской, к церковной жизни. Все, кто принимал участие в его совершавшихся замыслах, должны думать не о своем вкладе – авторском ли, редакторском, – а о том, что отец А. воспитывал их, обсуждая предметы, для него несомненные.

Служба, требы, почти ежедневные поездки в Москву (тогда еще не было выступлений и лекций), общение индивидуальное и в группах, огромная переписка (случалось, что в день писал до тридцати писем) и – Словарь. Хоть статью в день, хоть страницу, а выступит на машинке.

Глядя на него, думалось не об исключительной одаренности, а о силе благодати, которую Господь посылает человеку по его вере. Он ведь был обыкновенным святым, как назвал его поэт Григорий Зобин.

Но, конечно, минуты у него были на счету, если не секунды... Иногда он мог прервать говорящего на полуслове и проститься: опаздывал на поезд. Зоя Афанасьевна Масленикова вспоминает: со станции Пушкино в сторону Семхоза шли две электрички с разницей в 4 минуты. Первая, александровская, битком набитая, вторая – через 4 минуты, загорская, где можно и сидеть, и дышать спокойно. Он выбирал всегда первую. Зоя Афанасьевна сначала возмущалась – четыре!!! минуты... И тогда он ей объяснил: «За четыре минуты можно прочитать 20 страниц, или написать 1 страницу, или ответить на письмо».

Выходит, что появлением на свет Библиологического словаря в 7 машинописных томах, подобного которому нет в мире, мы «обязаны» Госбезопасности. Это она принудила батюшку, подвигла его и на этот подвиг. Творческий дух и воля к труду способны подчинить себе любые условия. Так, Пушкин не «за-

кис» в южной ссылке или в Михайловском, где мог бы спокойно в окно смотреть и «мух давить». «Нам некогда унывать и предаваться меланхолии, как чеховским героям», – шутил отец А. И правда, депрессия – непозволительная роскошь в наших обстоятельствах.

Однажды я встретил на пути к его дому известного писателя, согбенного под увесистым рюкзаком и с большим чемоданом. Писатель долгое время пребывал в депрессии и откликнулся на предложение отца Александра пожить у него в доме и поработать... Через неделю он уже вовсю трудился, легко шутил и сочинял острые автоэпиграммы. Пример отца А., да еще в такой близости, действовал как ионизатор в спертom воздухе, как распахнутое в грозу окно. Он и меня приглашал: «У вас там на даче шумно, приходите, когда меня нет, творите».

У него был любимый сюжет: Волк и Заяц или Волк, Охотник и Заяц. Второй вариант очень подходил к нашему перестроечному времени. Пока охотники в суматохе гоняются за волком и целятся друг в друга, зайцу можно травку пощипать и даже на солнышке погреться.

* * *

Волк заставляет зайца шевелиться,
чтобы его не слопала лисица.
Когда зимой косому травка снится
и дремлет он, причмокивая вслух,
волк тут как тут..
Но прирожденный нюх
мгновенно силы придает зайчишке,
который утекает во весь дух –
от хищника, подагры и одышки.
Как молния ширяет шаровая,
он меж деревьев кружится, петляя.
Летит – на самолете не догнать,
не то что волку..
Нечего пенять
нам на судьбу и понапрасну злиться.
Волк заставляет зайца шевелиться.

Минувшей зимой он поделился со мной: «Словарь в целом закончен. Написать бы детскую Библию... И тогда – можно уми-

рать». А в мае он получил от московского издательства заказ на переложение Евангелия для детей. И летом написал его, успел закончить... 9 сентября, в день гибели, редактор привезла ему договор на эту книгу...

Что писал он в последние дни, запершись в кабинете? Что-то спешное, возможно, предисловие к книге «Таинство, Слово и Образ» — она вот-вот уходила в набор. Об этом мы уже никогда не узнаем... Он взял рукопись с собой, она была у него в портфеле... Впрочем, может быть, и всплывет когда-нибудь. Всплыли же сейчас дневники Михаила Булгакова, проданные издателю Госбезопасностью — антикварной конторой, в которой наверняка осталось еще немало редких рукописей.

Черновики он не хранил. Уничтожал или отдавал, если кто-нибудь находился рядом. Как-то сказал: «Вчера целый день жег черновики, больше 10 тысяч страниц». Черновики 6-томника, варианты, а может быть, и выпущенные главы. Он ведь сильно сокращал некоторые тома. И, видя мое горькое сожаление, добавил: «Некуда их девать: или я — их, или они — меня».

Наследие его творческое велико: книги, статьи, комментарии к Ветхому и Новому Завету, интервью, диафильмы, проповеди, Словарь, переписка с выдающимися людьми (Кюнгом, Дюфуром, Шаховским, Флуссером, Сергием Желудковым, Марком Поповским) — дай Бог собрать хотя бы ее десятую часть...

Кажется, он сказал все... Это была та полнота самораскрытия личности, о которой Марина Цветаева говорила: «Я свое написала. Могла бы, конечно, еще, но спокойно могу НЕ».

Разумеется, его влекла история Церкви, писал же об этом в юности... Несколько лет назад начал книгу об Апостолах... А русская история, которую знал как сегодняшний день и к которой не смел прикоснуться! Когда-то, очень давно, он дал интервью самиздатовскому журналу, где обмолвился о плачевном состоянии отечественной агиологии, науки о святых. Что тогда поднялось! Патриоты всех мастей с Шафаревичем вкуче углядели здесь оскорбление национальных святынь. Хотя отец А. только напомнил о том, о чем писал в конце прошлого столетия Голубинский, известный историк Русской церкви.

* * *

Зачем Господь призвал внезапно Вас?
Мы, путаясь в догадках, всякий раз
соскальзываем в полынью смятенья.
Не близок ли уже последний час
всеобщего переселенья
туда, где Вы, быть может, на мгновенье
предстали раньше, чтобы встретить нас?

На небесах помощники нужны.
Особенно из тех, кто пас в пустыне —
в помойной яме,
обозримой ныне, —
разграбленной, угробленной страны.

Так неужели Вы ушли нас ждать,
наглядно повторив судьбу Предтечи?..
Чтобы и там нам оказалось легче,
спасительней пред Господом предстать?..

Лето 1977 года

Отец А. обещал провести экскурсию в Троице-Сергиевой лавре. Желающих набралось много — все люди сторонние, не прихожане. Условились, что мы садимся в Москве в первый вагон, а отец А. присоединится к нам в Семхозе.

Рассказ его в основном касался жизни Преподобного — домашней, потом монастырской, а также той мрачной эпохи, на фоне которой Андрей Рублёв, современник Сергия, писал непостижимую Троицу. Когда и кем построены соборы, какие цари и что жертвовали, а какие — отбирали; войны, коронации — словом, всю историю — опустил, как будто ее и не было, а был только один Сергей Радонежский и то грозное время, впрочем, на наше похожее. Рассказывал и о последних знаменитых обитателях Сергиева Посада — П. Флоренском, С. Булгакове, В. Розанове, об истоках русской религиозной философии.

Шел он быстро, рассказывал на ходу, кое-кто еле поспевал за нами. Мы поднимались с горы на гору по кривым деревенским улочкам, что лепятся к Лавре с одной стороны, и наконец пришли к одноэтажному, ничем не примечательному домику, в

котором в 1935 году священник катакомбной церкви отец Серафим Батюков крестил нашего батюшку и его маму Елену Семеновну, крестил в один день. Это и был тот знаменитый домик, тот тайный монастырек, куда к чаше Господней съезжались верующие из безбожной столицы. Где в конце июня 1941 года отец Серафим сказал своей пастве, что победит в наступившей войне Матерь Божия и что все, кто может, пусть перебираются в Сергиев Посад: немец его не возьмет. Семья Меней так и поступила. Они поехали не на Урал, куда был сослан раньше Владимир Григорьевич, глава семьи, и, будучи освобожденным, ждал их со дня на день, а в деревню Глинково, под Загорск. Из этой деревни маленький Алик ходил за хворостом, частенько в ту сторону, именно на то место, где сейчас стоит его дом... Немцы действительно миновали Загорск и окрестности, но однажды в лесу Вера Яковлевна (двоюродная сестра матери) повстречала немецкого солдата-десантника. Тот спросил ее по-немецки, где можно купить яйца... Вера Яковлевна приезжала в деревню из Москвы, привозила кое-какие харчишки — подспорье для двух малышей.

Отец Серафим до самой смерти тайно окормлял многочисленных верующих. Власти пронюхали о катакомбной Церкви, когда его уже похоронили — здесь же, в подполе — по примеру первых христиан, которые прятались в катакомбах Рима.

«Секту» — так называли любую общину верующих — выследили, монашек арестовали, гроб с телом выкопали, чем и завершилась операция доблестных гепэушников...

Батюшка ходил с нами по Загорску часа два, а потом привел в пирожковую и всех угостил кофе с ватрушками. Моя жена протянула ему цветы и большое яблоко. Он пошутил, принимая цветы: «Спасибо, я и так живу в раю. А яблоко отдайте своему Адаму».

Я, признаться, был потрясен его расточительным, на мой тогдашний взгляд, самопожертвованием. Я все ждал, что он попросится с нами и отправится по своим делам, намеченным попутно. Не приехал же он специально ради нас! Нет, никаких дел у него не было в городе, кроме экскурсии.

Почти все, кто слушал его, спустя некоторое время крестились.

С тех пор я не раз проводил экскурсии в Загорск, придерживаясь его схемы, его маршрута. Но одно впечатление добавлял всегда от себя. Наглядевшись на золотые купола с посадских холмов, я вел группу в промышленный район какой-нибудь Скобянки. Мимоходом, ненадолго, только чтобы отшатнуться, чтобы опомниться... Все ведь познается в сравнении.

* * *

В пустынной Скифии, в облупленном Загорске,
гремит оркестр на празднике Труда.
Раскосый лик красуется в киоске.
И пауком на фресковой извеске
приляпана пузатая звезда.

В ворота Лавры, на музей похожей,
течет колонна за колонной. Сквер
пылит, как плац. Поскрипывая кожей,
стоит патруль, лубочно-краснорожий.
И рядом — рыжий милиционер.

На солнышке мужик нетерпеливый
открыто содит из горла кагор.
Былого гула долгие наплывы
уносит в небо Троицкий собор.
Он там струится в святости и силе...
А здесь, к нему отыскивая путь,
советчина, татарщина, Россия
пересеклись острей, чем где-нибудь.

16 августа 1989 года

Солидный московский журнал заказал отцу Александру статью «Образ Христа в зарубежной литературе». Отец А. статью написал. И заведующая отделом пригласила автора в редакцию. Сразу после службы мы с батюшкой поехали в Москву, где на вокзале с машиной ждал нас Ю.Р. Последние два года он возил отца А. почти бесшумно; непонятно, как успевал, будучи начальником крупной лаборатории.

В редакцию отец А. пошел один, а через несколько минут вернулся за нами: «Разговор, кажется, долгий, пойдемте, там есть чай». Редакторша — дама обходительная, улыбчивая, натянуто вежливая. С первых же ее фраз я понял, что статью Меня предложено зарубить.

— А каким Христос был на самом деле? — спрашивает она вызывающе смело и тут же извиняется за свое невежество... По-

добные вопросы — каким, да кем, да откуда родом (говорят, из Индии) был Христос — она, извиняясь «за свое невежество», сыпала безостановочно. И на полях рукописи оставляла густо-густо карандашные пометки.

Статья показалась им сложной. Так и сказала: «Показалась нам».

— Знаете, — выложила она допотопный и все еще бывший на вооружении довод, — читатель нас не поймет.

Мне так хотелось с ней поспорить, защитить несчастного читателя, которого повсеместно оглуляют, и, может быть, незаслуженно. Сколько шедевров у него отобрали, сколько открытий и откровений, пользуясь этим демагогическим доводом!

Поправок было так много и они оказались так существенны, что отец А. очень мягко возразил: «Нет, это новая статья, надо писать новую статью».

Сложной она показалась начальству, статью для порядка отрецензировали и вручили редактору, чтобы та дипломатично отказала автору. Дипломатия ее выглядела неуклюже. Возможно, стеснялась нас, т.е. меня и Ю.Р. Потому что отец А., с его безмерным великодушием, стеснить никого не может. Ее замечания он принял спокойно, а нам объяснил: «Я же не графоман, чтобы обижаться...»

В этот же день предстояла встреча с редакцией другого журнала, где ждали от священника откровенной беседы о молодежи. Но перед этим мы с Ю.Р. условились подвезти отца А. к какой-нибудь харчевне, чтобы он не отпирался, и накормить. Не тут-то было! «Нет! Нет! И нет!» Он отговаривался тем, что перед лекцией никогда не ест. «Сытое брюхо к учению глухо», — завершил он прения по этому вопросу.

Известного проповедника собрались послушать в редакции «Юности» всего несколько человек. Отца А. это не смутило, и он честно и не спеша изложил свою точку зрения на неотступные проблемы, в которых путается молодежь, лишенная веры.

Интересны впечатления, которыми позже поделился со мной один из слушателей. Пришедшие на встречу со священником ожидали богословских размышлений, может быть, даже мистической мудрости, а услышали «гладкую» (их слово) речь светского человека. Разочаровал их батюшка своим ученым интеллектом: уж больно не похож на священнослужителя — было мнение большинства. И это характерный симптом.

Интеллигенция ищет в Церкви защищенную от мира цитадель, «келью под елью», и недовольно воротит нос, когда встре-

чает в ней абсолютную открытость миру. «Все мне позволительно, — говорил апостол Павел, — но не все полезно». Человеку дана свобода выбора при абсолютной дозволенности, а это — самое трудное, это удел зрелого сознания. Привычной сунуть голову под крыло или заслониться ладошкой: «Ку-ку! Меня никто не видит!»

Широта интересов отца Александра смущала многих. Что за священник, который любит смотреть телевизор, читать научную фантастику (которой, кстати сказать, в его библиотеке не меньше, чем книг по искусству)!

Все же редакция журнала попросила отца А. написать статью на тему, которую он изложил. И отец А. статью написал — страниц 30 на машинке. И даже некоторые места дважды по просьбе редакции переделывал. Однако в любом варианте статья не подошла, не потянула на модную, только что введенную рубрику. Зато с какой пронырливой поспешностью, опережая других, редакция тиснула главу из «Сына Человеческого» в последнем номере 90-го года. Убийство священника — сенсация! Хоть что-нибудь, что-нибудь «нейтральное» из его произведений на гребне трагедии, способной вызвать интерес читателя к... журналу.

* * *

Убийство с демагогией в комплоте.
 Мокрушники, кого теперь пришьете?
 На мавзолей взлезая, на амвон,
 не ведая, что сослепу творите,
 иль ведая... В домашний типикон
 заглядывая: так тому и быти!..
 Голодная несчастная страна
 очерилась... еще не крещена
 в действительности...
 Те же чудь и мера,
 от века исповедавшие зверя.

Как обрести терпение!!! Господь,
 Твое же имя и в грязи святится.
 Как с варварством и нищетой смириться!
 И гнев свой справедливый побороть —
 в стенах новозаветной Ниневи, —
 которую Ты терпишь не впервые...

Дорога в Семхозе, на которой был убит о. А.Мень. 1990 г.

Ангелина Петровна рассказывает, что зять ее «был ужасно непрактичный человек. Уезжая в Иркутск учиться, он совсем выписался из Москвы. Глеб Якунин и другие москвичи что-то сделали, их назад прописали, а Алика – нет. И когда он женился, надо было прописываться здесь, а ему – отказ за отказом. “Откуда вы приехали? Из Иркутска? Вот туда и поезжайте, там и женитесь”. Мы собрали документы, послали в Москву, и наконец оттуда пришли бумаги, чтобы поссовет прописал. В тот день, когда бумаги пришли, заявляется к нам участковый, а с ним, кажется, двое милиционеров: “У вас здесь проживает гражданин без прописки”. А я им бумаги из Москвы: “Вот, пожалуйста, прописка разрешена”. Они и умылись».

Хотя батюшка обмолвился однажды, что живет в раю – и действительно, цветов на участке стараниями Ангелины Петровны росло великое множество, – от райской идиллии жизнь его была далека. Их местность считалась буферной перед 101-м километром, куда выселяли уголовников. Но уже и к ним, в Семхоз, принимали на работу всякий сброд. Пьяницы и рецидивисты населяли соседние дома.

Раньше дорожка на станцию была еще теснее окружена кустами и деревьями. И только лет 10 назад, когда произошло на ней первое убийство, а потом изнасилование, решили кустарник вырубить...

Земля заболоченная, это и сейчас заметно, если ступить с дорожки в лес. А раньше еле пробирались, в сапогах да в ботах ноги

не вытянешь от снега до снега. Тесть отца Александра, Федор Викторович, насадил по забору тополей и берез. Деревья выросли и стали затенять огород соседу. Сосед сердился, но делать ничего не отваживался — Федор Викторович рубить деревья не хотел. А как только помер, сосед их тут же и засушил. Подрезал кору кольцом, и все деревья засохли. Отец Александр жалел сначала, но — смирился и даже нашел утешение в новом пейзаже. «Зато стал виден пруд», — примирительно рассудил он.

Ангелина Петровна вспоминает и другого соседа — бузотера и пьяницу: «Вдруг заявляется. Открыл калитку, еле на ногах стоит, в руках нож. Хорошо, отец Александр был дома. Вышел, стал его успокаивать: “Идите, идите, у нас собаки злые...” Насилу выводил».

Алик Мень решил поступать в Пушной институт, что находился за городом, в Балашихе. То, что он хотел изучать биологию, известно, но почему в Пушной, а не в университет? Здравый смысл подсказывал, наверное, что в университет еврея не пустят, как не пускали многих его сверстников. И он поступил на заочное отделение, сдал первую сессию и был переведен на очное.

В 82–83-м годах мы ждали арестов, обыски уже начались. Молились за отца Александра. Тогда-то он и сказал: «Если мы нужны Господу, Он удержит нас и на ниточке».

Как-то собрались в Новой Деревне, и он предупредил: «Почистите свои библиотеки, перенесите все ценное в надежное место». Надежных мест оказалось не много. Хозяйка дома, куда я притащил свои два чемодана ксероксов, рукописей и самиздата, уже на третий день позвонила мне с просьбой забрать. Было, конечно, и неловко, и рискованно переться с чемоданами к малознакомым людям, но хорошо знакомые были наверняка на мушке. То же самое случилось и во втором доме, хотя книги лежали там больше месяца. Я уже не помню, куда я отвез их на этот раз. Но вот что замечательно: путешествуя с квартиры на квартиру, книги делали свое дело! Их читали! И пусть я в итоге недосчитался многих книг, зато именно на том пути, который они проделали, появилось несколько новообращенных.

В эти годы мы не собирались в сторожке, не задерживались в храме и даже за оградой храма. Но на Пасху, помню, отмечаю всякую осторожность, собрались в великом множестве...

Батюшка в эти годы для уединенных встреч выбирал кладбище. Мы шли с ним на могилу его мамы и там, помолвившись:

Александр Зорин и Александр Мень. Новая Деревня. 1988 г.

«Упокой, Господи, души усопших раб Твоих», – обсуждали неотложные дела.

Рядом с кладбищем на расстоянии метров 300 проходит автотрасса. Отец Александр не спускал с нее глаз, замечая остановившиеся машины.

Интерес к нему был повышенный. В этот год, как, впрочем, и в предыдущий, в Коктебеле, где он отдыхал, слежка велась неотступно. Обязательно залезут в дом в его отсутствие, перетрясут вещи, наверняка сфотографируют рукописи. Следили и на прогулках, когда поднимался с друзьями к могиле Волошина. Отец Александр подшучивал, показывая друзьям на вездесущий «хвост». Я представляю этих добросовестных следопытов. Не исключено, что они вслед за «объектом» посылались сюда из Москвы в командировку. В Коктебель-то, летом! Надо попотеть, честно отработать оздоровительный вояж: набрать материал на приличный отчет. И то правда, не отдавать же месяц в Крыму местным гэбистам!

Не все понимали его крайне опасное положение. К сожалению, были среди нас такие, кто подвергал его явной опасности (хочется думать, из-за своего легкомыслия). Например, С.М. просил зарубежных братьев (баптистов), ссылаясь на батюшку, привезти малогабаритный печатный станок. Отец А. в ужасе узнал эту новость...

Понимая, в каком кольце он сидит, как одиозно звучит его фамилия, он, думая о будущем своего родного сына, предложил ему поменять фамилию... Чего стоила ему эта мысль... Но сын отверг ее бесповоротно. Как и попытки «компетентных товарищей» завербовать его, чтобы следил за отцом. Наивные единомышленники Павлика Морозова!

Смешно думать, что они отказались от своих убеждений и выгодных привычек. Их облавы, в любом варианте, могут повториться. Как говорит моя жена Таня, все течет, и ничего не меняется.

Незабываемая давняя встреча с отцом Александром, которую я тогда не решился, а может быть, и поленился записать.

Сентябрь. Батюшка в отпуске. Кажется, уехал в Харьков на две недели. Мы возвращаемся с дачи. Мама идет медленно, и до станции добредаем в полной темноте. Только сели в вагон – мама по ходу поезда, я напротив, вижу, из дальнего тамбура, распахнув двери, идет сияющий, обжигая счастливыми глазами, отец Александр. Он приметил нас издали на платформе.

Эlegantный: саквояж, длинный зонтик, широкополая шляпа (не та ли?)... Оказывается, он удрал из Харькова пораньше, пробыл дома дня два и сейчас едет в Питер ночным поездом. Его интересовали наши дела, жизнь прихода, не случилось ли чего в его отсутствие... О разводе одной пары, именно в его отсутствие, он уже знал. И выразил тогда уверенность, что, останься он, развода бы не произошло...

Увы, я не помню нашей полуторачасовой беседы. Помню только: от него исходила ослепительная чистота и надежность. И я был счастлив, что рядом мама, что она его слышит, что, может быть, может быть, что-то сдвинется в ней — в ее добрейшей, христианской, хоть и некрещеной душе... Я видел, как она его восторженно слушала. В самом начале я представил маму батюшке, а батюшку ей, но мама не разобрала имени и за весь путь так и не догадалась, кто же этот ослепительно красивый собеседник. И только в метро, когда мы остались одни, спросила: кто он — писатель, артист?

Я забыл ее предупредить, чтобы по телефону она никому не сообщала об этой встрече. Это были как раз те годы, начало 80-х. И ругнул свою забывчивость, когда узнал, что она поведала о встрече в первом же телефонном разговоре.

Из проповеди: «Разрушенные храмы — следствие блудодеяний в них на протяжении многовековой истории».

У меня в доме ремонт, который, как известно, страшнее трех пожаров; шестимесячная дочь орет благим матом — Таня отлучилась, я с намазанной клеем обоиной лезу на стремянку — и вдруг телефонный звонок, странный, почти непрерывный. К кому бежать — к дочери, к телефону? Куда девать обоину?... В общем, вышел из положения, поднимаю трубку — хаос обступающей жизни исчезает. В трубке — голос отца Александра. Он тем более неожидан, что всем известно: батюшки в Москве нет, он где-то в Средней Азии. Нет, голос его, он так и назвался: отец Александр. И просит меня зайти к нему домой в Семхоз и о чем-то предупредить Наталью Федоровну. Идеальная слышимость, голос глубокий, близкий и по расстоянию, и по родству. Кажется, он успел мне сказать, что звонит по радиотелефону, что в данный момент едет в машине по настоящей пустыне, кругом барханы и редкие верблюды. А может быть, эту картину я узнал от него позже или от Владимира Файнберга, который сидел с ним рядом в машине в тот момент. Счастливый Владимир Файнберг...

Его общие исповеди... Он кается вместе со всеми. Его неизменное «мы» во всех прегрешениях, слабостях, маловерии, о которых напоминает. И это не пастырский прием, это личное покаяние, разделение общей участи. Он и стоит-то с нами наравне — не как на проповеди, возвышаясь с амвона. Он на этом месте ничем не отличим от нас, разве что голосом, выражающим общие духовные недуги. Его покаяние обращено к Богу, хотя говорит он с нами...

ОБЩАЯ ИСПОВЕДЬ

— Идите сюда поближе...
Многих вместить хотел,
прислушивающийся аж в Париже
тесный придел.
Текли часы монотонно...
И он —
отслаивая от темноты,
осторожно разматывал, тонко
наши бинты.
С паствой, как студень зыбкой,
сызнова все начинать.
Каждый день —
переворачивать, детской присыпкой
пролежни присыпать.
Ангел-чернорабочий...
Отваживался всякий раз
на исповеди на общей
дерьмо выгрести из-под нас.
И затихали, послушные,
возле его руки,
как в авгиевой конюшне
смирные рысаки,
землю копытом роющие...
Не Геракла длань
касалась нашего лба,
а перст
ничего не стоящего
раба.

Наша община (малая группа) стала собираться с 1978 года. Состав ее складывался в основном по территориальному признаку. Нельзя не считаться с гигантскими расстояниями в Москве.

Молитвенная малая группа. Семхоз. 1987 г.

И поэтому малые группы новодеревенского прихода объединяли прихожан, живших либо в одном районе, либо на одной ветке метро, словом, в досягаемой близости. И только одному человеку приходилось ездить на противоположный конец Москвы, нашему руководителю, брату отца Александра – Павлу Меню. Батюшка благословил нас изучать Ветхий Завет и поставил руководителем Павла, хорошо знающего иврит и Священное Писание.

К сожалению, занятия с ним продолжались недолго – всего две зимы. Но группа не распалась, хотя состав ее из года в год обновлялся. Так и должно быть. Малые группы воспитывали в своей среде самостоятельных христиан, способных возглавить новую общину. Так птенцы, поднявшиеся на крыло, должны улетать, чтобы вить новые гнезда.

Со временем мы ввели на наших встречах молитвенные упражнения. Каждый, кто молится, знает, как трудна и благодетельна школа молитвы. Собрания начинались с общей молитвы, которую при зажженной свече кто-то один говорил вслух: «Господи, Ты вновь собрал нас вместе у этого стола. Благодарим тебя! Мы пришли к Тебе после дня, наполненного напряжением, заботой, шумом, суетой. Мы пришли из мира, где имя Твое не почитают святыней, где поклоняются иным богам. Мы пришли к Тебе со своими тревогами, раздвоенностью между

тем, чего хочешь Ты, и тем, чего хотим мы, пришли, сознавая, что мы – грешники. Прости нас, чтобы мы снова вошли к Тебе как Твои дети, чтобы Твоя воля была нашей волей, чтобы мы стали похожи на Твоего Сына и нашего брата Иисуса. Дай нам радость разделить Его близость с тобой. Дай нам мужество разделить Его участь в мире. Дай нам веру, чтобы мы предали свою жизнь в руки Твои. Благодарим Тебя за счастье любить Тебя, Господи, за радость произносить имя Твое. Открой наши сердца, чтобы мы слышали Твое слово, чтобы мы могли приблизить нашу жизнь к Твоей. Изгони из нас дух эгоизма, чтобы мы с благоговением относились друг к другу, помня, как любит нас брат Иисус, и подражая Ему. Да помогут нам молитвы Твоей избранницы Девы Марии, услышавшей и исполнившей Твое слово. Молим Тебя об этом через Христа, Господа нашего. Аминь».

Отец Александр не упускал нас из виду и регулярно – один раз в год – навещал. И вот на предстоящей встрече решено было устроить экзамен. Решение рискованное, но заманчивое... В том году мы изучали православное богослужение и к весне уже знали достаточно, чтобы ответить на три из сорока вопросов, которые батюшка нам заранее подготовил. Волнений было – как перед защитой докторских диссертаций, хотя экзаменатор наш великодушно улыбался. Но не знать (или забыть), на какие части делится литургия, или что такое шестопсалмие, или какие библейские темы лежат в основе канона утрени, было бы просто позором: ведь отец Александр окормлял нас уже не первый год.

Ну что ж, экзамен так экзамен. Свернули билетки, сложили их в шапку и – с Богом. Ответы, один другого блистательней, отлетали от зубов. Кажется, ему было радостно видеть наше прилежание.

Отец А. приезжал в Москву каждую неделю, а случалось, что и каждый день. Как-то я узнал, что с ним должна состояться встреча в доме Н. Пригласили и нашу группу. Мы записали беседу с ним на магнитофон. Но в начале 80-х, при участившихся обысках, многое исчезло, и, боюсь, безвозвратно. В.Н., прислуживая в алтаре, ухитрялся записывать его проповеди каждое воскресенье. Но они тоже пропали. Смело, как потом. Но, по счастью, беседа та сохранилась и была напечатана в сборнике «Мировая духовная культура», за исключением нескольких вопросов, на которые о. А. тогда ответил. Отвечая, он уточняет и сам вопрос, наверное, неясно поставленный:

«Если я вас правильно понял, вопрос состоит в том: в чем заключалось воздействие Христа на весь исторический процесс в будущем? Почему Он появился именно в этот момент, и что должно идти от Него?»

Нужно ли нам возвращаться вообще к прошлому? Да, конечно. Потому что Христос жил в прошлом. Но тут же я поясню: Он единственный из всех живет всегда, и не в Своих идеях — нет у Него идей, и не в Своем учении — нет у Него специального учения. Нету, понимаете, это чистое заблуждение. Единственно, что было оригинального в Христе, — это был Он Сам. Он не говорил: Я оставляю вам Свое дело (как у нас говорят о ком-то, что он умер, а дело его живет). Христос Сам остался с нами. Он сказал: где двое или трое соберутся во имя Мое, там не учение будет, а Я буду среди них. Значит, Он среди нас. Что же касается людей, которые видели Его близко, — одни называли Его бесноватым, другие Его распяли. Близость ведь совсем тут не означает хронологическое или географическое приближение. Я думаю, что очень многие люди, которые жили после Христа через сотни лет, были ближе к Нему, чем те, что находились от Него в двух метрах.

Я думаю, мы не имеем права говорить о явлении Христа как о чем-то, завершающем некую эволюцию. Движение шло все время в двух направлениях: рост добра и рост зла. Непрерывно возрастали два царства. Христос же — явление, вторгающееся извне. Он пришел извне. Он пришел из иного мира. И хотя Он использует наследие пророков, наследие всех веков, на самом деле Он уникален. Он одновременно открывает миру Бога, что самое важное, открывает Его навсегда; и, во-вторых, Он приоткрывает миру завесу будущего. Те, кто здесь находится, увидят Царство Божие, пришедшее в силу. Царство Божие начинает перемещаться во времени и приближаться к нам. Развивается Царство Божие в истории, но не в виде непрерывного поступательного прогресса, а в виде некоей Судьбы, идущей вперед. Но и зло развивается так же. Царство дьявола развивается столь же успешно, и поэтому мы имеем право говорить об Антихристе и о борьбе его. Антихрист родился не вчера и не сто лет назад и не завтра родится, как некоторые думают. Антихрист родился вместе с Христом. Когда явился в мир Христос, явились те силы, которые Ему противостояли. И они будут возрастать, принимая различные формы, будут возрастать всегда, до конца мира.

Вопрос: Какие ступени христианской жизни проходит человек? Когда он становится готовым к тому, чтобы стать уже свидетелем?

Ответ: Это можно сравнить с биологическим процессом. Когда человек трудится, свидетельство возрастает в нем. Все должно быть органично. Первая фаза — он просто приходит в храм. Вторая фаза — он принимает участие в таинствах. Третья фаза — он начинает учиться храмовой молитве. Четвертая фаза — он приходит к какой-нибудь общине. Таких общин в мире, вероятно, миллионы. Мне рассказывали, что они есть и в Латинской Америке, и в Африке. Собираются люди, так же как и мы, и вместе молятся, вместе читают, вместе разбирают Священное Писание, совершают дальние походы, живут вместе. Совсем не значит, что в Советском Союзе мы — какая-то элита. Это общее движение по всему миру.

Почему я говорю сегодня обобщенно, несмотря на то, что некоторые из вас еще переживают начальный этап? Потому что очень важно, на что вы ориентируетесь. Если вы ориентируетесь на траншею с самого начала, то, будь вы даже Гераклами, а все равно в ней останетесь. Если же ориентируетесь на путь, то, когда появятся его первые признаки, будете осторожно и с должным смирением двигаться вперед, несмотря на то, что кругом стреляют. Что делать, такие условия военные.

На каждой литургии священник молится словами Великой ектеньи: «О мире всего мира, благостоянии святых Божиих Церквей и соединении всех Господу помолимся». Соединение всех Церквей — цель экуменического движения. Официально наша Церковь стала участвовать в нем с 1961 года, в самый разгар хрущёвских гонений на религию. И с тех пор на международных форумах высокие представители нашего духовенства произносили речи о мире, дружбе и единстве Церквей. Сейчас, правда, выясняется, что «благословлял» их на этот подвиг Комитет госбезопасности. Так или иначе, а перед лицом международной общественности наша Церковь призывала к «соединению всех» и даже разрешила православным и католикам (в исключительных случаях) общение в молитве и таинстве. Позже разрешение было приостановлено. Официально декларируемое миротворчество расходилось с установками внутри Церкви, сеявшими дух недоверия и изоляционизма. Отца Александра печатно и непечатно, публично и анонимно обвиняли в беспочвенном экуменизме, в прокатолических происках... Ах, в чем его только не обвиняли! Тогда, в конце 70-х, конфронтация между Церквями не имела сегодняшнего накала, и тем не менее исконное недоверие к латинству вылезало из всех щелей.

Однажды в Новую Деревню на Троицу приехала Эльжбета Янус — полька, которая училась в аспирантуре Московского университета. Приехала к ранней литургии, надеясь, что исповедоваться будет у отца Александра. Но в этот день на ранней исповедовал о. Стефан. По-русски она говорила почти без акцента. Но о. Стефан уловил дефект речи и обратил внимание на внешность. Он принял ее за грузинку.

— Была на вечерней службе? — спросил он. И узнав, что она католичка, искренне удивился:

— Разве в Грузии нет православных храмов?

— Есть, конечно, — ответила Эля, решив скрыть свое иностранное происхождение. — Но я воспитывалась в католической семье.

— Пора переходить в православие, — посоветовал священник и поинтересовался, когда она последний раз причащалась.

— В прошлое воскресенье, — ответила Эля.

— Зачем же так часто причащаться! Мы, православные, уважаем Евхаристию и чтим Святые Дары.

Эля робко возразила:

— Но уважение к Евхаристии оставляет два пути, следуя которым, можно причащаться и редко, и часто. Об этом пишут Святые Отцы.

Отец Стефан промолчал, из чего следовало, что причащать католичку он не будет.

Эля оправдывалась:

— Есть же разрешение православного Собора, позволяющее причащать католиков...

— Только в экстренных случаях, например, если человек при смерти, — раздраженно отрезал о. Стефан, оттесняя инославную от анаоя.

— Но человек в любой момент может умереть, фактически он каждое мгновение при смерти...

О. Стефан не любил философствовать и напрямую спросил:

— А как вы оказались в православном храме?

— Приехала к друзьям. У моей подруги, вашей прихожанки, сегодня день рождения. Хочу с ней вместе помолиться и причаститься Святых Тайн.

— Нет, для причастия этих причин недостаточно, — заключил о. Стефан и дал понять, что закрыл тему.

Ратуя за истинное сближение Церквей, отец Александр придерживался твердых конфессиональных границ. Ему как раз пытались да и пытаются сейчас навязать обратное: будто бы он

эти границы размывал. У меня сохранилось письмо батюшки к одной прихожанке, которая переходила из православия к протестантам. Батюшка использовал повод, «высказался вслух» по вопросам конфессиональной этики, касающейся нас всех. И распространил это письмо по всем общинам прихода.

«Дорогая Н.! Хочу и должен объяснить Вам, как я отношусь к вопросу о молитве с инословными христианами. Прежде всего, наша Церковь не возбраняет этого в принципе. Наши иерархи и представители бывают на праздниках в католических храмах и у баптистов. Католики разрешают своим приобщаться в наших храмах, а наша Патриархия в случае нужды тоже допускает их к таинствам. Мы исходим из того, что Господь основал не несколько верований, а единую Церковь, и разделение христиан воспринимаем как грех (молясь о «соединении всех»).

Причины разделения были разными: и различия в душевном складе разных людей и народов, и политические распри, и культурные расхождения. В результате возникли отличия и в обрядах, и в вероучительных формулировках.

Однако Господь даже это явное зло обратил в добро. Благодаря разделению христианство избежало нивелирования и жесткой однообразной системы. В каждом исповедании (в разной степени) раскрывались духовные дары, были свои праведники и святые.

Таким образом, в развитии есть общая закономерность: сначала нерасчлененное единство, потом — разделение и, наконец, единение на высшей ступени. Эта последняя стадия уже близка к осуществлению (хотя, конечно, по меркам историческим, а не по масштабам индивидуальной жизни).

Завет Господа: «Да будет единое стадо» — цель современного христианства. Но как этому содействовать? Прежде всего — преодолением вражды, желанием понять других при сохранении верности своей традиции. Этому посвящены все формы экуменической работы и служения в мире и у нас в стране. Христиане делают упор на том, что сближает, а не на том, что разделяет.

Раньше каждое исповедание считало, что средство для единства — только прозелитизм, т.е. обращение всех в свою конфессию. Теперь, когда поняли, что нужны другие пути, избрали путь сближения. Разумеется, оно исключает прозелитизм. Он наносит ущерб братскому взаимопониманию и доверию, внушает мысль, будто все хотят друг друга «перетянуть» и ведут тайную пропаганду в свою пользу. С католиками у нас проще, так как все основы у нас общие. С протестантами — сложнее. В частности,

если говорить о пятидесятниках, то они нередко утверждают, будто Дух Божий дышит только в их общинах. Между тем каждый человек, который пережил истинное обращение (в нашей Церкви), может и должен считать себя получившим духовное крещение и дар Духа. Если люди этот дар не развивают, то причины — в них самих.

Разумеется, негативное отношение к другим мало содействует сближению и братскому сознанию. Но, к счастью, не все члены таких общин (баптистов, пятидесятников и др.) держатся подобных непримиримых взглядов.

Что же препятствует духу экуменизма? Еще раз повторяю: те случаи, когда люди, побывав у инославных, разрывают братское и евхаристическое общение со своими. Это — и измена по-человечески, и акт, направленный против Христа, против Его воли. Это вносит разделение, смуты, соблазны, отбрасывает дело единства назад, в века соперничества, упреков, борьбы и поношений.

Поэтому для своих прихожан я не считаю допустимым общаться в молитве с теми конкретными общинами, которые не соблюдают строгого экуменического принципа и правила: «Никакого прозелитизма». Как там в других странах — я не знаю. Но у нас это так.

Человек, бросающий свою церковную общину (ссылаясь на личные вкусы, на прочитанное в книжках, на недостатки церковные и пр.), является пусть и невольным, но врагом дела Христова.

Всегда нужно помнить, что в Евангелии от Иоанна нам сохранена одна из немногих молитв Спасителя, выражающих Его глубинные желания, Его волю. Это «первосвященническая молитва» в ночь перед Голгофой: «Да будут все едино». Мы еще далеки от того, чтобы осуществить эту волю Господа, но должны всеми силами к этому стремиться. И все, что препятствует его воле, есть для нас грех.

Вот почему обязательным условием общения с инославными является неукоснительное соблюдение ими (и нами) указанного важнейшего экуменического правила.

И последнее: как быть, если видишь у инославных христиан нечто воистину достойное и прекрасное (горячую веру, живую молитву, чистоту жизни, общинность)? Ответ один: благодарить Бога за этих людей и молиться о том, чтобы и мы умножали в своей среде эти черты и дарования.

Прот. Александр Мень»

Завет Господа: «Да будет единое стадо» — еще не всем понятен. И пастырь, услышавший этот завет, ступает на путь жертвенного служения. «Кто-то должен же постоять за экуменизм», — сказал однажды отец Александр.

Лет пятнадцать назад в самиздате ходило анонимное «Письмо священнику Александру Меню». Мне его всучили в Загорске, в Успенском соборе после литургии. Молодые люди раздавали его, стоя возле свечного ящика. Аноним, безграмотно и тенденциозно обращаясь с текстом Священного Писания, доказывал, что Александр Мень состоит на службе у сионистов. У меня не было сомнения, в какой организации автор получал свой гонорар. Нынешней зимой это письмо опять всплыло — рупь за штуку — в подземных переходах на Пушкинской. Замечательно, как заканчивается письмо: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее плода, срубают и бросают в огонь».

За два дня до своей гибели отец Александр дал интервью испанской журналистке Пилар Бонет. Среди прочего он с неожиданной в этом случае откровенностью сказал: «Ну, если называть зарождение русского фашизма не тревожным, то что тогда тревожно? Конечно! И его очень активно поддерживают очень многие церковные деятели.

Произошло соединение русского фашизма с русским клерикализмом и ностальгией церковной. Это, конечно, позор для нас, для верующих, потому что общество ожидало найти в нас какую-то поддержку, а поддержка получается для фашистов. Конечно, не все так ориентированы, но это немалый процент. Я не могу сказать, какой, я этого не изучал. Но куда ни сунешься, с кем ни поговоришь: этот — монархист, этот — антисемит, этот — антиэкуменист и так далее.

Причем развешиванием ярлыков занимаются те люди, которые вчера еще не были такими. Понимаете? Нет, это характерно! Веяние эпохи. Эпохи реакции. Когда Горбачёв открыл шлюзы, то хлынула и демократия, и реакция. Но реакция всегда более агрессивна».

В день его гибели к Москве шли танки. Уж наверное, защищать не отца Александра. Независимые газеты писали о стянутом к столице кольце войск. Случайны ли эти совпадения?.. Владимир Илюшенко доказал, что вовсе не случайны. В сентябре девяностого года готовился правительственный переворот, который заговорщики вынуждены были перенести на год. Мень был уже заметной фигурой, духовным ав-

Место убийства протоиерея Александра Меня. Семхоз (Сергиев Посад)

торитетом, консолидирующим прогрессивную часть общества. Такая фигура была для них опасна. Илюшенко пишет: «...и Александр Мень был принесен в жертву. Уверен, что эта жертва сорвала переворот. А ведь в 1990 году он имел все шансы на успех...»

Возле дорожки на станцию Семхоз стоит божничка с иконкой и надписью: «На этом месте 9. IX. 1990 г. принял мученический венец отец Александр Мень». Дорожку сейчас подновляют¹, делают шире. И рабочие сами, никто их не просил, выложили гравием площадку вокруг божницы. Весь год кто-то приносит сюда вместе с цветами земные дары. Даже зимой... Вот и сейчас у ее подножия — горстка малины, горстка лесных орехов, ветка красной смородины. Найдут ли, не найдут убий-

¹ Сейчас на этом месте стоит храм во имя Сергия Радонежского и храм-часовня во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи.

цу — воздаяние следует своим чередом, а люди уже почувствовали, что место это — благословенное.

Традиционные встречи в конце учебного года уже несколько лет мы проводили в Семхозе, у меня на даче. На природе повольнее, да и бабушке идти от своего дома недалеко. Опасались, конечно, соглядатаев: дачные участки лепятся друг к другу, как соты; что творится у соседа, можно не только увидеть, но и услышать и даже унюхать. Драпировали шторами террасу и окна не отворяли, чтобы не будоражить посторонние уши. Но бабушка не очень-то хоронился и даже подшучивал над моей осторожностью. Он, прекрасно зная действительное положение вещей, не перегружал обстановку навязчивыми опасениями. Он многого не боялся, потому что видел и знал больше нас. Его появление в любом доме могло быть опасным для хозяев — телефоны наверняка прослушивались. Но у страха глаза велики. И однажды я был весьма смущен тем, что, придя в дом, отец Александр сразу бросился к телефону и в разговоре не скрыл своего имени. Подобные опасения он частенько гасил юмором. Помню, как-то сказал — мы шли по дорожке, по той самой, к его дому: «А вы думаете, здесь под каждым кустом майоры Пронины сидят?»

Семинар катехизаторов на квартире Л. (1982). Ведет отец Александр. Слово «семинар» мы старались не употреблять в телефонных разговорах. С некоторых пор оно стало криминальным. Власти разгромили религиозный семинар Огородникова, охотились за философским семинаром Библиера. Поэтому и не звонили лишний раз в дом, где намечалась встреча. Отец А. приехал в назначенное время. Приглашенные же слушатели подтягивались в течение часа. Хозяин дома, озадаченный неаккуратностью будущих катехизаторов, не находил себе места и пытался чем-нибудь занять бабушку. Но отец А. без промедления нашел себе дело. Одна из дочерей Л., маленькая художница, принесла чистые листы бумаги, и бабушка принялся рисовать ей различных зверюшек. Рисовать пришлось в перевернутом изображении. Девочка сидела за столом напротив и тарасила глазенки, опущенные рыжими ресницами, на чудо-карандаш, из-под которого рождались белки, попугай, косолапые мишки. Рисунок, безусловно правильный и иногда очень потешный, выдавал в рисовальщике замечательное мастерство.

5 августа 1990 года

Месяц с небольшим до гибели. Тот самый день, когда наша группа встречалась с батюшкой — отчитаться за прошлый год и обсудить программу на будущий. Мы едем из Пушкино с отцом Александром на дачу. Заходим на минуту к нему домой — оставить портфель. И вместе с Натальей Федоровной скорей — к нам, здорово опаздываем. На берегу озера — скособоченная железная раздевалка, в нескольких местах крупно продырявленная. «Здесь поработал топор каменного века», — шутит батюшка. Вдруг узнаю, что он совсем не спал в минувшую ночь... «Не беспокойтесь, — гасит он мои угрызения совести, — я после литургии как огурчик. Вернусь от вас, еще поработаю, надо статью дописать».

По дороге мы обсуждаем с ним кандидатуру секретаря. Он уже не справлялся с морем мелких и ответственных дел — нужен был помощник, которого, кажется, он наметил из нашей группы. «Подождем до осени, — сказал он, — осенью все решится...»

23 ноября 1990 года

Сон, от которого проснулся в холодном поту: я стою в стороне и вижу, как бьют, убивают нашего батюшку. Но и он, он тоже отмахивается. Убийца удивлен — ишь ты, крепок, однако! Бандит орудует приемами карате, подпрыгивает, бьет в грудь ногами, а по голове чем-то тяжелым. И я смотрю на это со стороны. Наблюдаю.

Не сон, а проявленная фото пленка. Не такова ли на самом деле была моя позиция, когда перед глазами проходила, вершилась его подвижническая жизнь?

Наше больное, искалеченное население бросается в Церковь, как в психолечебницу. И священник, облепленный тонущей паствой, может вместе со всеми пойти ко дну, если ищущие спасения не поверят в собственные силы, не освободятся от назойливых фобий.

Французский врач Ален Бомбар, в одиночку переплывший океан, доказал, что люди — жертвы кораблекрушений — гибнут в основном не от холода и голода, а от страха.

Батюшка в своем бесстрашном порыве прийти на помощь каждому был таким же смельчаком, который однажды спас меня,

Храм Сретения Господня. 1989 г.

тонущего в море. Я сдуру полез купаться в шторм. И вскоре почувствовал, что на берег мне не выбраться. Там стояли люди, много людей, бессильные чем-либо помочь. Стояли и смотрели, как гибнет человек...

И вдруг один из них прыгнул в волны и поплыл ко мне. Первым моим инстинктивным движением было ухватиться за него, как за пробковый круг. Но он оказался опытным пловцом и спокойно посоветовал этого не делать. «Я рядом, — сказал он, — я здесь». Его неотступная близость поддерживала во мне надежду и силы, и после трех или четырех попыток я наконец выкарабкался на прибрежные скалы, а спустя некоторое, немалое, время выкарабкался и он. Так и батюшка, будучи рядом, взывал к нашим потаенным возможностям. Признавал в нас детей Божиих, подавая надежду на спасение. И поддерживал — духом, примером, мгновенной решимостью практически помочь. Вдруг узнаешь, что кому-то помогал переезжать, кому-то — разбирать библиотеку и расставлять книги по полкам. А однажды провалился к безнадежно больному в отделение реанимации, куда и родственников-то не пускали. Это в те годы, когда священников боялись, как чумы. А он пришел к умирающему, чтобы ис-

поведовать его и причастить. Больной не поверил своим глазам, решил, что уже начались галлюцинации. А батюшка положил ему руку на лоб и, наверное, попросил Господа о милости, о ниспослании чуда. И чудо произошло. Приговоренный врачами к смерти и сейчас жив — дай Бог ему здоровья! Таких «естественных» чудес в практике отца Александра было великое множество...

А кому-то помогал и деньгами, выделял от своих, далеко не больших, достатков. Помню, как-то, впустив к себе в комнату, протягивает мне пятьдесят рублей... «За что, батюшка?» — «Берите, берите», — сказал он, ничего не объясняя.

Сравнивая отца Александра с тем смельчаком, прыгнувшим в шестибалльный шторм мне на помощь, я думаю, как объяснить совет отца Александра, не раз от него слышанный: «Помогать тонущему лучше с берега». Под берегом он разумел духовный материк — надежную опору веры. Если человек ее имеет, если даже только обретает постепенно, тогда шторм — всего лишь разновидность стихии, которая свирепствует и на суше; изменившиеся условия жизни, не более того. Потому он, не подавляя нашей свободы, радел о главном — о духовных устоях личности, которые должны в каждом самозарождаться. «Я же только акушер, — писал он Владимиру Леви. — Рожденное изнутри ценнее привнесенного».

«Я жив, я есть, вот тебе знак...»

После гибели отца Александра в его доме оставались две женщины: Наталья Федоровна и ее мать Ангелина Петровна. Тревога не покидала их. С осени еще гостил Александр Федорович, приехавший из Уфы, брат Натальи Федоровны, но вскоре уехал.

Я, дачный житель Семхоза, частенько оставался у них ночевать, а то и жил неделю-другую. Иногда вечером встречал Наталью Федоровну на платформе, хотя фонари теперь по дороге к дому горели исправно. Следствие по делу убийства отработывало липовую уголовную версию: то спустят пруд и ищут в глубоком иле топор, якобы брошенный туда убийцами, то ищут клад с драгоценностями, простукивая стены Новодеревенского храма, куда, якобы, упрятал его бывший настоятель. Словом, наглый бред, от которого на сердце становилось еще беспокойнее.

И хозяйки решили на все окна батюшкиного кабинета заказать ставни. Василий Михайлович Жулин, мой младший друг, договорился с кооперативом в городе Железнодорожном, где жил, на изготовление оных. Сердечный безотказный человек, он был счастлив помочь дому отца Александра, куда и вправду могли заявиться ночью непрошенные гости. Вскоре ставни мы с ним укрепили. Дзэспэшные, ламинированные, плотно закрывающиеся изнутри.

Оставаясь подолгу в кабинете отца Александра, иногда мне казалось, что он просто вышел куда-то, что вот-вот спустится со второго этажа и продолжит прерванную беседу... Приведу страничку из дневника.

20 января 1991 года

«Послезавтра день рождения отца Александра. Ему бы исполнилось 56 лет. Его кабинет... Сокровенная обитель... Книги, много зарубежных и дореволюционных изданий, бесценное сокровище, которым он щедро всегда делился. Мы знали, что редкую книгу у него легче найти, чем в спецхране. Над кроватью, похожей на топчан, висит работа Поленова, «Христос на Геннисаретском озере», авторская копия. Несколько портретов: большой – мамин, в маленькой деревянной рамке – отца, Владимира Григорьевича; Соловьёв, Бердяев... А на столе фотография юной Наташи. И тяжелый громоздкий «Даго» – пишущая машинка, отремонтированная незадолго до его смерти. Он писал только на машинке, редко от руки. Ему бы компьютер – о котором мечтал! – как у Артура Кларка, плодовитого писателя. Сзади, под рукой – словари и энциклопедии, а перед глазами необозримый стеллаж, где сбоку – не сразу и найдешь – составлена сплотка его шеститомника, изданного в Брюсселе. Слева окно во всю стену. И оттуда ломится свет зимнего дня – искристый, режущий глаза, снег. Куст промерзшей калины, вывихнутые ветки старых яблонь, а дальше – трубы теплоцентрали и типовые дома. Трубы проложены над землей, одна внедрилась на участок. Невозможно не заметить этого уродства. Батюшка не всегда благодумствовал, глядя на мир его окружающий. Но ему было куда отвести взгляд, особенно если он находился здесь, за письменным столом.

В дальнем углу иконостас. Каждой иконе он сам находил место, сам прибивал каждый гвоздик. Стоя перед иконостасом, та-

ким богатым и приманчивым для глаза, я невольно отвлекся на древнюю иконопись и на корешки книг: рядом — пушкинская полка.

По-настоящему, как я это понимаю — с чтением Писания и размышлением — молитвы здесь у меня не получится. Но вроде бы душа от этого не страдает, как в Москве, где молитва бывает часто скомкана. Самый воздух, атмосфера батюшкиного кабинета есть вместилище благодати, в которую я сейчас помещен. И странно было бы страдать от недостатка солнца и тепла в тропиках.

Одним словом, после молитвы я потянулся к Пушкину, которого заметил — академический маленький десятитомник 1949 года. Наугад вынул том. Оказался VI — с прозой. Открылось на «Станционном смотрителе», потому что в этом месте была закладка: сложенное вчетверо чье-то письмо. Я машинально скользнул по первым буквам: «Дорогой отец Александр!» Почерк показался мне знакомым. Вгляделся и понял, что это почерк — мой! Это было письмо из валдайской Новой Деревни, датированное 27 августа 1981 года... Я не помнил, что когда-либо писал отцу Александру, и сразу не мог поверить, что почерк мой.

Почему он не бросил письмо в корзину, куда отсылал многие корреспонденции?... «Я писем давно ничьих не храню» — сказал он однажды. Не хранил из элементарного опасения. При обыске они могли бы навести на нежелательный след. А мое письмо по рассеянности, наверное, сунул в книжку... Но разве можно объяснить случайностью эту промыслительную находку!

История знает множество окликов **оттуда**. В лекции цикла «Жизнь после жизни» отец Александр приводит случай из автобиографии Юнга. «Юнг рассказывает, как умер один из его знакомых, и вот он видит во сне, что тот подходит к нему, к его кровати, берет за руку, поднимает, ведет к своему дому, вводит в свой кабинет и показывает книгу. Проснувшись, Юнг решил проверить и отправился к этому своему знакомому. Вдова впустила его в кабинет. Он вошел, приблизился к этой полке, нашел там третью слева книгу, и она называлась “Память мертвых” или что-то в этом роде, что-то о мертвых. И Юнг понял, что это был сигнал, может быть неумелый, но сигнал того, что “я жив, я есть, вот тебе знак”».

В эти тревожные дни отец Александр подал знак, куда уж очевиднее, что по-прежнему с нами, что неотступно и пристально — со мной.

* * *

Пуганый отрок, ступив на дорогу,
боится куста.
Самый короткий путь к Богу
через Христа.

Хляби дремучие или казарма –
страх за версту.
Наикратчайший – от Александра
путь к Христу.

Мученическая смерть святого –
прицельный отстрел –
Лишь раздвигает снова и снова
жизни предел.

* * *

Там, где топор долгожданную жертву настиг,
где от столетних дубов не дождешься улик, –
рядом стоявшие, эти-то видели точно.
Эти молчат – потому их не тронули, не спилили...
Там, где рябины глазастые в страхе застыли,
тоже свидетели... Где отпевали заочно
раньше, чем в храме, его коростель и синица –
там, на родимой болотине, встала божница.
Тащат паломники славу посмертную снизу.
Пишут записки: «Болящих Варвару, Анфису
оборони... Пелагею, Петра, Николая...»
Пишут записки, заступника в нем прославляя.
Так и пойдет почитание – мимо приказов
сверху... Из гуши легенд и меморий.
Мимо редутов, где наши полковники в рясах
статус блюдут канонических территорий.
Там, где божничка обочь притулилась, запнулась дорога...
Отче святой Александре, моли о нас Бога.

«СРЕТЕНЬЕ» В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ

I

На месте все — и ангельская сила,
и демонская — распродажный ларь,
и колокол безгласный, и звонарь
на месте... как и тень паникадила,
и царские врата... И лишь алтарь
смещен туда, где свежая могила.

Она отныне для меня — престол,
доступный взору и поющим птахам.
Она и есть кубический символ
вселенскости
над заповедным прахом.

И таинство свершается над ней,
когда Святаго Духа призывает
и огненную чашу поднимает
за близкою стеною иерей.

И в этот миг причастником смиренным
я на коленях перед ней стою.
И всякий раз в кресте обыкновенном
зажженный семисвечник узнаю.

II

«Ныне отпускаеши раба Твоего с миром»,
Ох, не на пожарище, а на поле минном
примостилась церковка — островочком стиснутым,
близ горы Акуловой, где поэт витийствовал.
Близ того седалища, где, как сообщалось,
с солнцем у товарища встреча состоялась.
Бог с ним, со товарищем, павшим в лихолетие.
Не об том история. А о храме «Сретенье».
Привечавшем издавна — старых или малых —
стороной рискованной. Радостно встречал их
прозорливый батюшка — добрый, нет добрее.
В правильном обличии — древний лик еврея.
В каждом народившемся, в самом разнесчастном,
он Христа-младенца видел взором ясным.
И к нему протягивал — не всегда с амвона —
руки безотказные старца Симеона.

Дух Святой сопутствовал здесь сердцам открытым
по его заслугам лишь, по его молитвам.
А теперь хоть в крик кричи — не хватает крика!!!
«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...»
Не случайно «Сретенье» с ним не разлучает.
Здесь же похороненный,
здесь же и встречает..

* * *

Каждого из нас, его духовных питомцев, он носил, как кенгуру — в себе, в своей подкожной сумке. Именно так и говорил, подтрунивая над своей обремененной фигурой, указывая на место нашего временного пребывания. Да, временного — детеныши должны взрослеть... И повзрослели в одночасье, опущенные 9 сентября 1990 года на землю. Разумеется, не все. И взрослых было немало рядом с ним, и младенцев, так и не повзрослевших после его гибели. Сам я не раз за эти «безотцовские» годы утыкался в стену: был бы он жив, надоумил бы, вывел бы, стену бы проломил... Был бы жив... Щенячий инфантилизм! Сам же говорю другим, что жив — в книгах, в проповедях, в Духе, наконец, который подсказывает и выводит из тупика.

Однажды я вдрызг разругался с коллегой, написал ему свирепое письмо. По совести сказать, коллега заслуживал отповеди, но не мстительной — ударом на удар. И вот снится мне отец Александр: задумчивый, чем-то явно расстроенный. Я спрашиваю: «Нельзя ли мне в воскресенье заглянуть к вам домой на полчаса?» Он резко, как никогда в жизни: «Нельзя. Сколько можно вас учить, вразумлять?..» В голосе обида, как будто я в чем-то предал его. Я проснулся и понял, в чем я его предал: в отношении к провинившемуся человеку, отношении реактивном — ударом на удар. Я не поклонник сновидческих откровений. Но здесь... без его вмешательства, наверное, не обошлось. Уж очень определенно связалось: мои, быть может, тронутые раскаянием переживания с его... столь внятной оценкой.

Еще случай. Не помню, какая причина погнала меня в Новую Деревню, что-то крайне неразрешимое и безнадежное, в тон ноябрьской промозглой погоде. Я поехал не на литургию, а именно к нему, к кресту на его могиле. Сизые облака, мо-

росящий снежок зазимок и голые, совершенно обнаженные деревья на сретенском погосте. Ни листочка в сквозящих ветвах...

* * *

За избами, за церковкой комолой
Отсюда виден в перспективе голой
Погост. Обглоданная оболочка.
Октябрь голодный выгрыз до листочка.
Прошу я стойкости и примиренья
С разором жалким. Для благословенья
Сложил ладони... Час или секунда
Мелькнули...Вдруг неведомо откуда –
Ни лоскутка на обнаженной кроне –
Лист огненный упал в мои ладони.
Наглядный преклонившему колени
Знак – о горении и примиреньи.

Уж здесь-то я не сомневался: березовый листочек – его послание.

«Се, стою у двери и стучу», – сказано у Иоанна. Стучится в наше сердце Господь, стучатся святые, да так порой явственно, что страшно становится... Как мне тогда, получившему благословение свыше.

И много, много поразительных совпадений, свидетельствующих...

* * *

Еще не написана его полная биография, еще нет фундаментальных исследований жизни и творчества, да и не может быть на таком расстоянии. П.В. Анненков, первый биограф Пушкина, издал свой труд через девятнадцать лет после смерти поэта и определил его, как материалы для биографии. И лишь сто пятьдесят лет спустя сложилась полная летопись жизни и творчества того, кто, как известно, «есть наше все». Хотя настоящего академического собрания сочинений Пушкина нет и сегодня.

Давно замечено, что социальные процессы в России протекают замедленно. Революции и мятежи, вспыхивающие, как реак-

ция на заторможенность жизни, несколько ее не активизирую и даже напротив, укореняют в стагнации.

Личность отца Александра, повлиявшая на религиозное возрождение в нашей стране, не скоро станет достоянием общественного сознания. И с этим, наверное, надо смириться, учитывая нашу социальную динамику.

И вот, «смирившись и учитывая», вспоминаю я то, что когда-то запомнил, просматривая многие, в том числе и свои, статьи и очерки, ему посвященные, и вижу, что его жизнь после жизни продолжается...

ДВА ЛИЦА

I

Улыбка отца Александра —
На землю прорвавшийся свет —
Свидетельствует — осанна! —
Что смерти у святости нет.

Слова, возвестившие много:
«Нам нету пути унывать».
Улыбка — наследие Бога,
Его именная печать.

Лишь приостановится в беге
Дыхание. Праха щепоть...
Мы — любящие навеки.
Нас ждет обновленная плоть

В мгновенном посмертии, завтра.
Любых подтверждений верней —
Улыбка отца Александра
И старенькой мамы моей.

II

Открываю глаза, будто кто окликает меня.
Это лица, до боли родные в преддверии дня —
Неизвестно какого — любого! — любимые лица.
В безымянное утро отрадней единственный знак,
Призывающий бодрствовать и молиться.
Та последняя ясность, которой пугается мрак.

* * *

Мой друг, крещенный в детстве, талантливый инженер, сорок лет отпахавший на советском производстве и, как многие в перестройку, покинувший ряды КПСС, обратился – пришел в Церковь, стал ревностным прихожанином одного из московских храмов. Но, посещая богослужения и каждое воскресенье литургию, он не мог принять таинства покаяния в том виде, как это практикуется в Церкви. Общую исповедь считал для себя недостаточной, а на индивидуальную не решался. Молился, слушал хоровое пение, испытывал подлинные переживания, но тела и крови Христа не приобщался. Своих священников почему-то побаивался и как-то попросил меня посоветоваться с отцом Александром: можно ли ему ограничиться общей исповедью? Вот что отец ответил, передаю смысл. Раскаиваясь вслух перед Богом в присутствии священника (свидетеля), мы совершаем поступок, преодолеваем страх, порываем с гнетущими узами греха. Кроме того, формулируем (формуем, лепим губами) осознание своего недостойнства. Исповедь, тем более первая, должна быть открытой и бесстрашной.

Я передал ответ отца Александра моему другу, наверное, более обстоятельно, чем передаю сейчас. Но, к сожалению, он так и не решился на поступок... Это был барьер, мешавший его движению, его росту. Он чувствовал себя сиротой в Церкви, и я ничем не мог его утешить. И однажды, придя на литургию, купив свечку и протиснувшись к иконе «Споручница грешных», он упал замертво: обширный инфаркт. Я уверен, что сразил его нераскаянный грех, который он сам себе простить не мог. Он был совестливый и робкий человек.

* * *

Книги из своей библиотеки отец Александр давал, не записывая, разумеется, читателей. Полагался на их своевременную «аккуратность».

Как-то из его широкого рукава упала в мою сумку книжица Дмитрия Дудко «О нашем уповании». Чистый криминал по тому времени. Я, в свою очередь, одарил ею многих, и в конце концов она застряла в далекой рижской общине. И я забыл о ней. Но батюшка мне напомнил... через год.

У него было гуманное правило, которого он предлагал придерживаться «библиотекарям», – ценные книги приобретать

в двух экземплярах: один обязательно зачитают.. И шутил: «Люди тянутся к знаниям. И тянут прямо с полки...»

* * *

Самообладание, спасительный юмор – завидные качества из арсенала его достоинств. Но я помню его и раздраженным, дважды.

В Доме культуры города Реутова он показывал слайд-фильм о Христе, составленный из кадров фильма Дзеффирелли. Меня попросил помочь: следить за порядком просмотренных слайдов.

«Иисус из Назарета» был его любимым детищем. Он не раз редактировал текст к видеоряду, пока не довел до афористичной законченности.

Фильмотеку, которую он создал – около двадцати диафильмов, – тиражировали, между прочим, баптисты. Одно из мест, где это происходило, был дом в... Чистом переулке, аккурат напротив апартаментов Московской патриархии. Отснятый и обработанный материал поступал в лютеранский собор, что в Китай-городе, и оттуда рулонами готовой пленки расходился по России. Тиражи были немалые. Позже они осели во многих воскресно-приходских школах, оказались своевременным учебным пособием. Следопыты из госбезопасности засекали фильмы в Восточной Сибири, а о том, что они изготавливались у них под носом, узнали из печати после перестройки.

Одним словом, отец Александр очень дорожил этим кино (мечтал снять настоящее!) и не раз брал ящички со слайдами с собой на лекции. А лекций в эти годы у него было под завязку: иной раз по нескольку в день. Фильм «Иисус из Назарета» подходил для смешанной аудитории (взрослые, дети), какая и собралась в тот день в реутовском ДК.

Темный зал, его голос с кассеты, сигнал к смене кадра и щелчок движущейся рамки. Он отошел на минуту, доверив проектор мне, и... вдруг – сбой, что-то у меня не заладилось, голос и картинка не совпадают, нарушилась синхронизация... Я в панике, зал зашевелился, подошел отец...

Чего уж там... Как-то я ощутил упрек в свой адрес – мгновенный обжигающий укор...

В тот день это была, кажется, третья лекция...

Я уже писал, что под его началом работала группа переводчиков, занимавшихся не только книгами духовного содержания

ния, но и библейскими и литургическими текстами. В.Н., обладавший и знаниями, и чутьем, и вкусом, к этой работе тоже был приобщен. Мы с ним перевели псалмы богослужебного круга, они появились в «Вестнике РСХД» и вызвали лестную оценку отца Александра Шмемана — он посвятил им отдельную передачу по «Свободе». Окрыленный успехом, я дерзнул взяться за анафору — молитву евхаристического канона. Не без помощи, конечно, В.Н. Был проштудирован Н.Д. Успенский, его фундаментальный труд об анафоре, сделан дословный перевод с древнегреческого, чуть ли не с дословным же комментарием. Древнегреческий для меня напрямую ассоциировался с античной поэзией, и я, влюбленный в мелодику античных размеров, лирический поэт, принятый недавно в Союз писателей, отважился переложить этот боговдохновенный шедевр ритмическим стихом, модифицированным гекзаметром. Когда же показал свой опыт отцу Александру, он, мельком просмотрев, тотчас мне вернул с решительным и определенным «нет». Смутил его, конечно, не только гекзаметр, но и недостаточная полнота смыслов в моей рискованной модификации. Он не стал со мной объясняться, а мне хватило ума не задавать ему лишних вопросов.

Но не всегда он был немногословен в оценке труда, который считал неприемлемым. Среди переводчиков была женщина, знающая древние языки, с ней возникала у него бурная полемика. Она работала над текстами Нового Завета. Однажды я и одна прихожанка были свидетелями его отчаяния, невозможности объяснить то, что дается через интуицию, через чувство языка, через врожденные качества. Переводчица упорствовала, он, вышагивая по дворику и оказавшись от нее на расстоянии, употребил весьма энергичное выражение.

Но ведь это был текст Нового Завета, Святая Святых, куда входить без благоговения и призвания — святотатство. И отец, как огненный херувим, стоял здесь на страже. Он еще потому, наверное, так ревностно реагировал, что находил ее опыты небезнадежными. Конечно, евангельский текст требует коллективных усилий нескольких переводчиков, как это было хотя бы при митрополите Дроздове в XIX веке. Но в пределах Новой Деревни в веке XX такой коллектив только зарождался.

* * *

Ни дня не прошло без него за минувшие четырнадцать лет. Любая встреча с друзьями — молитвенная, праздничная, печальная — всегда в его незримом присутствии. Всегда кто-то обратится к нему за примером. Утреннее правило каждого дня (мое) включает Молитву учеников Христовых — бесценное его творение.

А сколько ходит рассказов о чудесах, связанных с его именем! Разумеется, каждый надо проверять, отсеивать фольклорные примеси, чем, может быть, когда-нибудь займется специальная комиссия. Но внезапное выздоровление венесуэльского священника отца Карлоса Торреса, который, безнадежно заболел, в 1995 году просил отца Александра о заступничестве, о молитве за него перед Господом, — случай, известный всему миру и, что важно, официально зафиксированный.

Радио-1 (Российское радиовещание) в 90-е годы вело специальную передачу «Из звукового архива отца Александра». Я отвечал на письма радиослушателей. Однажды пришло письмо из Якутска... Наталья Николаевна С. Женщина 56 лет. Церковным человеком себя не считала, прочитала одну брошюру о. Александра «Проповеди Пасхального цикла», об авторе не думала, никакого места в ее жизни он не занимал. Лишь раз видела его выступление по телевизору. В приливе крайней депрессии (семейный конфликт) решила уйти из этого мира... Приготовила веревку, приладила к трубе. Осталось вытолкнуть стул... И тут совсем рядом она почувствовала, увидела свечение, увидела отца Александра. И услышала его голос: «Тебе еще рано туда, твое время еще не кончилось. Не делай этого». И она послушалась.

Я храню многие письма, адресованные и в студию, и в Фонд А. Меня. Вот несколько фрагментов из них.

«Мир Вам, братья и сестры! 10 минут назад слушал Вашу передачу — проповедь Александра Меня о любви.

Братья мои! Какая это сила!!! Я не слышал ее полностью, но и то, что услышал, поразило меня точностью обличения, как будто он говорил обо мне. Какая это сила! Истинно через него говорил Дух Святой, не боюсь обмануться.

Я был так счастлив, узнав, что Вы можете выслать кассету с этой проповедью. Слава Богу, что я не лег спать и слушал радио, настроившись на вашу волну. Дорогие мои, прошу Вас, пришлите мне эту проповедь, уверен, что близкие мои, христиане, будут с таким же благоговением слушать ее».

Горбун С.Ю. г. Херсон.

«Обращается к Вам психолог детского учреждения. После нескольких ваших передач я поняла, как необходимы проповеди этого удивительного священника мне и моим коллегам-педагогам. Живем мы в трудное время на Кольском полуострове, в небольшом городке и стараемся нести любовь и добро нашим воспитанникам, детям. Многим из них трудно ходить – нарушение опорно-двигательного аппарата. Но после жгучих слов отца Александра не ходить, а летать хочется».

Бесова Л.В. Кировск.

«Мне посчастливилось услышать отрывок из проповеди Александра Меня, где он говорит о возрождении веры в Бога и о великой участи России, если вера в ней возродится. Хотя сам я некрещеный (русский, из крестьянской семьи), меня это чрезвычайно интересует. Особенно после того, как я по совету отца Александра познакомился с Новым Заветом. Там сказано, что Христос снова придет на землю, что Он жив. Как нам узнать Его: в лице друга или, может быть, в прорези прицела?.. Неужели нам, русским, суждено Его снова убить?!»

Назаров Б.К. Екатеринбург.

«...Не знаю, как мне благодарить вас! Все драгоценно мне в этом человеке, каждое слово ложится на сердце... Я всего лишь три года как посещаю храм (со дня открытия). Грех признаться, но я не испытываю от Божественной Литургии ничего, кроме усталости. Стараюсь не пропустить воскресной службы, но стоять трудно, а сидеть стыдно. Не знаю, как поступить... Говорят, нельзя любить творенья Господа больше Его Самого. Но ведь Сам Господь так возлюбил мир, что отдал Сына Своего едиnorodного... А я так люблю жизнь, природу, радуюсь каждому дню, люблю любую погоду... Отец Александр убедил меня, что это не умаляет моей любви к Богу».

Л.Л.Г. Геленджик.

«14 февраля случайно услышал передачу о Творце и творчестве, которую вел отец Александр Мень. С того дня я находился в поисках истины. Прошла Пасха... В нашем городе растут, как грибы, Церковь Христа, Церковь евангелистов, Соборная единая церковь, Новоапостоль-

ская церковь и т.д. Везде я побывал и нигде не нашел то, что ишу. Одни поют и танцуют под орган и гитару в стиле кантри, другие вывешивают непонятные флаги... А там нужно каяться прилюдно в своих грехах. И все, цепляясь за одну строчку из Евангелия, объявляют себя истинной Церковью. Все это смущало меня. Но голос, который я услышал в вашей передаче, как будто подсказал искать дальше. И я наконец пришел в Православную церковь. И у меня, кажется, началась настоящая жизнь. Дай вам Бог продержаться в это нелегкое время! Да пошлет Он вам спонсора, сознающего, как вы сегодня нужны!»

Кулгунин М.М. Башкортостан.

«Никогда не думал, что с такой простотой и проникновенностью можно говорить о самых главных вопросах жизни. Я впервые слышал живой голос Александра Меня. Истинно, этот человек говорил, как власть имеющий — о вольных и невольных грехах наших, о том, что часто мы не ведаем, что творим...»

Пономарев В.С. Пермь.

«Я работаю в краевой фильмотеке народного образования, которая осуществляет бесплатный прокат учебных аудио- и видеопрограмм. Как быгодились нам проповеди Меня и фильмы о нем. Как спасительно слышать его голос сегодня!»

Алексанов А. Краснодар.

«Я живу в деревне. Слушаю все ваши передачи. Хочу проникнуться всем светлым, что дарят нам Бог и христианство. Был бы счастлив получить кассету с проповедями отца Александра. Их так недостает в нашей глуши.»

Доронин Г.М. Саратовская область.

«...Несколько радиопередач и книг Александра Меня, которые я купил в Москве, открыли мне новые и необъятные горизонты веры... Он был послан нам Господом как пример пастырской службы, как пример современного христианина XX века. И мы все, кто считает себя православными христианами, не имеем права забыть этот пример, не имеем права молчать сегодня. Нужно

бороться и идти вперед – каждому в своей повседневной жизни. Нести слова веры и любви, которые с такой силой и ясностью помог найти нам отец Александр Мень».

Ильин Д.Ю., студент, 26 лет. Луганск.

«Уважаемые во Христе братья и сестры! Обращается к вам священник Русской Православной Церкви отец Иоанн. Очень тронула меня передача об отце Александре. Его правда была чистой и духовно-нравственной. Люди, не любящие правды, убили пророка любви и милосердия. Но нельзя убить чистую душу, его святыне проповеди, которые он принес в мир. От прикосновения к ним сердце, которое уснуло, просыпается. Его слова – это подвиг, подлинная любовь. Увы, наша жизнь похожа часто на долину слез... Но такие пастыри, как Мень, подсказывают, что и в этой долине цветут оазисы. Радость и надежда не покидали его... Крепитесь, дорогие, всегда волей Божией».

Криль И.Е. Тернопольская область.

Голос отца Александра... Печатный текст – тоже его голос. И все же в звучании есть некая аура, которая буквами не передается. Нет-нет, текст от этого не становится беднее. Но голос – это как бы еще одна его ипостась, не воспроизводимая на бумаге.

* * *

С кем это я раздирающе душу, азартно
Спорил во сне? И с полночи заснуть уж не мог.

Клавишу рядом нажал – светлый голос отца Александра
Смысл нанесенную смуту, как горный поток.
Цивилизация наша, конечно, порочна.
Входит в нее техногенное детище прочно.
Нету покоя нигде, даже не снится покой...
Все же хвала ей за то, что и денно и ночью
Есть очистительный голос его под рукой.

* * *

В сборнике «Вокруг имени отца Александра» перепечатано с небольшими сокращениями его письмо 1971 года — «Письмо к Е.Н.» Это ответ на критику «Сына Человеческого», ходившую по рукам в самиздате. Критику предвзятую, беспелляционную, характерную для того круга верующих, который считал себя оплотом истинного православия. Не утруждая себя правилами приличного тона, корреспондентка обнаруживала элементарное невежество по многим вопросам. Батюшка подробно на них останавливается, цитируя и ссылаясь на источники. Он счел нужным пространно ответить на рецензию, наверное, еще и потому, что ее голос был голосом из хора. Те, кто интересуется содержанием ответа, могут прочитать письмо, из которого становится ясно, кто в действительности был выразителем православия, а кто — осквернителем. Но я сейчас не об этом. Я о беззащитности положения, в котором обвиняемый защищает себя сам. Положение отчаянное, не имеющее поддержки со стороны. Разве что со стороны апостола Павла: «Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся».

Несмотря на благодатную поддержку свыше, у отца Александра были поводы чувствовать себя порой в полном одиночестве. Критики разных мастей и калибров выступали (и выступают) против него стаей. А он защищался в одиночку. Потому что перед лицом опасности собранный и готовый ко всему человек в конце концов остается один.

Та же уверенность, диктовавшая апостолу слова: «Мы ото всюду притесняемы, но не стеснены», позволяла отцу протоиерею свидетельствовать: «Двадцать лет я служу Церкви Христовой своими малыми силами, из них двенадцать у Престола Божия, и никогда, сознательно или бессознательно, не имел ничего общего ни с “толстовщиной”, ни с “арианством”, ни с “докетизмом”, ни с другими заблуждениями, которые Вы мне приписываете. Я сознаю, что я полон слабостей, недостатков, грехов, разумеется, не чужд и ошибкам, но сколько помню себя, всегда был верен учению Церкви». Это свидетельство, опирающееся на личный опыт, со стороны невозможно опровергнуть. «Некоторую модернизацию языка, — пишет он, — я не считаю ошибкой. И в этом строго следую святоотеческим заветам». Его не оставляет апостольская поддержка: «Мы гонимы, но не оставлены. Низлагаемы, но не погибаем». Его слова, сказанные со властью, неопровержимы.

Упоминает он и некоторые, так сказать, объективные доводы в свою защиту: свое христианское воспитание, полученное под благословением и руководством православной Церкви, положительные отзывы о книге духовных лиц и просвещенных мирян, публикацию отдельных глав в ЖМП, а также в православных зарубежных изданиях, наконец, выход «Сына Человеческого» в католическом издательстве. «Не мне судить о том, выполнила ли книга свою задачу, но, когда я писал ее, я м о л и л с я (разрядка моя. — А.З.), — приводит он главный довод, — чтобы она была полезна тем, кому я ее посвятил: всем ищущим истину». Молитва — вот неопровержимое алиби того, кто стоит перед Богом.

Читая это письмо, испытываешь некоторое смущение — ведь отец Александр защищается, чуть ли не оправдывается... Он, который свободно мог бы сказать «не принимаю славы от человеков», опровергает превратные толкования своего текста. В то время еще не появилось анонимное письмо, обвиняющее священника в сионистских происках. Но сети уже были расставлены на молодого и популярного пастыря, дай только повод... Рецензия, «вскрывающая» антиправославные взгляды автора, могла оказаться подходящей наживкой для ушлых рыболовов из Комитета по делам религии, промысляющих в мутной воде...

Так или иначе, священник защищается, как решил защищаться апостол Павел, потребовавший суда у кесаря. И он был тогда одинок в предстоянии земному и небесному Царю.

Но, к счастью, женщина, получившая ответ отца Александра, раскаялась в своем поступке, уразумев христианскую суть книги «Сын Человеческий». Она была той самой заблудшей овцой, за которой батюшка наш полез в яму, не устыдившись оправдательных мотивировок.

Кроме того, это была еще творческая позиция. Разве может кто-нибудь адекватно оценить труд художника?..

Когда-то, 19-летним юношей, он написал книгу «Исторические пути христианства». Книгу читали близкие по духу люди. Кому-то из его наставников книга не понравилась. Состоялся разговор, который не только не пошатнул авторскую позицию, а, напротив, еще более укрепил ее.

Трудно защищать себя, почти невозможно... Попробуем представить Владимира Соловьёва, подробно, в частном письме разъясняющего смысл своей «России и вселенской Церкви». Но никакие аналоги из прошлого нам не подходят. Нет аналогов российской действительности минувшего столетия.

Крещение Насти Зориной. Новая Деревня. 1978 г.

* * *

В нашем приходе было много детей. По воскресеньям дворик перед храмом походил на детскую площадку. Особенно летом, в солнечные дни, сразу после окончания службы.

У священника с детьми были свои отношения. Ведь они у него исповедовались, доверяли то, что, может быть, скрывали от родителей. Казалось, что он с ними заодно, не желая упрощать их проблем, умалять их жизни. Однажды моя дочка забыла у него в доме куклу и, хватившись уже за калиткой и видя мое нежелание возвращаться, — заревела. Я не хотел лишней раз беспокоить хозяина. Однако пришлось. Батюшка улыбнулся: «Для нее кукла — это серьезно. Она ее любит не понарошку».

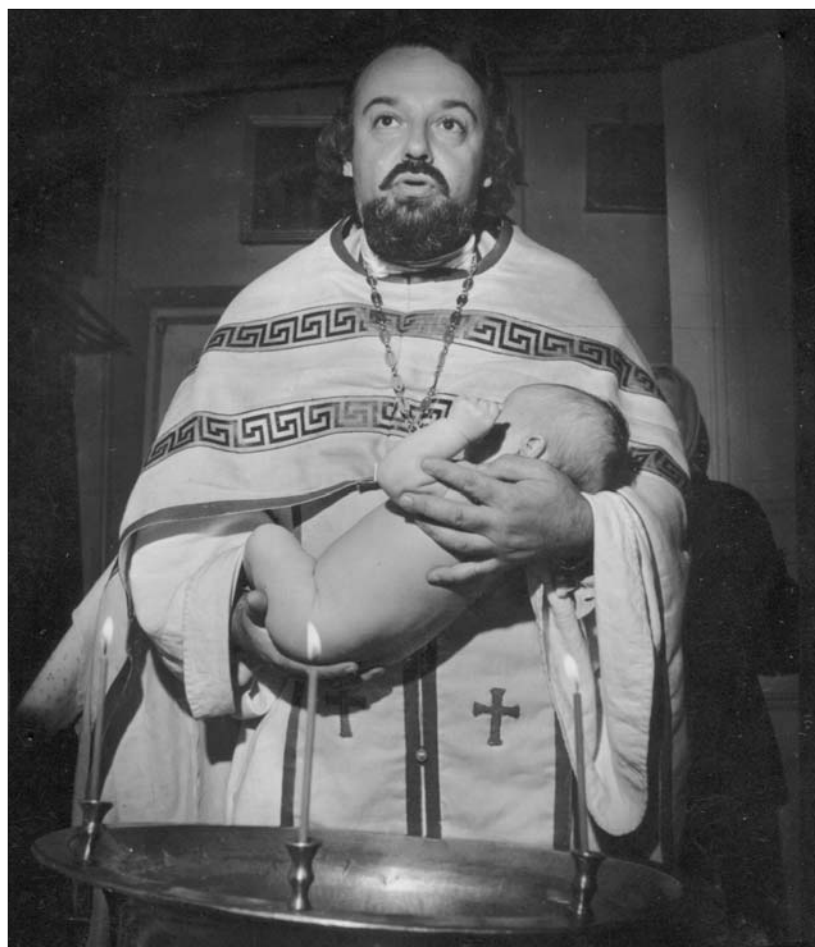
В зоологическом музее, куда он наконец-то выбрался на экскурсию с детьми, в том самом зоологическом, где он провел столько времени в детстве, он в окружении детишек был похож на деда Мазая. «Зачем мамонту такие огромные бивни?» – спросил он ребят. «Для того чтобы защищаться от диких зверей», – пропищала рядом стоявшая прилежная девочка. «Нет, – ответил священник, – в основном для того, чтобы разгрести снег и добывать себе пищу, всякие травы и корешки».

Когда отца Александра не стало, я попросил своих дочек написать то, что они помнят о нем.

Настя

Дом отца Александра был открыт для всех. Не проходило дня без посетителей. Мы дружили с его внучкой Алькой и иногда летом гостили в их доме. Мы очень любили приезжать туда, в большой дом со множеством комнат. Любили сад, где могли бегать, и играть в прятки, и лазить по деревьям. А главное, мы могли есть любые ягоды и яблоки в саду. Этот сад был для нас, наверное, райским...

Целыми днями отец Александр отсутствовал – храм ведь был далеко от дома. Когда случалось, что не ездил в храм – что было редко, – он сидел за письменным столом в своем светлом кабинете, сплошь заставленном книгами. В углу – большой иконостас, старинные иконы, лампада, которую он зажигал перед молитвой. Иногда утром или вечером отец Александр молился здесь вместе с нами. Это не была та скучная и долгая молитва, которую мы слышим в некоторых храмах (не во всех, конечно), – когда дьякон растягивает слова и ты, не понимая их смысла, отвлекаешься и думаешь о разном... Такое впечатление, что молитва исходит не из сердца, а из живота... Здесь же каждое слово было крепким и значительным. Батюшка весь уходил в молитву – собранный и серьезный. Нам, наверное, передавалось его состояние: я тоже пыталась сосредоточиться и ни на что не отвлекаться. Тоже молиться, а не наблюдать тайно, как молится отец Александр. Я видела, что он по-настоящему разговаривает с Богом. Непонятно, то ли время для молитвы было коротким, то ли проносилось оно мгновенно... Он произносил на память несколько известных молитв, читал Евангелие и своими словами благодарил

Крещение Насти Зориной. Новая Деревня. 1978 г.

Бога за все, просил о мире, о нас, о наших родителях. Мне бы хотелось всегда следовать такому молитвенному правилу — короткому и понятному. Но, кажется, оно для меня все еще недостижимо...

Я была тогда маленькая и глупая и, наверное, утаивала кое-что на исповеди, в чем-то боялась признаться... Чего боялась? Ведь он никогда и ни за что нас не ругал. Сейчас, когда у меня возникают уже серьезные проблемы, я обращаюсь к нему, зная, что он услышит. Так и вижу его, стоящего рядом с закрытыми

глазами и сложенными на груди руками. Слышу его тихий, но очень сильный голос.

Если он заставлял кого-то за книгой, всегда поинтересуется, что за книга, и тут же начнет рассказывать о ней или об авторе. Конечно, его знания приводили нас в восторг. Не верилось, что человек может так много знать! Случалось, что, просыпаясь утром, мы находили на стуле стопку книг, которых не было накануне. Это он сам отбирал для нас то, что считал полезным.

Нам, конечно, хотелось побыть с ним дольше, но мы знали, как он занят, как рассчитано по минутам его время. У нас то каникулы, мы торчали на кухне, не торопясь потягивали чай или кофе, жевали бутерброды, куда спешить... А он буквально прилетал на кухню, подогревал чайник и с парой бутербродов и дымящейся чашкой спускался к себе. А иногда в гостиную, где телевизор, — послушать новости. Кажется, он всегда принимал пищу, совмещая это с каким-нибудь делом. Поэтому чашку отца Александра можно было найти в любой комнате, только не на кухне. Частенько он и нас спрашивал: «Девчонки, не видели мою чашку? Ах да, я же утром ее оставил в кабинете!»

И все-таки он находил время пообщаться с нами. Чаще всего это было вечером, когда он возвращался домой. Только услышим внизу его веселый голос и крепкие шаги, бежим встречать его. И тащим к себе на второй этаж, к своим рисункам, рассказываем всякую всячину. Ему бы отдохнуть, поужинать, растянуться у телевизора. А он охотно идет за нами, вникает на полном серьезе в нашу болтовню. А потом сажает кого-нибудь на колени и перед сном рассказывает об Иисусе, о Вселенной, о двух мирах — добра и зла, которые разделяют людей. Конечно, мы задавали ему всякие глупые вопросы, и он, улыбаясь, объяснял, чего мы не понимали. Но вдруг посмотрит на часы и покачает головой: «Как мы с вами заговорились! Уже поздно. Ложитесь спать, завтра будет новый день». И мы не возражали, хотя, конечно, можно было бы еще слушать и слушать...

А однажды перед сном, лежа в постельках, мы лакомились ягодами, которые собрали специально для такой вот ночной пирушки. Слышим шаги и тихий стук в дверь: «Девчонки, вы еще не спите?» Его голос. Нам было и страшно — за ягоды — и весело. Он сел у открытого окошка, зажег маленькую лампу и стал читать чудесного Льюиса...

С его голоса я помню Жюль Верна и Рэя Брэдбери. Брэдбери он читал, пожалуй, чаще других... Читал он так, что захватывающая история в тот момент была единственной реальностью. Ни открытого окна, ни комнаты, ни самого отца Александра не было рядом, а только какой-нибудь загадочный инопланетный мир. И его тихий и сильный голос.

Частенько он очень поздно уходил от нас — отпускать его так не хотелось, хотя у самих слипались глаза. Сквозь еще не крепкий сон слышно было, как он закрывал книгу, гасил свет, подходил к каждой — крестил и целовал в лоб. Мы засыпали счастливые — потому что он был нашим ангелом-хранителем.

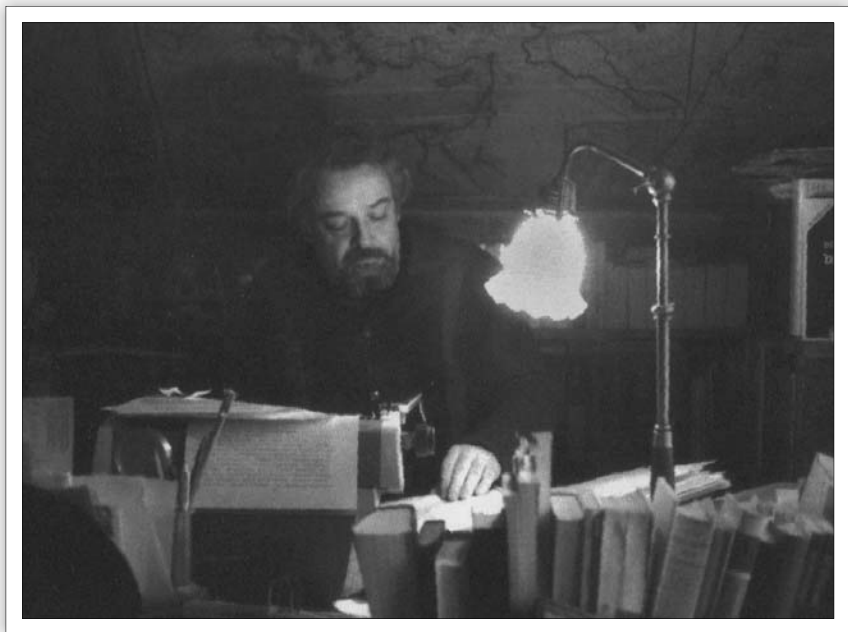
Полина

Как-то после завтрака мы играли в саду. К нам подошел отец Александр и сказал, что может установить для нас микроскоп. Мы обрадовались и побежали за ним. Когда все было готово, мы уселись вокруг стола и по очереди смотрели в микроскоп на каплю воды. Когда же отец Александр ушел, стали класть на зеркальце все, что было под руками: ластик, скрепку, птичье перышко.

Мы, наверное, отвлекали его по разным мелочам, хотя знали, что лучше этого не делать. Но ведь он с радостью отвлекался. Как будто ждал, чтобы мы его о чем-нибудь попросили.

А однажды мы втроем сидели перед телевизором и смотрели фильм ужасов. Отец Александр стучал у себя в кабинете на машинке. В самом страшном месте я отвернулась от телевизора и уткнулась носом в кресло, чтобы ничего не видеть и не слышать. Девчонки рядом тоже тряслись от ужаса. И вдруг я почувствовала, как кто-то коснулся моего плеча. Я еще сильнее испугалась и вскрикнула. А когда открыла глаза, увидела, что это отец Александр, и, конечно, обрадовалась. Он пришел в самый нужный момент, хотя и не знал, что мы смотрим этот жуткий фильм. Почувствовал, наверное, что должен быть рядом. И он остался смотреть с нами фильм, отложил свои дела. В самых страшных местах он обнимал нас и прижимал к себе, и нам было совсем не страшно.

А когда фильм закончился, он сказал, что это ерунда — в жизни бывает по-настоящему страшно, и мы должны уметь выстоять.

о. Александр Мень в своём кабинете. Семхоз. 1986 г.

Кому нужен отец Александр?

Храм Воскресения Словущего на Успенском вражке, уже не помню, который по счету, куда я принес для продажи книгу Александра Мень «Практическое руководство к молитве». Я давно собирался зайти сюда, где находится чудотворная икона «Взыскание погибших», перед которой в 1912 году стояли под венцом юные Марина Цветаева и Сергей Эфрон. В годы, когда большинство храмов сметали с лица земли, этот не тронули, потому что рядом жили знаменитые артисты. Они заступились: новая власть, как известно, артистов уважала. Хотя и не церемонилась, убирая тех, кто пришелся не по вкусу главному режиссеру Советского Союза. Поблизости жил Мейерхольд, перемещенный в конце концов на Лубянку, Зинаида Райх, растерзанная и убитая однажды ночью... Храм был безмолвный свидетель народной скорби — с него сбросили колокола...

В главном приделе шла уборка перед вечерней службой, и я, ошпаренный шипящим шепотом «приспичило», по стеночке пробрался к чудотворной иконе.

Взыскание погибших — значит, искать, разыскивать, найти самых безнадежных. «Сын Человеческий пришел взыскать и найти погибшее».

В свечном ящике тусклый свет падал на книжные обложки: «Акафист перед иконой Божией Матери», «Последование в светлую неделю», «Русь державная», еще две-три брошюры.

Я поздоровался и тихо спросил:

— Не могу ли я предложить книгу, изданную по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, что засвидетельствовано на титульном листе?

Такое обстоятельное начало моего обращения обусловлено тем, что книгу, которую я принес, увы, следует предлагать осторожно. Если начать с имени автора, разговор может оборваться сразу и высокопреосвященнейшее благословение, на которое я в основном надеялся, останется при мне и делу не поможет.

— Ой, я не знаю, я только продаю, — вежливо уклонилась от ответа женщина, — спросите старосту Автонома Семеновича.

Староста только что вошел с улицы, слышен его сердитый голос:

— Почему лампадки не зажгли? Уже пять часов! Ничего не хотят делать!

— Автоном Семенович? — обратился я к нему деликатно, как и подобает обращаться к начальству.

— Он самый.

— У меня к вам вопрос.

— Какой вопрос? По какому вопросу?

— Хочу книгу предложить для продажи...

— Книг не берем, денег нет.

— Так ведь она вам деньги-то и принесет.

— Что за книга?

— Книга, на титульном листе которой значится, что издана по благословию митрополита Ювеналия...

— Кто написал?

— Протоиерей Александр Мень.

— Нет. Не возьму. Денег нет, крышу надо крыть, двери менять.

Положив земной поклон перед «Взысканием погибших», направился я в университетский храм священноймученицы Татианы.

Здесь под книги отведена отдельная комната, большие витрины, сразу видно, прихожане — народ читающий. Среди большо-

го и разнообразного ассортимента я насчитал пять книг Иоанна Снычева, бывшего митрополита Петербургского, известного своей нетерпимостью к инородцам, инославным, инакомыслящим.

— Нельзя ли вам предложить книжечку? — почти без надежды спросил я, видя плотно составленные обоймы журнала «Москва», где не раз печатались пасквильные статьи против убиенного протоиерея.

— Нельзя. Книгами занимается другая женщина, а ее сейчас нет. А что за книга?

— «Практическое руководство к молитве». На титульном листе... — и далее по всей форме вывожу я свое предуведомление.

— А кто автор-то?

— Отец Александр Мень.

— Нет.

— Почему вы так уверены, если этот вопрос решает другой человек?

— Меня мы не продаем. Батюшка не благословляет.

— А сами вы читали что-нибудь из его книг?

— Читала, не помню что, про Церковь...

— «Таинство, Слово и Образ»?

— Кажется...

— Она показалась вам антицерковной?

— А я не вникала. Я вообще люблю святоотеческое читать, — призналась благодушно настроенная продавщица.

— Я смотрю, вы продаете книги, в издании и даже в сочинении которых принимал участие отец Александр Мень.

— Это какие же?

— Нет, уж лучше я их не назову...

От священикомученицы Татианы два шага до Малого Вознесения, храма, расположенного напротив консерватории. При храме — книжная лавка, куда наверняка заглядывают студенты и публика, идущая на концерты или в театры — их в округе несколько. Откажут, наверное, и в этом... Как будто держат круговую оборону — в самом центре Москвы. Отказывают иногда беспричинно, просто молчат, как набрав в рот воды, а иногда выставляют наивные аргументы: «Не надо нам Меня, нам его не велят». — «А почему не велят?» — «Он к Будде хорошо относился».

В книжной лавке Малого Вознесения — все тот же Иоанн Петербургский, увенчанный воспоминаниями о нем, книгой «Венок на могилу митрополита».

Мой пролог «С благословения» и прочая дама в очках дослушала до конца и спросила:

- Кто издал, какое издательство?
- Фонд Меня.
- Фонда Меня мы не берем.
- Даже с благословения митрополита Ювеналия?
- А мы ему не подчиняемся. Ну хорошо, принесите, покажем нашим батюшкам. А кто написал книгу?

– Отец Александр Мень.

Она вздрогнула.

- Нет-нет, Меня мы не продаем.
- Отчего же? Что вы так ужаснулись?
- Он в своих книгах допускал еретические измышления.
- Какие же, интересно?
- Я сама не читала. Ну вот о чуде перехода через Чермное море. Якобы ветер подул, разогнал волны и евреи прошли по дну. Как он мог отрицать чудо?!

– Неправда, он пишет, что чудо сотворил Господь, но только естественным образом.

Упрек, касающийся перехода через Чермное море, я слышал не раз. Видимо, кто-то из недобросовестных оппонентов отца Александра выразил его печатно. Источник явно один. Дома я открыл это место в «Магизме и Единобожии». Отец А. Мень пишет: «Это было несомненное чудо, хотя внешне действовали обычные стихийные силы. В том, что помощь воды и тьмы, бури и грома явилась столь своевременно, израильтяне почувствовали охраняющую руку Провидения». Как говорится, написано черным по белому.

– Да, естественно, – вскипела моя собеседница. – Так объясняют протестанты. Зачем чудо вообще объяснять?

– Человеческий ум любознателен, человек всегда будет размышлять над законами природы.

– Человеческий ум падший. После грехопадения нас тянет на грех. Вот он и будет размышлять и тянуться к греху. Чудо оно и есть чудо. Размышлять о нем – значит, не верить Богу. – И добыла автоматически: – Простите, если чем обидела.

И все же наш рискованный разговор оставался в границах приличия, о чем я подумал с облегчением, вспомнив своего друга поэта Игоря Калугина. Лет пять назад он приехал с чemoданом книг в Оптину пустынь. Кто только не работает в наше время коробейниками, поэты в том числе, тем более если товар – книги. Игумен монастыря благословил его, не заглянув

в чемодан, и направил к священнику, заведующему книжной торговлей. Когда товар был выложен на стол и обнаружили три книги отца Александра, священник объявил: «Складывай все обратно и проваливай как можно быстрее, пока тебя отсюда не вынесли ногами вперед».

Так что я благодарил Бога, что вышел из лавки Малого Вознесения своими ногами, как и мой друг из покоев Оптиной обители, не на шутку, впрочем, испугавшийся.

В начале девяностых христианская иностранная миссия прислала в Москву гуманитарную помощь и доверила храму Св. Владимира в Старых Садах распределить ее между нуждающимися. Получил уведомление о помощи и я, и, не откладывая, отправился за нею. Молодой человек вежливо попросил у меня паспорт, сверился со списком и выдал положенную коробку с продуктами. А я, не подозревая реакции, протянул ему в благодарность несколько иконок-открыток с изображением Фатимской Божией Матери. Сережа — так звали молодого человека — узнал их явное неправославное происхождение, хмыкнул и... спрятал — подальше от глаз. Возникла неловкость. «Может быть, я смогу помочь приходу книгами отца Александра? — подумал я. — Обойдется дешевле, если я свяжу их напрямую со складом издательства. И с этими дерзкими, как оказалось, намерениями поднялся на второй этаж к настоятелю отцу Сергию Романову. Батюшка выслушал мои пожелания и поспешно ответил: «У нас уже много всяких книг закуплено. На Меня денег нет». А вежливый Сережа, которому я передал наш короткий разговор, уточнил: «Но ведь Меня экуменист!» «Что же предосудительного в экуменизме?» — удивился я. «А вы разве не знаете? Экуменизм хочет все религии соединить». — «Неправда. Экуменизм ратует за понимание друг друга, за сближение христианских церквей». «А зачем нам с кем-то сближаться? — возмутился молодой человек. — Православие считает католиков и протестантов еретиками». — «Когда же и кем определено так считать? Где об этом написано?» Сережа жалостливо посмотрел на меня. «Где написано? В Евангелии». И кротко добавил: «Вы только не обижайтесь».

Какое может иметь представление о Христе человек, уверенный, что в Евангелии сказано о католиках и протестантах? Примерно такое же, как у той монахини, с которой я однажды познакомился возле могилы Владимира Соловьёва в Новодевичьем монастыре. Очень горячо она меня наставляла:

«Никому не говори, что Дева Мария еврейка. Грех на душу возьмешь».

С неприятием отца Александра в Церкви после его мученической кончины я столкнулся тогда впервые. Позже появились погромные публикации в журналах «Москва», «Кубань», в ряде газет. «Троицкий благовестник» напечатал анонимную брошюру, в которой постарался смешать с грязью имя отца протоиерея. Вскоре эту брошюру перепечатали, присовокупив антисемитскую апологетику Феликса Карелина. Одним словом, атаку повели слева и справа, из пищалей и дробовиков, а также из современного дальнобойного оружия. В этой неистовой канонаде потонуло признание Патриарха, оповестившего общественность, что он анафематствующую кампанию не благословлял. Странно, что слово первоиерарха не имеет силы в Троице-Сергиевой лавре, игуменом которой он является. Этот монастырь запускал своих специалистов на епархиальные собрания для того, чтобы те инструктировали собравшихся, как следует изобличать еретика Александра Меня.

По счастью, такое огульное неприятие встречается не всюду. Есть священнослужители и епископы, желающие прочесть опального автора, о котором Патриарх еще в 1992 году высказался определенно: «Отец Александр был талантливым проповедником слова Божия, добрым пастырем Церкви, он обладал щедрою душою и преданным Господу сердцем... Не все его суждения полностью разделялись православными богословами, но ни одно из них не противоречило сути Священного Писания, где как раз и подчеркивается, что “надлежит быть разномыслиям между вами, дабы явились искуснейшие”».

На самом деле это и есть благословение на свободный доступ трудов отца Александра в книжные лавки приходов.

Двойственное отношение Церкви к популярному проповеднику подтвердила, со слов своего духовника, сестра Евлампия, монахиня из Калуги: «Батюшка слышал от владыки, что Синод разделится во мнении относительно отца Александра».

Из Архангельской области приезжают раз в месяц, тайно от архиерея, в Фонд имени Александра Меня два батюшки и с наполненными рюкзаками спешат в тот же день на вокзал.

Есть и такие, которые берут сначала несколько книг «на пробу» и, если раскупаются, просят еще. Коммерческий подход у них выше идейных и прочих соображений. Дьякон из Питера, священник из Смоленска... Впрочем, в Смоленской епархии, сам видел, многие священники и монахи имеют книги отца Александра и на приходе, и у себя дома. В свое время семитомник «История религии» поступил в епархиальное ведомство и в книжные магазины Смоленска.

У благочинного, иеромонаха отца Сергия весь изданный Мень стоит на двух полках. Батюшка молод, но широкая борода, спокойная умудренная речь скрывают его настоящий возраст. Кстати сказать, средний возраст священников в этой епархии — около тридцати.

У отца Сергия большая библиотека, где кроме религиозной литературы — собрания сочинений русской и мировой классики, в том числе Дюма, Мопассан. Есть библиотека и на приходе. Тома Меня там не залеживаются.

Он познакомил меня с учителем Николаем Анатольевичем Пожарским, который преподает в местном техникуме предмет отнюдь не духовный — сопромат. Он обратился и пришел в Церковь, прочитав «Сына Человеческого». Я выслушал целый реферат о творчестве Александра Меня, книгу которого учитель держит на столе рядом с Евангелием.

Сходная ситуация и в другом благочинии, во главе которого — энергичный, могучий видом и голосом батюшка. На воскресных службах здесь много молодежи. После службы — общая трапеза и занятия. Что-то вроде катехизаторского семинара. Не последовательный курс, а ответы на вопросы, накопившиеся за неделю. Отвечает и батюшка и руководитель группы, прислуживающий в храме алтарником. Аудитория — городская интеллигенция: врачи, художники, учителя, студенты. Книги Александра Меня для них — попросту учебники.

Приведу еще пример из третьей епархии. Разговор со священником, тоже молодым, пребывающим, судя по всему, в сомнениях «страха ради иудейска».

Он сразу сказал, что об отце Александре мнения не имеет.

— Почему же? — полюбопытствовал я.

— Да все как-то не попадают его книги.

А позже, за столом, за рюмкой домашней настойки признался:

— Скажу откровенно, я умышленно не читаю книг Меня. Спрашивают — надо отвечать. А я боюсь ответить неверно,

чтобы потом на Страшном суде за свое самоволие, за свой неверный ответ настоящий ответ не держать.

Я, наверное, изменился в лице, сраженный таким доводом. Пожалев меня, он продолжал:

— Вообще же, я читал «Магизм и Единобожие», еще что-то. И эти книги, помнится, мне очень помогли. А «Сына Человеческого» я читал переписанного от руки, еще в начале восьмидесятых...

И ему нечего сказать, думал я, об отце Александре людям, ищущим Бога, не умеющим отличить правой руки от левой. Он не читает, чтобы не иметь мнения, чувствуя, что оно может оказаться в пользу автора, и тогда он поставит себя в опасное положение. Знает же, как архиерей относится к Меню, и по головке не погладит, засунет куда-нибудь в глушь, в нищий приход. А здесь — хозяйство большое, дом просторный, дети музыке обучаются, налаженные связи. Так что лучше уж не смей свое суждение иметь. А главное, со Страшным судом все в ажуре. А ведь он не за горами. «Время близко. Приметы конца света видны невооруженным глазом, — горячился мой собеседник, — бедствия, скорбь в народах, трус на местах... Странно, что вы этого не замечаете!»

И все-таки многие сельские батюшки, с которыми мне довелось общаться, — на стороне гонимого собрата, чья мученическая смерть еще более ожесточила гонителей. Даже те, к кому действительно не дошли его книги, слышавшие от друзей, что «пишет интересно и доходчиво», — и те не разделяют огульной брани в его адрес. Хотя бы в силу сочувствия к жертве, в силу милосердия, все же неискоренимого в священнической среде. Здесь еще сказывается затаенная оппозиция к центру. Если ТАМ, наверху, не принимают, значит, что-то не так, что-то есть — от правды, которая колет глаза.

Зато книжные магазины иначе реагируют на Александра Меня. Их вкусы определяет покупатель. Областные центры заказывают Меня регулярно. Вот что поведала мне О.Н., управляющая религиозную литературу в российскую глубинку. Ее заказчики — десятки крупных областных городов. «Любая книга имеет потолок, предел насыщения, о котором я узнаю от партнеров. Меня — предела не имеет. Его рейтинг раз в пять выше, чем у любого автора. В прошлом году я впервые послала большую партию книг Меня в Томск. Томск молчал два месяца, а потом вдруг извещает, что книги отсылает об-

ратно. А в Екатеринбурге их перехватили, мгновенно продали и запросили еще. Оказывается, в Томске некому было ими заниматься, не было сведущих людей. А когда появились, стали волосы на себе рвать, узнав, что от них “ушел” Мень».

Из Москвы возить книги, конечно, накладно. В Фонд Меня обращаются иногородние книгоиздатели с просьбой печатать на месте. Несколько городов на Украине готовы хоть завтра издать любую книгу А. Меня и прежде всего — «Сына Человеческого». Общий тираж его книг приближается к девяти миллионам. Они переведены на четырнадцать языков, включая английский, французский, итальянский, испанский....

Отвергнутый многими православными приходами, он все больше и больше обретает признание в миру. Симптоматичное явление... Как будто Церковь в лице ее «стерильно мыслящих» представителей, ратующих за чистоту православия, отказывается от диалога с миром, который понимает современный язык отца Александра Меня.

Русское общество на протяжении многих веков было лишено такого диалога. Его отсутствие явилось едва ли не главной причиной трагедии, завершившейся семнадцатым годом.

Марина Цветаева, помянутая вначале, была как раз из тех великих русских художников, которые общего языка с Церковью не нашли. А ведь искала и она, в отчаянье обронившая однажды о посреднике между Богом и человеком: «Вечный третий в любви».

В столетний юбилей Цветаевой Церковь отслужила панихиду по убившей себя рабе Божией Марине, приняла ее в свое лоно. Задолго до этого отрадного события я спросил однажды отца Александра: можно ли мне молиться за Цветаеву? Он ответил: «Нужно. Мы своею любовью можем помочь ей и сегодня».

* * *

Глаза бы мои не глядели...
Все ширится шабаш химер...
Когда бы и в смертной метели
не теплилась музыка сфер.

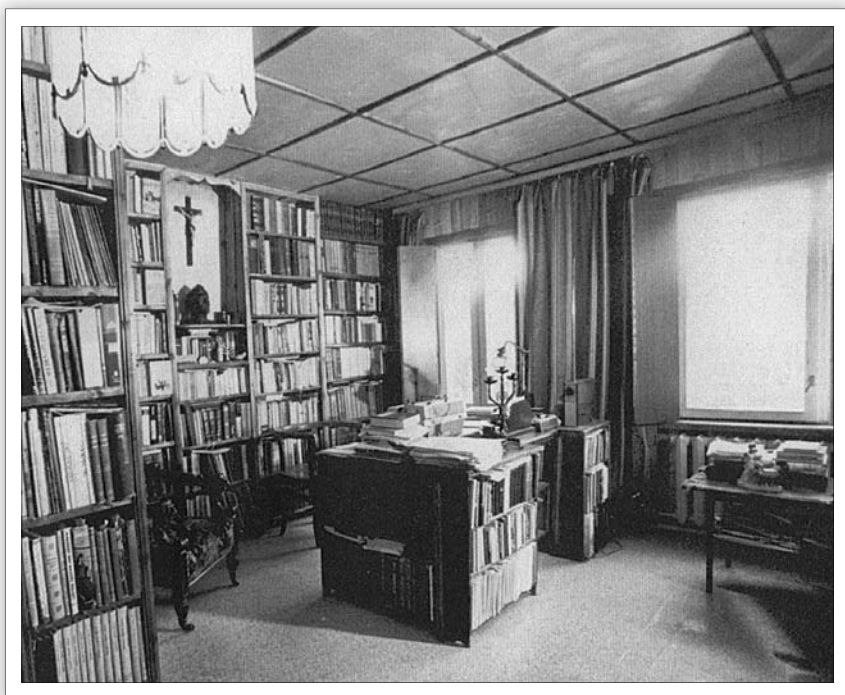
Когда бы в толпе одиночек,
в свечах, затопивших погост,

не виделось в мареве точек
великое дружество звезд.

Когда бы голодные звери,
запущенные на века,
пред нами в сакральном вольере
не схавали праведника.

Того, кто живейшею частью
был этого мира. И есть.
Чей явственный голос со властью
доносит предвечную весть.

Навряд ли бы я убедился
ценою бесчисленных потерь,
что Бог в человеке родился,
что с нами Он — здесь и теперь.

Кабинет о. Александра в Семхозе. 1990-е годы.

Домашние беседы

Среди домашних бесед с отцом Александром, записанных на магнитофон, есть одна, на мой взгляд, исключительной важности — не по содержанию, в этом смысле они все одинаково важны, а по условиям, в которых беседа происходила. Это была очередная встреча с группой прихожан. Собирались у кого-нибудь на квартире. Наверное, было воскресенье, вторая половина дня, кто-то приехал с детьми (не с кем оставить дома), у хозяев тоже дети — пусть пообщаются. Батюшка не раз говорил о приходских детях: «Может быть, они вырастут настоящими христианами». Квартирка размером с наперсток: комнатка, кухонька. Беседа предстояла серьезная — о посмертии. Грустно улыбаясь, прослушиваю я сейчас магнитофонную пленку: лучшего фона для этой темы не придумаешь. Фон — детские голоса, то и дело забывающие голос священника; феерия детского праздника в том варианте, когда дети бывают предоставлены самим себе.

Пусть поиграют в уголочке или на кухоньке... Хотелось бы, чтобы играли тихо, но — дети есть дети... Вроде бы отцу Александру говорить не мешают и, если плотно вслушиваться, можно уловить его ровный, заряженный лучистой энергией голос. Конечно, он обладал ораторскими способностями, конечно, чувствовал аудиторию и говорил на ее языке, но не это главное. Главное — сила Святого Духа. Это ощутимо и сейчас, в воспроизведении... И поэтому каждому, кто слушал проповеди, лекции, беседы отца Александра, казалось, что он обращается именно к нему.

Завидная выдержка, умение не отвлекаться на постороннее! О способах блокировать нежелательные мысли, об умственном контроле он писал в памятке «Практическое руководство к молитве». Натренированный ум автоматически отбрасывает наседающие помехи.

Стоит вспомнить, что одну из своих книг («У врат молчания») он заканчивал, буквально дописал последние страницы, после обыска, проведенного у него в доме. Оперативники ушли, прихватив материал для компромата, а он сел за машинку, от которой они же его и оторвали, и продолжил работу. Сила притяжения творчества, благословенного свыше, перетягивает устрашающие козни князя мира сего.

Ничто не могло поколебать его самообладание, сдвинуть мысль с заданного курса. Да он и не напрягается — беседует,

будто у себя в саду в беседке, а вокруг щебечут птицы. Но нельзя сказать, что он их вовсе не замечает. Вдруг поощрит – репликой, нейтральным словом.

Мне удалось расшифровать наиболее доступные фрагменты этой беседы, которая, кроме всего, имеет и символический характер. Слово священника, миссионера (Мень, кстати, у работников госбезопасности значился под кличкой «миссионер») преодолевает – увы, не окончательно – тарарам и кавардак окружающего мира.

Повторяю, это только часть беседы, столь невинно и радостно заглушаемой птичьим щебетом...

– Мы поставлены перед фактом: природа не дает свидетельств о благодати Творца. Природа сурова, жестока. Ее сложнейшие законы говорят нам о колоссальных интеллектуальных ресурсах мироздания, но только не о том, что в основе их лежит творческое начало и что оно является началом благим. В очень широком смысле можно сказать, что все основано премудро и благо, и, тем не менее, до конца это утверждать нельзя.

Первый воинственный крик и аккордные удары по игрушечному пианино. Сквозь шумовые залпы пробивается голос девочки: «Не бей меня, пожалуйста, не бей... Ты ведь не знаешь, где нота “до”, а я знаю». Шумовые залпы, минуя крещендо, сливаются в продолжительном фортиссимо...

Поэтому понимание Бога как высшего блага было настоящим открытием для греческой философии. И откровение ветхозаветных пророков о том же: Бог есть Бог добра и справедливости. Хотя выступает Он часто в суровом обличье, окруженный грозными атрибутами стихийности – небеса колеблются. Его присутствие уничтожает все окружающее. Он как смерч, как взрыв. Явление Божественной славы, по определению одного писателя, похоже на ядерный взрыв.

И на самом деле, тайну, что Бог есть любовь, открывшуюся в Новом Завете, человек вычислить был не в состоянии. Логически она не вытекала из того, что человек знал. Это явилось откровением свыше. Просветленным ликом. А вокруг стояли лики грозные, суровые, страшные – как в Мексике или Финикии. И они отражали правильное видение природы человеком. Природа действительно похожа на Молох, она действительно пожирает.

Значит, когда мы говорим о том, что за всем этим трагическим процессом стоит благодать, это вовсе не есть философское заключение, а это есть тайна, которая в конце концов сосредоточивается вокруг Христа. Он пришел явить нам эту сокровенную тайну. И когда ученики просили Его: «Покажи нам Отца», Он ответил: «Видевший Меня видел Отца». То есть видел Христа как абсолютное благо. За всем этим стоит любовь, которая нам непонятна и недоступна, непонятный и недоступный замысел, но — направленный ко благу.

Голос родителя: «Оль, возьми, сломает...» «Не сломаю, — отвечает малыш. — Смотрите все, мам, посмотри на нас!!!» Видимо, просьба обратить внимание не имела результата, и малыш стал громко и натужно кашлять — мол, я заболел, а вы все равно меня не замечаете...

Второе, о чем необходимо сказать, прежде чем говорить о посмертии: в силу какой-то таинственной для нас причины природа не являет нам царствование Бога. Мы говорим: Царство Божие приблизилось. Значит, его до сих пор не было. Абсолютное благо, исходящее от источника жизни, не господствует в мире. Оно находится все время в борьбе или в противостоянии с противоположными тенденциями. И по каким-то, я повторяю, таинственным причинам это противостояние снимается тем, что Божественная воля из мрака делает свет, из зла — добро. Конечная цель — если судить из Откровения Нового Завета — заключается в том, чтобы дух — подобие Бога в человеке — воплотился, обрел силу материи, имел реальность не только духовную, но реальность физическую, потому что, если бы это было не так, то Бог не создал бы вообще видимый мир. Таким образом, видимый мир, вся природа с игрой ее космических сил каким-то образом входит в замысел. И когда мы встречаем существо, сочетающее в себе дух и природу, мы видим, что это существо находится на вершине эволюционной лестницы. Даже если это существо в другом каком-нибудь планетном мире, то оно тоже будет сочетать в себе и то, и другое. Даже если это будет плазменное тело, как изображают некоторые фантасты, принципиально это не имеет значения: плазма вещь материальная. Принцип тот же: чтобы воплотился дух.

К такому существу на самом деле направлена вся эволюция. И об этом говорит нам апостол Павел, что вся тварь стонет и мучается, ожидая откровения сынов Божиих, то есть нас, людей. Значит, в мире что-то неблагополучно, именно в природе.

о. Александр с гостями в саду. Май 1973 г. Семхоз

Каждый человек как часть природы своим развитием должен что-то сделать для нее.

«А у меня вот такая машина, лучше твоего пианино!»
 Девочка доказывает обратное, ударяя одновременно по всей клавиатуре. Далее — плач, рев, рык, грохот посыпавшейся посуды... Абсолютная тишина.

Но человек вступил в мир, где существует материальный распад. Он существовал и до человека. Смерть не внесена человеком. Первые живые существа (остатки их сохранились), которым миллиарды лет, почти ровесники Земли. Мы узнали о них, потому что они умерли и мы нашли их микроскопические останки. Но это была смерть катастрофическая — скажем, их там придавило, засыпало. Но в какой-то момент смерть явилась как начало конструктивное. Для усложнения и развития живых существ, что вело в конечном счете к человеку, необходимо многоклеточное существо. Одноклеточное практически бессмертно, если не случается катастрофа. Оно не умирает, оно только делится. Первое многоклеточное было первым смертным живым существом. Хотя жизнь бросила вызов разрушительным процессам Вселенной, но оказалась неспособной от нее отгородиться. Отсюда начался распад, который можно преодолеть только на каком-то высшем этапе эволюции.

И вот здесь, в промежуточной фазе, мы сталкиваемся с проблемой смерти. Смерти человека.

Проблема была поставлена людьми по-разному. Скажем, в Египте считали, что в ином мире все повторится, продолжение будет аналогично этому. Для древних египтян смерть не была развоплощением. Они прекрасно понимали, что человек — это все-таки и плоть тоже. Поэтому они сохраняли мумии; если мумии не было, заменяли специальными фигурками. Они знали, что смерть человека не ведет к прекращению его жизни. Очевидно, так же думали и первобытные люди, когда клали в могилу предметы домашнего обихода. Духам предметы не нужны. Это глубоко укорененное воззрение. Оно живо до сих пор. Много раз я видел, как люди клали в гроб деньги, как совершенно серьезно просили покойника передать привет маме, родственникам. Едва ли они могли бы объяснить, почему они это сказали, но какая-то потребность в этом была.

Платон, создатель современной идеалистической философии, считал, что самым ценным в человеке является дух, а плоть — лишь временная оболочка, обуза, тюрьма. И смерть — апофеоз, триумф духа: наконец он избавился от тяжкого бремени. Надо сказать, что такого рода оптимистическое представление распространилось гораздо больше, чем предыдущие. Оно до сих пор проникает во все религиозные, философские, христианские воззрения. Платон говорит, что вся жизнь человека должна быть подготовкой к смерти. И что по-настоящему человек будет жить, только когда освободится от плоти. А нынешняя жизнь — прелюдия.

Тишина, вызванная рухнувшей посудой, продолжалась недолго. Кого-то отшлепали и выдворили на лестничную площадку, собрали осколки, подмели, и тут же раздались первые аккорды дребезжащего пианино. Праздник снова вступил в свои права. Петя, хозяйский сын, скомандовал: «Пойдемте играть под кровать!»

В Индии считали так: плоть — вещь, может быть, и неплохая, но настолько незначительная, что является просто манифестацией божества, а на самом деле ее нет. Есть только Бог и дух. Материя — вспышка Божественного.

Теперь вернемся к Священному Писанию. Мы не находим там ни того, ни другого, ни третьего. Ни утверждения, в общем-то, наивного для нас, что жизнь после смерти такая же, как здесь.

Мы не находим там утверждения, что смерть есть венец и вождельная цель человека. Более того, апостол Павел называет смерть «последним врагом». Последний, то есть самый крайний враг.

Значит, отсутствие в Откровении Нового Завета дуализма духа и плоти подчеркивает, что замысел Божий не в том, чтобы полностью освободить дух от плоти, а в том, чтобы создать совершенное существо, каковым является одухотворенный человек.

Меннониты (есть такая христианская группировка) устраивают на похоронах праздник, ну, чуть не пляшут. Это крайнее проявление оптимизма. Человек пошел в Царство Божие — надо веселиться и радоваться. А что разлучаемся, так ведь на время. Ясно, что мы догоним друг друга.

Но что-то здесь не вяжется с духом Священного Писания... Мы, скорее, чувствуем правоту Иоанна Дамаскина в известном песнопении надгробном, которое поем за каждым отпеванием: «Плачу и рыдаю, когда помышляю смерть и вижду во гробе лежаще по образу Божию созданну нашу красоту безобразну, бесславну, не имущую вида». Почему? Не потому, что он расстаётся с близким, это понятно, это действительно печально, но это временно... Чего уж так отчаянно огорчаться... Нет, на самом деле здесь происходит что-то недолжное, какая-то катастрофа: замысел о человеке один, а получается, что он разрушен.

Более того, в смерти есть величественный момент. И многие люди, которые умирали у меня на руках, в этот момент переживали какие-то духовные прозрения.

Но все-таки я никогда не мог избавиться от ощущения, что смерть есть победа материи над духом. Она выживает его из квартиры. И дух вынужден покинуть свой дом.

«Это моя машина! Нет, моя!» Петя силится перекричать обидчика, тот прорывается к столу: «Не хочу под кроватью, буду здесь играть! Ой, почему у вас здесь крутится и мигает?..» По дребезжащему пианино дубасят чемто тяжелым, как по водосточной трубе, мерно и безостановочно... Петин папа не выдерживает: «Дети! Не слышно же ничего! Неужели не понимаете? Оля! Запри их на кухне!»

Безусловно, это аномалия в развитии человека и поэтому должна быть исправлена. Апостол Павел пишет: есть тело душевное, есть тело духовное. Существует какая-то форма теле-

сности совершенной, как замысел о мире — гармоничная природа. Но это некий венец эволюции. И залог этого венца — воскресение Христово, когда Христос явился в теле духовном. Всегда надо помнить, что воскресение Христово радикально отличается от воскресения Лазаря. Лазаря нужно было развязать от пелен, чтобы он вышел. Лазарь вернулся к той же самой жизни, где его ожидал тот же неизбежный конец. Это была просто отсрочка. Были случаи и у святых, когда они оживляли людей. Но — на время. То, что произошло с Христом, не имеет ничего общего с воскресением Лазаря. Тело исчезло, а не встало и пошло. Произошла, скорее, метаморфоза, полная трансформация. Поэтому ученики не могли Его сначала узнать.

Именно поэтому Символ веры заканчивается не словами «верую в бессмертие души», что является предметом знания (я думаю, когда-нибудь наука дойдет до бессмертия души), а — «чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Вот эсхатология Символа веры: человек все-таки должен выполнить Божий замысел, и брак между материей и духом должен осуществиться.

Слышно дерганье кухонной двери, приглушенный гомон, сквозь который назидательный голосок девочки: «Нельзя туда, нельзя, там идет урок!» Но препятствие отброшено, линия фронта прорвана, и в комнату врывается передовой отряд! «А!!! Чтой-то вы тут делаете?!.»

* * *

В бумагах моих сохранилось несколько листочков, на которых вмятым карандашом записал я то бурное приходское собрание в Сретенском храме — первое после смерти отца Александра.

Оно дважды откладывалось и наконец состоялось 3 февраля 1991 года.

Предполагалось заслушать отчет старосты, переизбрать приходской совет и ревизионную комиссию — их срок кончился, а также обсудить планы на ближайшее будущее.

Денек обещал быть горячим. Вдоль всей дороги — от автобусной остановки до храма — на дверях магазина, на колодце, на деревьях прикноплены листы бумаги, на которых корявыми буквами выведено (привожу в буквальном воспроизведении):

ВСЕ НА СХОД
К 1 ЧАСУ ДНЯ В ЦЕРКОВЬ
3 ФЕВРАЛЯ ВОСКРЕСЕНИЕ
МОСКОВСКИЙ ПРИХАЖАНИ
ЗАНИМАЮТ ХРАМ
И ДЕРЕВНИ

Воззвание устрашало, как штык, нацеленный в самое сердце: новодеревенский приход на 90% состоит из москвичей.

Позорные эксцессы случались и при жизни батюшки. Иной раз приходилось слышать: «Евреи! Причащаются сколько хотят!!!» Ругань исходила от нескольких пожилых женщин, одна из которых пела на клиросе. Всех москвичей поголовно они считали евреями. Все-таки две-три на большой приход — это немного и даже нормально, если забыть, что Божий храм не Государственная дума, и приходское собрание не партийная конференция.

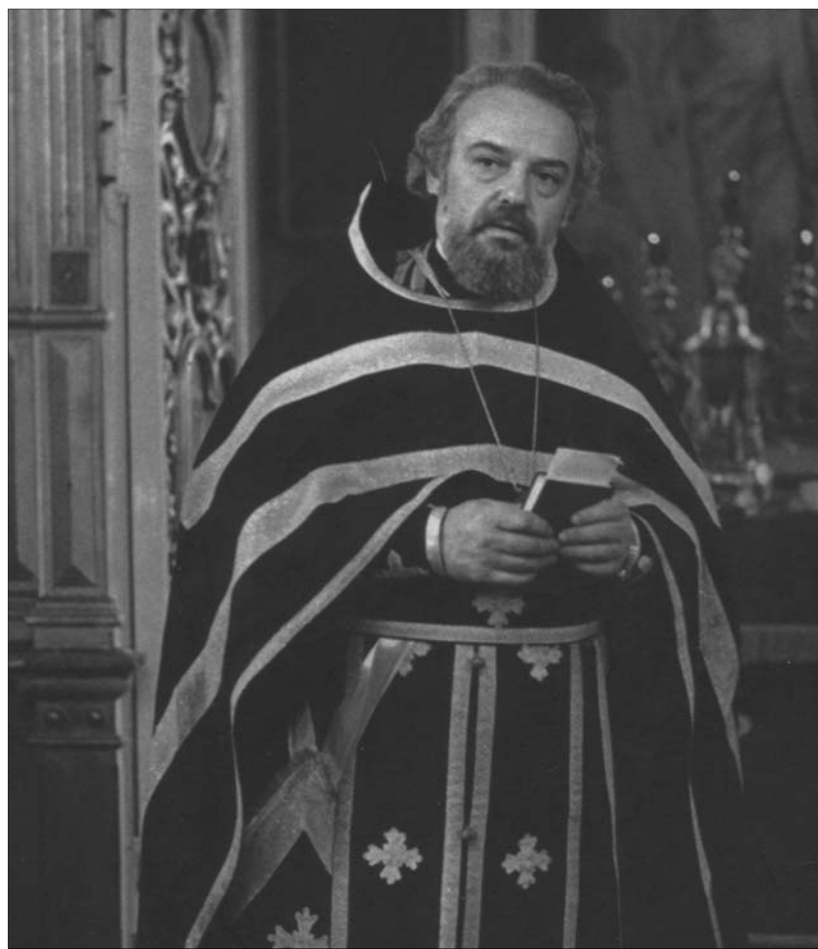
Отец Александр основал при храме большую библиотеку. Она помещалась перед его кабинетом. «Книги занимают много места! Выкинуть их! Раздор только вносят». — «Туристов надо запретить, приезжают на могилу Меня, мы молимся, а они под окнами толкуются, мешают».

Эти речи ползут из свечного ящика, которым заправляет суровая Валентина. Поставленная на приход райисполкомом, она сколотила вокруг себя боевую команду энергичных женщин, которые и матюгом могли пустить во время службы. Она их ввела в двадчатку, хотя в храме они бывают редко. Старухи-анти-семитки — тоже из ее окружения.

Соблазнительное это место — свечной ящик. Через него текут деньги верующих... А куда притекают? В высокие инстанции? В «Фонд мира», работающий на войну?

И вот мы, большинство прихожан, обеспокоенные открытым хамством и финансовой неясностью, решили переизбрать совет прихода. Заранее, чуть ли не за месяц, подали письменные заявления о том, чтобы нас считали членами общины Сретенского храма, где почти все крестились и окормлялись многие годы. Из прихожан, подавших заявления — а их было сто пятьдесят, — мы хотели выбрать приходской совет, председателя, его помощника и казначея. Дело, казалось бы, простое и, по перестроечному времени, осуществимое.

После службы, в 12 часов, в храме расставили лавки, и тотчас первые ряды оседлали воинственно настроенные женщины;

Проповедь в храме Сретения. 1988 г.

многих мы видели впервые. К двум часам храм был полон. Реплики из рядов разрывались с силой шрапнели:

– Ишь, что творят! На клирос прут, а наших нет, все евреи – вперед поперли.

– Хозяева... Копейки не вложили, а ходят сюда... Привыкли грабить. Мы здесь по сто лет живем.

– Наши сидят рядком, а эти все вперед выперлись. Господи, помоги нам, истинным христианам. Евреи, они же наглые. Нация такая наглая. Иудушки. Они везде восстания делают.

Это были голоса одних и тех же женщин. Особенно старалась сидевшая впереди меня, не знавшая, как звать ни настоятеля, ни второго священника, ни старосту. Она обращалась к соседке:

- А этот кто?
- Наш батюшка.
- Как звать?
- Иваном.
- А второй?
- Владимир.
- Оба молодые. А этот на еврея похож.
- Русский он.
- А борода черная. Которого убили, тоже был еврей.

Я спросил ее:

- Вы, наверное, не из нашего прихода?
- Чего глаза выпучил? Не вашего, не вашего, меня в твою си-нагогу не заманишь.

Не обошлось среди них и без ссоры:

- Куда села! Здесь Валькино место.

Соседка подтвердила, припечатав:

- Здесь попочетнее сидят!

Занявшая не свое место обиделась:

- Не лайте, придет Валя, я встану.

За нее заступились:

- Чего накинулись? Это ж наша.

Все это говорилось так устрашающе громко, что хотелось за-жмуриться, как от дыма, режущего глаза. Мы пытались их урезонить, но только подливали масла в огонь... Было совершенно непонятно, почему священники не выведут их или хотя бы не пристыдят. Возмущился лишь один человек, представитель рай-исполкома:

- Что вы хулиганите! Сюда бы милиционера!

Кто позвал их? Кто обещал им безнаказанность? Не верится, что они знали о попустительстве священников. Не верится, что такое могло происходить в храме, где 20 лет проповедовал отец Александр.

Впрочем, надо ли особенно организовывать ярость людей, не умеющих отличить правой руки от левой? Брось только спичку – полыхнет, как стог сена.

Собрание открылось общей молитвой, после чего отец Зиновий – благочинный нашего района – предложил вы-брать секретаря для ведения протокола. Но тут поднялся та-

кой ор, такой гвалт — невозможно было понять, чего хотят разбушевавшиеся женщины. Наконец выяснилось, что хотят они в секретари своего человека.

— Нинк, писать можешь? — обратилась расторопная казначейша к той, что сидела на ее месте.

Но отец Зиновий, видя столь бурное начало, решил вести протокол сам.

А далее он огласил список двадцатки 1988 года, то есть подручных Валентины, для того чтобы именно они и выбирали совет прихода. «А остальных, — обратился он к нам, — попрошу покинуть храм, если будут мешать работать. Остальные принимать участие в выборах не имеют права».

Это было явное нарушение устава, принятого на поместном Соборе в 1988 году. Там сказано: «Членами приходского собрания, зарегистрированного государственными органами прихода, являются клирики и миряне, члены данного прихода, достигшие 18-летнего возраста, доброй христианской нравственности, состоящие в церковном общении и не находящиеся под церковным или гражданским судом». И еще: «Приходское собрание может вывести кого-либо из числа своих членов, если большинством будет признано несоответствие такого лица занимаемому им положению» (§4 № 25, 27).

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... С этого момента начался отток москвичей из Новой Деревни. И вспомнились мне слова знакомого священника в день похорон отца Александра: «...Сделают все, чтобы распылить приход».

* * *

Странные знаки внимания к себе стал получать в начале 1995 года. Встревоженный ими не на шутку, я написал письмо в «Независимую газету», которое, сопровождаемое комментарием редактора и чуть сокращенное, тогда же и было напечатано. Приведу его полностью.

«3 января сего года моя жена вышла из дома в магазин. Вернулась минут через сорок и увидела, что в доме побывали “гости”. Все ящики письменного стола, папки, портфели, сумки были выпотрошены. Гора бумаг на полу, среди которых книги, и почему-то только книги отца Александра... Обследована и выпотрошена детская комната. Из платяного шкафа вынута белье. Исчезли золотая брошь и часики, бабушкино

наследство, которые были спрятаны в белье. Но вещи, что лежали на виду, перед зеркалом — серебряный браслет, венчальное колечко и всякая бижутерия, — остались на месте. На них “гости” не позарились. Не взяли они и двадцать долларов, обнаруженные на полке под бельем, где обычно прячут деньги доверчивые хозяйки. 20 долларов, две купюры, были показательно положены сверху на стопку белья.

Первое, что мне пришло в голову по поводу этого “благодетельного” жеста, — что у нас побывали благородные жулики. Завернув одеяло на диване, они увидели, что из него торчат пружины. Сердце их дрогнуло, и они сжалились, наверное, над бедными супругами... Но мой сосед, человек тертый и догадливый, посмеялся надо мной: “Нет, жулики подмели бы все! А водку, которую у тебя не тронули, выжрали бы тут же. Нет, это у тебя чего-то искали...”

И тогда я вспомнил, что 28 декабря вечером мне позвонил журналист из “Независимой газеты” и сообщил, что в печать просочились сведения о новой версии убийства отца Александра, в которой упоминается девушка, погибшая на станции Семхоз в ночь перед убийством священника. Следствие якобы хочет соединить эти два факта. Я сказал журналисту, что какое-то объявление о погибшей девушке я читал в те зловещие дни. Оно было приклеено на кирпичной стене кассовой будки в Семхозе. И что я его переписал и оно есть у меня.

Полистав записную книжку того года, я нашел всего лишь несколько строк: “В ночь на 9 сентября была смертельно ранена молодая женщина 56-го года рождения. Она ехала в 3-м вагоне на электричке 23.50”. На объявлении значился номер телефона, по которому просили звонить тех, кто мог видеть несчастную в вагоне. Но телефона в моей записной книжке не было. Я продиктовал журналисту эти три строки и обещал найти все объявление, списанное мною тогда на клочок бумаги.

Не за этим ли клочком приходили “гости”? Нашли они его или нет? Я в тот вечер его не нашел, уехал в командировку, а вернулся уже после их визита.

Но если они и благородные жулики, то все же не очень. Кроме брошки и часиков, утянули из моего письменного стола один доллар, на котором по-английски было написано: “На счастье”. Не знали, бедняги, что на свете счастья нет...

Но, судя по следующим событиям, у меня побывали следопыты из самой высокой инстанции, одна аббревиатура которой действовала как удар в зубы. И действительно, работали они нагло и устрашающе.

8 января в 6.30 утра заночевавший у меня после рождественского праздника друг проснулся от скрежета дверного замка. Кто-то явно пытался подобрать ключ. Друг мой зажег свет, разбудил меня... Наглеца, разумеется, и след простыл. В следующую ночь он явился снова, и, когда я, глянув в глазок, сказал, что вызову милицию, он ретировался. А выйдя из подъезда, постоял напротив окон, погрозил мне кулаком, сел в машину и спокойно вырулил за ворота.

В течение нескольких дней к нам было трудно дозвониться. Раза два или три телефонный гудок прерывал официальный голос: «Абонент на проверке, позвоните позже».

В эти же дни дважды приходили агенты по расселению коммунальных квартир. Обращались только в нашу, некоммунальную, в соседние и на других этажах не обращались. И последнее.

Как-то вечером молодой человек, долго не отпуская дверной звонок, попросил: «Мне Катю». А через день в два часа ночи попросил – Витю...»

И все. Как отлипли. Планово отработали и перешли на другой объект. А вскоре следствие запустило на орбиту новую версию, главным героем которой стал некто Бушнев, а убитая девушка – его возлюбленной.

Конечно, я не могу с абсолютной уверенностью утверждать, что это были «они». Но уж очень знаком почерк: грабануть, запугать... Акульи повадки.

**В ЗАЩИТУ ПОСЛЕДНЕЙ ФОТОГРАФИИ
о. АЛЕКСАНДРА МЕНЯ,
ПОМЕЩЕННОЙ
НА ГАЗЕТНОЙ СТРАНИЦЕ**

Его кончина, тиражируемая незаконно,
Наверное, прибыльна для газетчиков-прошелыг.
Схваченная объективом в тот миг,
когда душа покидала разъятое лоно.
Опираясь, отталкиваясь от гудрона,
он и в беспомощности велик.

И это не фотография, это — икона.
Не лицо, иссеченное кровью, а — лик.
Из будущих клейм его жития
это последнее. Пришита статья
к фотографии — любопытствуют люди.
Снятая с самого острия
времени — голова Предтечи на блюде
четырёхполосного пестрого бытия.

Конечно, газету по-разному можно употребить.
Бывало, что в простоте безыскусной
и почерневшей Троицей — далеко не ходить —
накрывали бочку с капустой.

Школа смирения

В этом подмосковном монастырском храме много лет тому назад отпевали моего друга, поэта Сашу Тихомирова, раздавленного электричкой. Я приехал пораньше, чтобы успеть исповедаться до литургии и спокойно помолиться о новопреставленном Александре. Но священник приступил к исповеди, когда служба уже началась, отпустил грехи несколькими старушкам, последним подошел к нему я. Как и должно, начал с того, что уточнил, когда последний раз был в храме.

— Исповедовался и причащался в прошлое воскресенье, — сказал я.

Отец Борис удивился и сурово отчеканил:

— Мы не должны часто приобщаться Святых Тайн из-за нашего недостойнства. Это противно духу православной веры.

Помнится, я возразил, сославшись на Отцов Церкви, считавших, напротив, грехом участвовать в литургии и не причащаться.

Завязался разговор, неуместный и несвоевременный, окончить который было не в моей власти. Уже давно отошли Заповеди блаженства, моление об усопших с упоминанием многих имен, и наконец донеслось из алтаря: «Горе имеем сердца!» — призыв к главной евхаристической молитве. После чего, как объяснял крестивший меня священник, мой духовник, всему храму следует замереть для внешней жизни и участвовать в таинстве Пресуществления. Сам он на это время приостанавли-

вал исповедь и опускался на колени. Опускались на колени и мы, его прихожане. Здесь же, я видел, придерживаются иных правил... Тогда я попросил отца Бориса отпустить меня хотя бы на время евхаристии — молитвы благодарения. «Потом подойдите снова», — разрешил он.

Молодой монах, недавно окончивший семинарию, отец Борис, кажется, был преисполнен праведного рвения искоренять всякие новшества в Церкви, к которым почему-то относил и частое причащение Святых Тайн.

Видя большое количество молодых людей в храме, явно не церковных, он решил не упускать случая и забросить свой невод для уловления, для спасения душ. Это было прощальное слово над гробом — долгое и предельно назидательное. А между тем тело, привезенное накануне и находившееся ночь в холодном притворе — стояли январские морозы, — тело нашего друга начало оттаивать и запотевать...

Все это я вспомнил сейчас, зажатый в плотной толпе исповедников, над которой возвышался незнакомый мне батюшка.

Обитель сия для русской истории знаменательна. Это была когда-то домашняя церковь боярского рода Колычевых, давшего России бесстрашного святителя, жизнь которого оказалась камнем преткновения для мирской власти. Эту церковь на протяжении десятков лет видел из окна своего дома Борис Пастернак, творивший в эпоху соцреализма. Она незримо присутствует во многих его пейзажах, как будто высвеченных Фаворским светом. Судя по ним, он был верующий человек. И, кто знает, гуляя по окрестностям, иной раз не заглядывали сюда, дивясь позлащенному велелепию или прислушиваясь к осторожным словам проповедника. Советская власть до времени свела художника в могилу. Он похоронен неподалеку, на погосте. Мне рассказывали, кто-то из близких положил в гроб, в карман его пиджака, частицу просфоры. Наивное желание примирить его земной путь с вечностью. Может быть, он не нуждался в этом, и вечность сама примирилась с ним еще при жизни, минуя посредничество душеспасительных пастырей.

Сегодня праздник — Введение во храм Пресвятой Богородицы. Обычная для праздника удушливая теснота. Дети с силой штопора пробуравливают плотные слои молящихся. Священник по тетради прочитал список грехов, в которых надлежит каяться. Самым последним значилось «опущение

молитвы». То есть пренебрежение молитвой, с чего, между прочим, и начинается духовное опущенство.

Грешники в основном пенсионного возраста. Третья или четвертая раба Божия чем-то разъярила отца Евграфия. Он притиснул ее голову к аналою и, прочитав разрешительную молитву, чуть ли не пинка дав, отпустил. А к пастве поверх голов громко обратился: «Кто грехов не имеет, ко мне лучше не подходите. Слышите? – повторил он на высокой ноте. – Не подходите!»

Служба только началась – запели первый изобразительный псалом, – а он уже сорвался... Исповедников-то еще человек сорок. Из них наверняка не менее половины тех, что «грехов не имеют».

Подошла и моя очередь. Я поведал шепотом про молитву, которая у меня слаба, про рассеянность, которую стараюсь одолеть, но...

– А ты не говори, что стараешься! Тогда все будет получаться! – прервал священник громко и ясно мой шепот и накрыл меня епитрахилью.

Я отошел, оглушенный его окриком. Но улыбнулся, придя в себя и вникнув в то, что Господь послал мне через эту оплеуху. В словах отца Евграфия была правда, адресованная именно ко мне: не труби о своих стараниях, не распинаясь о духовном усердии!

Ничто не изменилось в этом храме. Суровый монастырский устав уживается с пышной роскошью интерьера. И все так же евхаристическую молитву заслоняет посторонний шум. Свечи текут непрерывным потоком. «Сие есть Тело Мое» – доносится из алтаря.

– К Пантелеймону! К Николаю Угоднику! – стучит по плечу свечами молодая женщина старую.

– Чего ты по левому плечу бухаешь!левой стороной сатана ходит. Не знаешь, как свечи подают?

– Твоя от Твоих! – возглашает священник.

– С праздником, православные! – продвигаются с тарелками три женщины, небольшой караван за ледоколом, беспрепятственно рассекая народ. На тарелках горой – бумажные деньги.

– Дай мне сдачу, пять рублей с десятки, – обращается к «ледоколу» старушка, положившая в тарелку лепту вдовы.

Наконец, проповедь. Батюшка – румяное упитанное лицо, волосы на голове уложены морской волной – выходит на ам-

вон и разворачивает мелко сложенный лист бумаги. Несколько слов он уделяет Богородице и сегодняшнему празднику, а затем переходит к нашим грехам, учительски напоминая, что мы в них безвылазно погрязли.

Кончилась проповедь. Священники причащаются в алтаре. Ход службы как бы замирает на несколько минут. Возникает пауза, заполняемая чтением акафиста. Обычно это монотонный малопонятный речитатив, породивший нарицательное выражение «читает, как пономарь». Разумеется, бесстрастное чтение оправданно в церковном обиходе. Однако в этом месте литургии, я заметил, внимание всегда расхолаживается, и прихожане в ожидании чаши склонны размять затекшие ноги, повертеть головой, перекинуться словечком с дальнестоящими знакомыми. Но сейчас благодаря выразительному чтению древнеславянский язык становится внятным и доходчивым. Храм прислушивается к необычному чтению едва ли не с большим вниманием, чем к звучавшим только что литургическим молитвам.

Вынесли одну чашу. По количеству причастников видно, что надо бы две и даже три, чтобы избежать толкучки. Тот же самый священник с морской волной на голове и звучным именем Агафангел возгласил: «Со страхом Божиим и верою приступите!»

Не избежать давки. И правда, она завязывается, как последний и решительный бой. Крик младенца, устремленность наседающих сзади...

– Александр, – называю я свое имя, шагнув к чаше со сложенными на груди руками.

– Раскрой рот, – приказывает священник, – шире! Куда я тебе, в карман, что ли, сыпать буду?

Приняв причастие и поклонившись, я, грешный человек, не выдержал и сказал с упреком:

– Что же вы такие свирепые, честные отцы...

– Иди, иди, – парировал священник, не успев добавить что-нибудь покрепче: следующий за мной причастник уже открыл рот.

Из-за тесноты в храме «теплоту» выставили на морозе. Старушка разливает по серебряным чаркам довольно красную, а стало быть, мало разведенную запивку.

– Как зовут батюшку, который причащает? – спросил я ее.

– А тебе зачем?

– Агафангел, – подсказывает кто-то со стороны.

– Молчите, православные, – окорачивает бабушка, – пусть сам пойдет и узнает у него.

– Он же и настоятель?

– Нет, настоятель отец Владимир, – отвечает тот же доброжелательный голос.

В недавние времена, когда еще соблюдалась видимость правопорядка, продавец в магазине, нагрубивший покупателю, отказывался назвать свое имя, боясь, что оно попадет в «Книгу жалоб и предложений». Ситуация схожая. Старушки, наверное, догадываются, чем вызван интерес к имени священника, и утаивают его с осторожностью, имеющей сакральный оттенок.

И вот вернулся я из церкви домой. Заварил чаек и включил магнитофон с голосом отца Александра Меня... И что это – чудо или «простое совпадение»? Отмотанная до середины кассета остановилась на празднике Введения во храм Пресвятой Богородицы. Из нескольких кассет с его проповедями, бывших у меня под рукой, выпала ЭТА, и именно на сегодняшнем празднике! Близкий, родной до спазма в горле голос повторил дважды: «Смирение – это здоровье души... Здоровье души...» И я снова улыбнулся, вспомнив, что в словах отца Евграфия сегодня прозвучала сушая правда.

Пастырь и его овечки

Вениамин крестился в зрелом возрасте и стал прихожанином одного из московских храмов. Но православный батюшка, его духовник, оказался антисемитом, чего не скрывал в своих проповедях и чего Вениамин, еврей от рождения, стерпеть не мог. Ему показалось, что антисемитизм распространен в церковной среде. Он пришел в синагогу и по всем правилам вероисповедания принял иудейский обряд. Но душа его не успокоилась, еще суждено ему было пройти через катаклизмы неудавшейся семейной жизни, через мучительные проблемы, разрешения которых он не находил. Он снова оказался на пороге православного храма, на сей раз сельского, в Новой Деревне, и, утешенный мудрым священником, вернулся в Церковь. Умный, обаятельный, он был застенчив, как девушка, и старался отцу личными проблемами не досаждать. Он приезжал в храм на стареньком «Москвиче» и, оставаясь после службы, предлагал батюшке

свои водительские услуги. Прихожане из имущих иногда возили отца Александра на «своих» колесах. Он не отказывался, потому что работы невпроворот: требы, посещения больных в Пушкино, где транспорт переполнен, и в Москве, где все равно приходилось ловить такси.

В общем, у священника, наверное, была единственная возможность спокойно пообщаться с новым прихожанином, когда они сидели рядом в машине. И он этой возможности не упускал, а Вениамин ее ненавязчиво устраивал.

А тут к ним в машину, зная, что едут в Москву, попросился я.

Не теряя ни секунды, я достал свою статью о Борисе Пастернаке, недавно сочиненную: «Посмотрите, батюшка, статья небольшая».

Любя Пастернака, я не мог принять его народнического идолопоклонства, этого хронического недуга русской интеллигенции. Недуга, как мне казалось, не отрезвившего поэта после стольких катастроф!!! Он и в сорок первом году писал (стихотворение «На ранних поездах»):

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.
В них не было следов холопства...

Вокруг этого восторженного поклонения и строился мой памфлет, в котором я пытался уличить поэта в псевдорелигиозности.

Отец Александр безропотно принял мои десять страничек и потратил не более минуты на ознакомление с ними. У него была феноменальная способность мельком впитывать текст. «Мало материала. Не хватает аргументации», — сказал он спокойно. И тут же обратился к Вениамину. Он сейчас ему был важнее великого поэта и спорных мнений о его творчестве.

Я стал смотреть в окно, стараясь не слушать их разговора.

Я ничуть не огорчился, ничуть не обиделся. Во-первых, потому, что в словах отца прозвучала проникновенная серьезность и доверительность. А во-вторых, всему свое время под солнцем: изящной словесности, бывалому прихожанину и новообращенному из иудеев, застенчивому и деликатному, как девушка.

На исповеди

В Сретенский храм, где служил отец Александр Мень, прислали нового священника. По всему видать, батюшка строгий, взыскательный. Свою паству, состоящую в основном из деревенских старух, вразумляет: «Ветхий Завет не читайте, все равно ничего не поймете».

Голос у него громкий, и все, что говорится у аналоя, в тесном притворе слышно каждому из пришедших на исповедь.

Исповедуется бабушка, на ней яркий павловопосадский платок.

– В кино, в театре не была? – спрашивает священник.

– Не была.

– Евангелие читаешь?

– Я неграмотная.

– Мясного не вкушала?

– Не вкушала.

– А зачем вырядилась?

Бабушка шепчет что-то про свои грехи, то и дело повторяя: «Клавка змея»...

– Я тебя до причастия не допущу.

– Допустишь.

– Не допущу. Это отец Александр ваши грехи брал на себя, его и убили. А у меня своих полно. Не допущу.

– А я умру, и ты отвечать будешь.

Священник тотчас же накрыл ее епитрахилью.

– Имя?

– Мария.

– Господь и Бог наш Иисус Христос...

Баба Надя

Баба Надя – разговорчивая хлопотливая старушка лет восьмидесяти. При отце Александре она убиралась в храме и сегодня – на той же должности. После обедни присела на лавочку, ждет, когда разойдутся прихожане. С ней две женщины, ее помощницы. Я давно ее не видел. О чем же нам и говорить, как не о батюшке?

– Славная смерть, богоданная... Кровию умылся... Погоди, я принесу его образ.

Крестный ход на Светлой Седмнице.
Сретенский храм в Новой Деревне. 1990 г.

Пошла в храм и вынесла обернутую в тряпицу, наклеенную на картонку цветную фотографию. Известная фотография из книги Ива Амана «Свидетель своего времени». Все три женщины, перекрестившись, приложились к картонке.

— Он священномученик, — говорит баба Надя, — страстотерпец. Мне милиционер один сказал, кабы все священники были такие, как отец Александр, на земле бы уж рай наступил.

Настоятель предлагал ей работу полегче, в свечном ящике. Баба Надя отказалась.

— Свечки продавать каждый может, а убираться — поди сыщи. Полы мыть, уборные чистить.

Свидетели

Электричку, на которую я торопился, отменили. Следующая пойдет только через два с половиной часа.

Но нет худа без добра. Навещу батюшкину обитель — храм и часовенку на месте его гибели; поистине, их можно считать воплощением его духа. Службы сегодня нет, посижу на бревнышках возле божницы, почитаю любимого Лескова. «Со мной опять Лесков в дорожном переплете...»

Мало что изменилось на этой дорожке за шестнадцать лет. Та же крутая лестница с платформы с непомерно высокими ступеньками, те же осины и густой кустарник по сторонам.

И все же... На придорожной поляне возникло белокаменное облако, овеванное дыханием древнерусского зодчества. Стало светлее вокруг.. Да и фонари вдоль дороги все целехонькие, ни одного разбитого, не как тогда, накануне. Теперь уж некого здесь убивать.

Божницу отец Виктор обновил, поставил копию той, что мы с ним соорудили рядом с дубом, где на траве были первые пятна крови. Обложенная камушками, цветами, горящими свечками, она, нарядная, кажется, не напоминает о скорби, хотя надпись кровит красной вязью: «На этом месте отец Александр Мень принял мученический венец».

Нездешняя благословенная тишина. Ее не нарушают шаркающие подошвы — рядом поселок, — постукивающие каблучки.

Я зачитался Лесковым — провидческим повествованием о русской Церкви... Поднял глаза и — замер, оторопев. Дуб, что

напротив, зиял глубоким шрамом по стволу до самых корней. Плоть, рассеченная когда-то, задолго до рокового дня, уже заплыла и выпучилась грубой корой. Не заметить шрам невозможно. Странно, что раньше не замечал...

Но каждая встреча с бабушкой и при жизни была неожиданностью, значение которой раскрывалось время спустя.

Здесь же, чуть поодаль, растет дуб с раскинутыми крестообразно ветвями. Его заметили тоже не сразу, через несколько лет, осенью, когда облетели листья. Природа постепенно приоткрывает свои знаки присутствия.

В тот страшный для нас сентябрь я написал:

Там, где топор долгожданную жертву настиг,
Где от столетних дубов не дождешься улик, —
Рядом стоявшие, эти-то видели точно,
Эти — молчат, потому их не тронули,
не спилили...

Оказывается, не молчат. Но свидетельствуют по-своему.

Голос отца Александра

«Бывают странные сближения», — заметил однажды Пушкин, задумавшись над роковой случайностью...

То, что поведала Саша Б. на вечере памяти отца Александра 10 сентября минувшего года, можно отнести к счастливому случаю, к стечению обстоятельств, к невероятному их совпадению... А можно никак не объяснять, просто задуматься.

Саша была духовной дочерью отца Александра. В начале девяностых с мужем уехала из России, как полагала, навсегда. Бабушки уже не было в живых, быть может, он и отсоветовал бы.... Америка стала ее вторым домом. Она родила сына, защитила диссертацию, получила работу в университете. Но — как говорили в старину — «на чужой стороншке рад своей воронущке». То есть с Россией не порывала, как и большинство ее соотечественников, перекочевавших на приманчивый материк. С друзьями не расставалась, звонила, звала в гости. Светлана Д. прислала ей кассеты с лекциями и проповедями отца Александра. Но у делового человека день расписан

по минутам. Когда их слушать! Только в дороге, в машине. В смене пейзажей, летящих за окном, — спокойный близкий голос отца Александра.

В тот день она поставила кассету с его домашней беседой «Надлежит быть разномыслиям». Справа — сын, пятилетний малыш, пристегнутый к креслу. Пусть тоже слушает, впитывает целительную, из чистого источника, русскую речь. Скорость — 100 миль, на этой трассе допустимая.

Но гибель врывается и в допустимые пределы. Их обгонял черный «мерседес», удар сбоку, машина переворачивается раз, другой, третий... Тишина... Звучит голос отца Александра. Она в сознании, слышит, как подъехали полицейские, вызывают вертолет. Разговаривают между собой.

— How' re we going to get the body out of the car?

— Maybe cut it?

— The lady is gonna to be dead.

(— Как мы будем доставать их?

— Наверное, придется разрезать корпус.

— Женщина, наверное, мертва.)

— А я оттуда, из сплющенного всмятку железа, сказала, что я не мертва. Звучал голос отца Александра...

Полицейский спросил:

— Там что, еще какой-то мужчина?

— Нет, это отец Александр, — ответила я.

— Какой еще отец Александр? Вы живы или вы мертвы?

— Я жива. Сделайте что-нибудь, вытащите меня, я хочу по-дойти к сыну.

Его не было в смятой кабине. Лобовое стекло вылетело, и он... Он лежал на земле неподалеку... Коленька... Он был без сознания. Опустился вертолет. Врачи, кажется, сказали о сыне, что нет никакой надежды, и тоже подивились, как я-то осталась жива...

По американским правилам в салоне автомобиля не разрешается держать в открытом доступе аудиокассеты. При аварии они, как бритвы, могут поранить водителя. А у меня они всегда под рукой, на бардачке. Помню, что мелькали, но ни одна не коснулась...

Машины нет, груды железа, и я думала, что у меня уже нет сына, и только звучал голос отца Александра... «Что за магнитола у вас в машине, — удивлялись полицейские, — все пере-коржено, а она работает».

Вдруг Коля открыл глаза...

Нас отвезли в больницу. У него — перелом ноги и легкое сотрясение мозга. У меня ни единой царапины.

Саша подарила мне пачку фотографий. Они были сделаны незадолго до гибели отца Александра, в день ее свадьбы, на венчании в Новой Деревне, в храме и возле храма Сретенья 1 августа 1990 года. На улице фигура отца Александра слегка затуманена светом. Столп света чуть скрадывает очертания его выразительной внешности, как будто уводит из реалий привычного мира. Как будто он здесь — и уже не здесь...

Ваше Преосвященство

*Его Преосвященству Игнатию (Пунину),
Епископу Выборгскому и Приозерскому*

Ваше Преосвященство!

Издательский совет Московской Патриархии рекомендовал к продаже в православных храмах 12 книг протоиерея Александра Меня. В январе этого года я пришел в храм Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, настоятелем которого Вы являетесь, чтобы предложить книги отца Александра. Иван, молодой человек, заведующий книжной лавкой, долго и внимательно изучал издательский документ, потом полистал одну из книг отца Александра и сказал: «Без благословения владыки книги принять не могу». «Когда же он может благословить?..» «Понятия не имею. Владыка сейчас у себя в епархии, в Выборге... Позвоните в пятницу». Звоню в пятницу, потом в воскресенье, потом в понедельник. «Разговор с владыкой был, — отвечает Иван, — но вопрос ваш обсудить не успели. Может, послезавтра...». Звоню послезавтра, Иван болен, трубку взял Антон. Вежливо, по-братски, обещал тотчас же соединиться с Иваном и мне перезвонить. И вот звонит Антон и произносит одно слово: «Нет». «Что “нет”, владыка не благословил?» — спрашиваю я, как мне кажется, несколько смущенного Антона. «Не благословил», — отвечает, как мне кажется, сочувственно, Антон.

В этом храме пятнадцатилетний мальчик, будущий священник, не один год прислуживал в алтаре. Здесь же в 1956 году венчался. В этот храм, для него родной, Вы его сейчас не пускаете.

Решился я Вас побеспокоить, владыка, после вчерашнего выстрела в школе № 283, потрясшего Москву. Вас, председателя Синодального отдела по делам молодежи, тоже, наверное, задел этот выстрел. Десятиклассник, отличник, претендент на золотую медаль, убивает учителя, берет в заложники весь класс... Граждане возмущаются: «Куда смотрела школа! Куда смотрела семья!» А я спрошу: «Куда смотрит церковь?» Юноша, познавший азы высшей математики, не имеет представления о ценности человеческой жизни. И таких юношей — океан, омывающий Ваш Синодальный отдел по делам молодежи. Они сироты, не имеющие Отца Небесного. Не учтенные вами, они брошены на волю стихий и подчиняются закону стихий. Что Вы можете предложить для их воспитания? «Закон Божий» — до 1917 года наплодивший атеистов, гонителей Церкви? Пояс Богородицы? Дары волхвов?

Напротив моих окон расположена точно такая же школа. По вечерам, ближе к ночи, у ворот школы тусуется молодежь, ученики старших классов. Рядом стоят две-три машины — роскошные тачки, куда по очереди ныряют озябшие парочки. Гуляя, я частенько прохожу мимо, и однажды заметил там паренька из нашего дома. Зная его верующих родителей, я удивился, что он влип в такую компанию. Специально зашел к нему домой. В то время как раз к Поясу Богородицы в храме Христа Спасителя выстраивались километровые очереди. Паренек развитый, хорошо начитанный, сейчас учится на втором курсе истфака. Мы поговорили о Церкви, куда он перестал ходить с седьмого класса, о «священных артефактах», как он выразился, к которым у людей чисто магическое, суеверное притяжение. Увы, я не мог с ним не согласиться. Мифологический Пояс, меняя свою культурную принадлежность, кочует по земле с древнейших времен. Греки почитали пояс Афродиты. Мой юный собеседник достал с полки «Мифы народов мира», где в статье о богине любви и красоты отмечено: «Рудиментом архаического демонизма богини является ее пояс. В этом поясе заключены любовь, желание, слова обольщения, “в нем заключается все”. Это древний фетиш, наделенный магической силой, покоряющий даже великих богов».

Богов, может быть, и покоряющий, но только не современных продвинутых молодых людей. Они трезво отклоняют всяческий фетишизм, но авторитетного слова веры не слышат. В свое время из уст отца Александра оно прозвучало в сотнях

Прилуцкий монастырь. Вологда. 1981 год

аудиторий и многих обратило к вере. За что его и убили. Кто же испугался такого сознательного обращения: гражданские власти или духовные, насаждавшие фетишизм?

Сейчас опубликованы все его труды, имеющие просветительское значение. Церковь решением своего влиятельного органа рекомендует их к продаже. Вы запрещаете.

Я думаю о том десятикласснике, сироте, вооруженном винтовкой... Случайно или нет, что он не получил другого оружия, духовного – из Синодального отдела по делам молодежи, который Вы возглавляете?..

Четверть века без отца Александра

Его земное время (1935–1990) прокалено государственным террором разного накала: от тотального изничтожения слоев населения до прицельной пальбы по диссидентам. Оно сказалось на его жизни, на его пастырском служении, на его литературе. Но, крепко адаптированная в настоящем, его

жизнь была стрелой – любимый его образ, – направленной в вечность. Настоящее – лишь туго натянутая тетива. «Если есть здравомыслие, помноженное на мистицизм, то это мой стиль», – говорил он о себе.

На самом-то деле его время еще не настало. Проповеди, книги, лекции, беседы еще в полноте не востребованы верующей Россией. Россия еще не открыла для себя Меня. Она до него еще не доросла. Тираж его книг, около девяти миллионов, поделенный на двадцать пять лет, – в общем-то, не большой тираж. Значительную часть которого занял «Сын Человеческий», изданный сотнями тысяч в начале девяностых.

Мандельштам считал, что Россию легче обути и накормить, чем научить читать Пушкина. То же самое можно сказать и об отце Александре Мене. Нужна гуманитарная культура, гумусный слой гуманитарной культуры, который взрастит семена, посеянные им. Пока же такого слоя нет, пробиваются отдельные кустики, как щепотки зелени в растрескавшемся асфальте. Интерес к Меню не падает, но и не возрастает, может быть, потому, что блокируется консервативной массой священников. Например, батюшка из храма Вознесения Господня в Сокольниках предостерегал прихожан ходить в храм Космы и Дамиана, где продаются книги отца Александра. Востребованность его проследить невозможно, как невозможно узнать количество православных верующих в нашей стране. Добросовестный подсчет дает не больше трех процентов от количества людей, считающих себя православными. Отец Георгий Чистяков говорил об одном проценте.

В Орле, в храме, я слышал разговор возле свечного ящика двух женщин. Видел их там не однажды. Одна рассказывает о своем болящем сыне-алкоголике. Вторая, участливо: «Поставь свечку, не помешает». – «Да я готова поверить и в Бога, и в кого угодно, только бы сын выздоровел».

Учитывая весьма условный процент воцерковленных прихожан, можно сказать, что страна тотально неверующая, заваленная так называемой «духоносной» литературой. Священник Алексей Плужников в своей книге (издательство Даниловского монастыря) приводит много красочных примеров современного языческого православия, из которых видно, как архангелов и святых повсеместно теснят колдуны и кикиморы.

Книги отца Александра расходятся по магазинам книоторга, что важно, потому что на приходах, за редким исклю-

Son of Man

JESUS
MESTRE DE
NAZARE

АЛЕКСАНДР МЕНЬ
СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

ALEKSANDR MEN
SYN CZLOWIECZY

Aleks

Gesù maestri di Nazare

la storia che sfida il tempo

Oltre 1.000.000 di copie in R

In prima traduzione italia
l'opera fondamentale dell'intellettuale
assassinato nel 1990

АЛЕКСАНДР МЕНЬ
СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

чением, их не продают. В Москве — только в двух-трех храмах. Не исключено, что Мень дойдет в конце концов до массового читателя, минуя свечные ящики.

После перестройки наша Церковь взяла курс на реставрацию. Поднималось то, что было разрушено 1917 годом. Восстанавливались руины на старом фундаменте, который и тогда уже был полуразрушен. В успехе революции, как это ни горько сознавать, церковь сыграла определенную роль. Народ, ею окормляемый, не знал Евангелия, не слышал слова Божия и разъяснительной проповеди ввиду надвигающейся катастрофы. Потому и легко его было облапошить марксистской идеологией, действующей к тому же вероломно.

Отец Александр был свободен от архаической прелести. Недаром в его приходе началась работа по новым переводам Священного Писания и Богослужбных текстов. Свобода, дарованная Всевышним, была главным содержанием его жизни и пастырской проповеди. И потому он оставался костью в горле у священноначалия, подчиненного Комитету государственной безопасности. Андропов, глава Комитета, отметил его неординарное поведение еще в 1974 году в специальном донесении правительству о происках Ватикана. И с этого времени Комитет глаз с него не спускал. Он был для них неудобен, лишняя головная боль. Никак не могли его прищипить к себе, ускользал сквозь пальцы. Как же так, вся церковь у них в кулаке, вся упряжка, а этот и еще несколько им соблазненных тянут в сторону.

Курс на реставрацию отбросил наше православие на двести лет назад, к началу XIX века, когда появилось Библейское общество, озабоченное тем же: религиозным просвещением народа. Вспомним печальную судьбу архимандрита Макария Глухарева (1792–1847) — православного подвижника, миссионера, переводчика Библии. Он был сослан в монастырь за свои, как бы сейчас сказали, «обновленческие» взгляды. Все же не убит, а сослан... Он считал, что «язык славянский сделался мертвым, на нем никто у нас не говорит и не пишет». Глухарев дерзнул в письме государю связать общественные катастрофы «с грехом тех, кто отдалял Библию от народа». «Неужели Слово Божие в облачениях славянской буквы, — писал он, — перестает быть Словом Божиим в одеянии российского наречия?» Славянский язык и сегодня является препятствием для большинства обращенных.

Ориентация на кондовое православие укоренилась в наше время благодаря ностальгическим настроениям и страху перед назревшими церковными реформами. Они, кстати, назрели

задолго до большевистского переворота и были сформулированы на Московском соборе в 1917–1918 годах. Реформам, как известно, новая власть воспрепятствовала. Церковь, после кровавой над ней расправы, сделалась историческим заповедником, присматривать за которым стало еще сподручнее, чем во времена Священного синода. Отфильтрованные иерархи служили верой и правдой безбожной власти на своих зачищенных епархиях. Но и сегодня Церковь осталась той же замкнутой цитаделью, в управлении которой используются рычаги и методы государственной машины. Разумеется, такое послушное «вероисповедание» входит в клинч с тем, которое исповедовал отец Александр. Система сдерживания и дозированного удушения работает по сей день. Все еще безотказная система князя мира сего, облачившегося в церковные одежды.

Строятся новые храмы, открываются духовные училища, увеличивается число священнослужителей. Но Церковь это делает как бы для себя. Народ нужды в этом не ощущает. Храмы полупусты, а некоторые и вовсе безлюдны – особенно сельские.

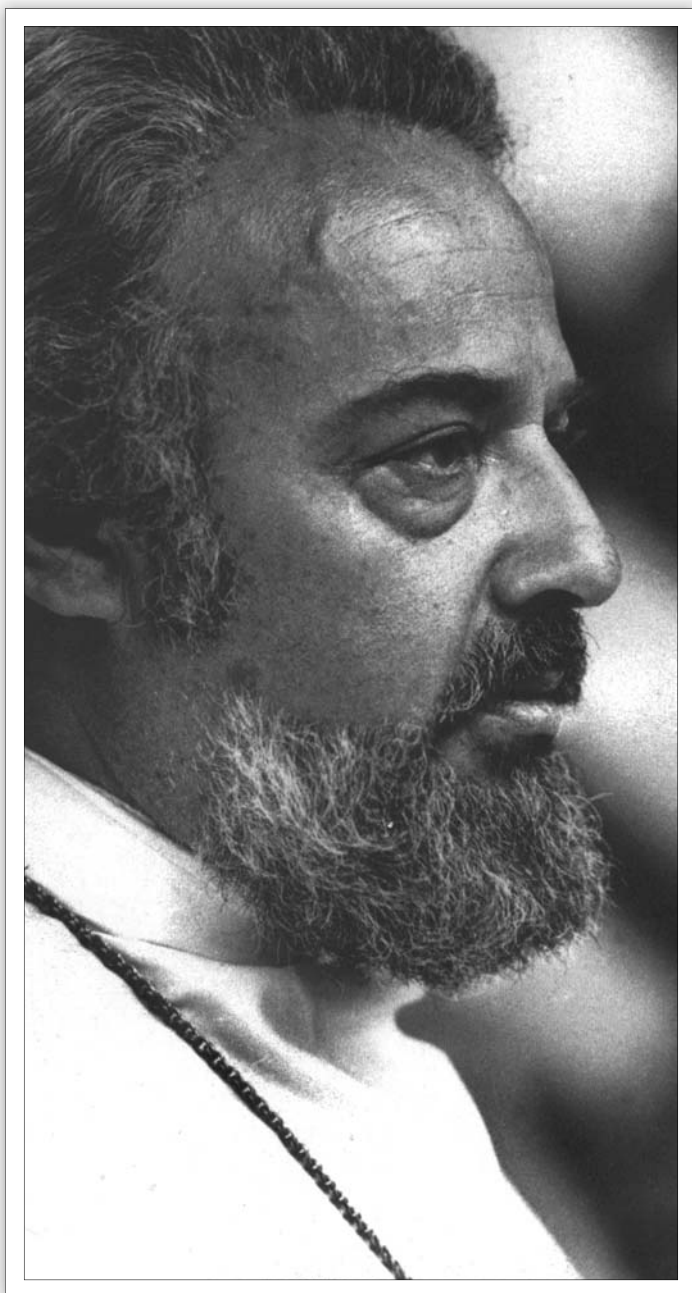
И причина тут, как писал отец Александр, «не в самой вере как таковой, а в ее извращениях. Точнее – в “закрытом”, агрессивном типе религиозности, которая содержит проекцию наших страстей или несет на себе печать социального и нравственного окостенения.

То, что такая религиозность существует, не удивительно. Куда удивительнее, что через глухую плотину человеческого несовершенства все же пробиваются струи живой воды: открытой духовности, ориентированные на две главные заповеди о любви к Творцу и к людям».

Отец Александр предвидел нынешнюю ситуацию. Церковь, склонная к консерватизму, подпитывается ксенофобскими и националистическими настроениями. Он предсказал терроризм как тактику будущих религиозных и межнациональных войн. О русском фашизме, зарождающемся у него на глазах, он говорил без обиняков, что его поддерживают «многие церковные деятели». Но такого монстра, как православный сталинизм он, наверное, не мог себе представить.

Человек Культуры, он уповал на Культуру. Слово Божие прорастает в почве культурного этноса.

В перестроечные годы отец Александр организовал общество «Культурное возрождение». Не духовное, заметим, а

о. Александр. 1990 г.

культурное. Общество было очень трудно учредить. Исполком терял документы, мотал нас по инстанциям. Под эгидой Общества отец читал лекции по истории религий, философии, русской и мировой литературе. Он говорил, что Отцы Церкви обращали внимание неопитов на древнегреческую литературу, находя в ней, языческой, немало полезного для христианского мировоззрения. Эстетическое чувство облагораживает христианина. Чтобы не походил на тех варваров-христиан, спаливших Александрийскую библиотеку, крушивших античную культуру, обрубая фаллосы и груди у мраморных изваяний.

Отец Александр уповал на воцерковление через культуру. Это была его концепция особой миссии гуманитарно образованных слоев общества в деле «новой евангелизации». Какой необозримый простор мировой культуры открывается в его книгах, лекциях, проповедях! Не представляя этой картины, трудно понять смысл человеческой истории.

Раньше конференции (приобщенные к дням его памяти) проводились в Москве при огромном стечении народа, зарубежных гостей. Они имели статус международных конференций. В начале двухтысячных их эвакуировали в Семхоз, за 65 километров от Москвы, куда электричка идет полтора часа. Разумеется, доступ к ним разительно сократился. Цель, по видимому, достигнута: задвинуть подальше, чтоб лишний раз не возникал. Кстати говоря, его и физически убрали 9 сентября 1990 года накануне готовящегося путча. Боялись, что его духовный авторитет консолидирует демократические силы, против которых уже выдвинулись танки.

И все же – исподволь, сокровенно – отношение к Меню меняется в церковной среде. Многие священники считают его современным апостолом и священиком. Вопреки колоссальной инерции зла, имеющей силу в постсоветском обществе.

Два года тому назад 9 сентября архиепископ Григорий (Чирков), служивший литургию в Новой Деревне, в бывшем приходе отца Александра, сказал в своей проповеди, что этот день поминовения стал храмовым праздником. Он высказал чаяния всех присутствующих, считающих отца Александра своим заступником у Божьего престола, то есть святым.

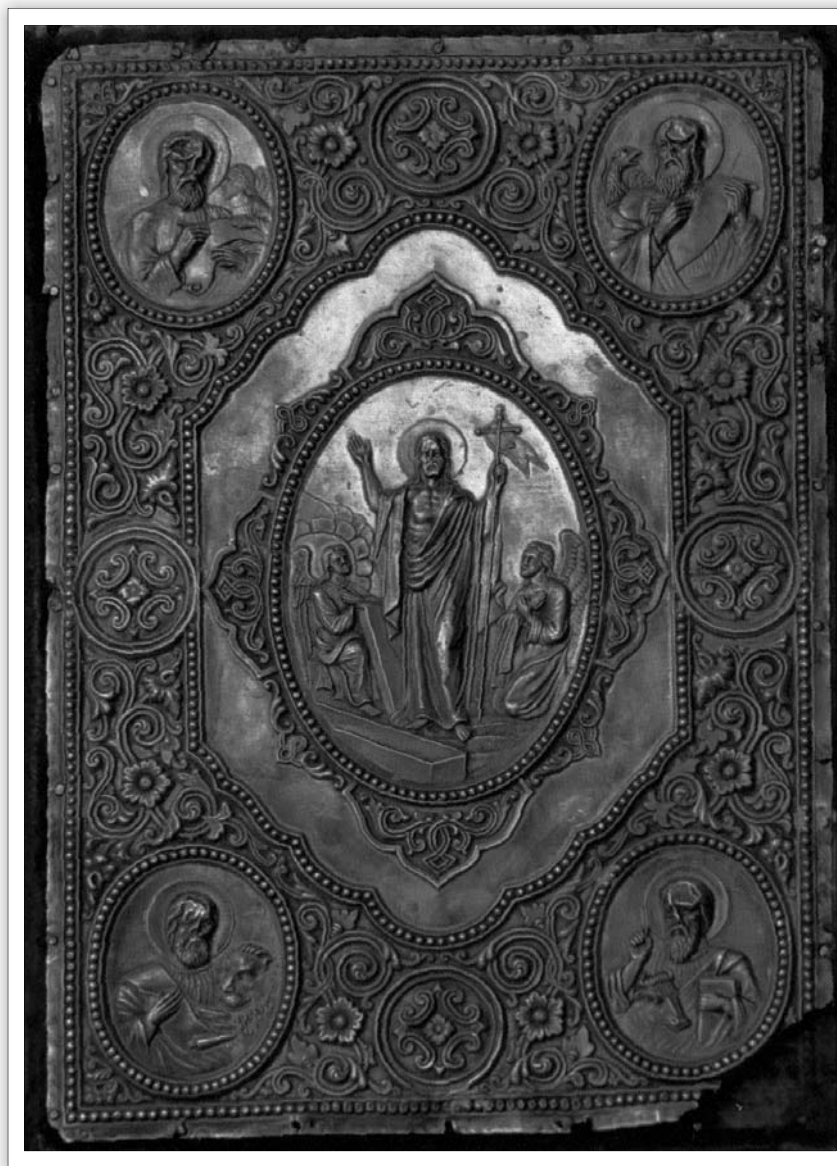
ДОМ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
В СЕМХОЗЕ

Заря над батюшкиным домом
Роскошная... Шатром огромным
Раскинулась — из края в край.
Ее чернит вороний грай,
Прокалывают пики елей.
Последних мартовских метелей
Смятение... Не зря возник
Ее огнеподобный лик.

Заря над путеводным домом...
Он, выпотрошенный драконом,
Объят музейной тишиной
За крепостью сторожевой.
Дыханье хладное сдувает
С покатою крыши снежный дым.
Днесь небеса не оставляют
Его присутствием своим.

Вот и Меркурий, как подранок,
В лучах зари кровотоцит.
Предупредительный охранник
Мне двери дома отворит.

Наполнен тишиною кроткой
Пустой просторный кабинет.
И падает нездешний свет
В окно, что забрано решеткой.

Напрестольное Евангелие
Сретенского храма в Новой Деревне

Сергиевская церковь в Семхозе на месте гибели о. Александра

Содержание

1976 год	6
16 августа 1979 года	10
Июнь 1983 года	10
Декабрь 1983 года	12
4 июня 1985 года. Семхоз	17
28 августа 1985 года	19
Сентябрь 1985 года	24
Как студент Александр Мень сдавал экзамены по марксизму-ленинизму ...	27
Начало июня 1985 года. Семхоз	33
11 июня 1985 года	42
Лето 1985 года	49
Осень 1985 года	52
26 октября 1987 года	55
6 ноября 1987 года	55
27 июня 1988 года. Семхоз	56
20 октября 1988 года	57
13 мая 1989 года	60
9 ноября 1989 года	62
Июнь 1990 года	68
1 сентября 1990 года Семхоз	69
10 сентября 1990 года	76
Лето 1977 года	100
16 августа 1989 года	102
5 августа 1990 года	121
23 ноября 1990 года	121
«Я жив, я есть, вот тебе знак...»	123
20 января 1991 года	124
Настя	141
Полина	144
Кому нужен отец Александр?	145
Домашние беседы	155
Школа смирения	168
Пастырь и его овечки	172
На исповеди	174
Баба Надя	174
Свидетели	176
Голос отца Александра	177
Ваше Преосвященство	179
Четверть века без отца Александра	181

Александр Зорин
АНГЕЛ-ЧЕРНОРАБОЧИЙ

Серийное оформление: П.П. Ефремов
Макет и дизайн обложки Я.В. Быстрова
Корректор М.П. Крыжановская

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра Соснов П.В.

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Продукцию ведущих гуманитарных научных издательств Санкт-Петербурга и России вы можете приобрести у нас по издательским ценам.

Контакты:
в Санкт-Петербурге
Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве ООО «Университетская книга-СПб»
Тел. (495) 915-32-84, e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Рассылка по России:
Интернет-магазин Лабиринт.ру – <http://www.labyrinth.ru/>

Подписано к печати 24.11.2016. Формат 60x90 1/16. Заказ № 1314.

Усл. печ. л. 1.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80